

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Восемнадцатая конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
25–27 ноября 2021 г.

Санкт-Петербург
2021

УДК81
ББК 81.2
С-30

Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.) / Ред. Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

doi: 10.30842/9785604483954
ISSN 2686-9845
ISBN 978-5-6044839-5-4

9 785604 483954

© Коллектив авторов, 2021
© ИЛИ РАН, 2021
© Редакционно-издательское
оформление. ИЛИ РАН, 2021

А. В. Алхазова

МГУ, Москва

К ОПИСАНИЮ ХАБИТУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЕПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ НА -ГЪАН-ЛАЙ В БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Цель доклада — дать семантическую характеристику хабитуальным употреблением деепричастной формы на *-гъан-лай* в балкарском языке и охарактеризовать ограничения на ее интерпретацию в отрицательных предложениях. (1a–b) иллюстрируют две конструкции с этим деепричастием: в сочетании со вспомогательным глаголом *тур-* ‘стоять’ (1a) и в финитном употреблении, когда показатели согласования присоединяются непосредственно к деепричастию (1b):

- (1) а. *Керим школ-гъа бар-гъан-лай тур-а-ды.*
Керим школа-DAT идти-PFCT-TMP стоять-IPFV-3SG
‘Керим ходит в школу’.
- б. *Керим школ-гъа бар-гъан-лай-ды.*
Керим школа-DAT идти-PFCT-TMP-3SG
‘Керим ходит в школу’.

Под хабитуалисом понимается стативизация динамических ситуаций, предполагающая «регулярно повторяющиеся ситуации, привычные действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта» ([Плунгян 2011: 297], см. также [Dahl 1985]). Способы выражения хабитуального значения в балкарском языке описывались, в частности, в [Шлуинский 2005; Лютикова и др. 2006], однако конструкции с деепричастием на *-гъан-лай* в этих работах не рассматривались.

¹ Материал исследования собран методом анкетирования носителей в 2021 г. в с. Верхняя Балкария Черекского р-на Кабардино-Балкарской республики при поддержке гранта РФФИ 19-012-00627.

В докладе я остановлюсь на двух проблемах описания хабитуального маркирования с помощью деепричастной формы на *-гъан-лай*. Первая связана с невозможностью генерической интерпретации конструкций, представленных в (1a–b). У формы *-гъан-лай* в сочетании с глаголом *тур-* отмечается наличие значения регулярности процесса, как в (1a), (2a) [Ульмезова 2012]. Такую интерпретацию допускают и предложения с финитной реализацией деепричастия (1b), (2b). Однако в сочетании не с конкретно-референтным, а с генерическим актантом, как в (3a–b), употребление обеих конструкций с *-гъан-лай* становится невозможным, причем вне зависимости от числового маркирования.

- (2) а. *Киштик макъыр-гъан-лай тур-а-ды.*
кот мяукать-PFCT-TMP стоять-IPFV-3SG
'(Эта) кошка мяукает'.
- б. *Киштик макъыр-гъан-лай-ды.*
кот мяукать-PFCT-TMP-3SG
'(Эта) кошка мяукает'.
- (3) а. **Киштик(-ла) макъыр-гъан-лай тур-а-ды(-ла).*
кот-PL мяукать-PFCT-TMP стоять-IPFV-3SG-PL
Ожид.: 'Кошки мяукают'.
- б. **Киштик(-ла) макъыр-гъан-лай-ды(-ла).*
кот-PL мяукать-PFCT-TMP-3SG-PL
Ожид.: 'Кошки мяукают'.

Вторая проблема связана с интерпретацией конструкции со вспомогательным глаголом *тур-* в отрицательных предложениях. Эта конструкция допускает две позиции для маркера отрицания — в составе смыслового глагола (4) и в составе вспомогательного (5). В первом случае (4) возможны две интерпретации: с широкой сферой действия хабитуалиса относительно сферы действия отрицания ('постоянно' > NEG; 'постоянно не V') (4.1) и с широкой сферой действия отрицания (NEG > 'постоянно'; 'неверно, что постоянно V') (4.2). Во втором случае (5) речь идет об отсутствии регулярно воспроизводящейся ситуации в течение ограниченного фокусного временного интервала, который может включать мо-

мент речи, как в (5). Кроме того, при такой интерпретации имплицатурой является то, что за пределами фокусного интервала хабитуальная ситуация имеет место.

- (4) *Мурат школгъа бар-гъан-лай тур-ма-й-ды.*
Мурат школа-DAT идти-РФСТ-ТМР стоять-NEG-IPFV-3SG
1. ‘Мурат не ходит в школу (постоянно)’.
2. ‘Мурат то ходит, то не ходит в школу’.
- (5) *Мурат школ-гъа бар-ма-гъан-лай тур-а-ды.*
Мурат школа-DAT идти-NEG-РФСТ-ТМР стоять-IPFV-3SG
‘Мурат не ходит в школу (= в настоящее время, а обычно ходит)’.

В докладе будут обсуждаться возможные способы анализа упомянутых ограничений и будет предпринята попытка увязать их с интерпретациями формы на *-гъан-лай* в деепричастном употреблении, описывающей «конец побочного действия и начало основного действия, между которыми минимальный интервал» [Урусбиев 1976: 223], как в (6).

- (6) *Кёр-ген-лей айт.*
видеть-РФСТ-ТМР рассказывать.IMP
‘Как только увидишь, расскажи’.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; DAT — дательный падеж; IMP — императив; IPFV — презент; NEG — отрицание; РФСТ — перфект; PL — множественное число; SG — единственное число; ТМР — темпоральный показатель.

Литература

- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Ульмезова 2012 — Л. М. Ульмезова. Категория аспектуальности в Карачаево-балкарском языке // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2012. Вып. 1. С. 39–47.
- Урусбиев 1976 — И. Х. Урусбиев. Глагол // Н. А. Баскаков (ред.). Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 193–278.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basic Blackwell, 1985.

References

- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basic Blackwell, 1985.
- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazelskaya, A. B. Shluinsky. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and semantics of the verb in Karachay-Balkar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature RAS, 2006.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics. Grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]. Moscow: RSUH, 2011.
- Shluinsky 2005 — A. B. Shluinsky. *Tipologiya predikatnoy mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektualnye znacheniya* [A typology of pluractionality: Quantitative aspectual meanings]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2005.
- Ulmezova 2012 — L. M. Ulmezova. Kategoriya aspektualnosti v Karachayevo-balkarskom yazyke [Aspect in Karachay-Balkar]. *Vestnik SPbGU. Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2012. Is. 1. P. 39–47.
- Urusbiyev 1976 — I. Kh. Urusbiyev. Glagol [Verb]. N. A. Baskakov (red.). *Grammatika karachayevo-balkarskogo yazyka: fonetika, morfologiya, sintaksis* [Karachay-Balkar grammar: Phonetics, morphology, syntax]. Nalchik: Elbrus, 1976. P. 193–278.

А. О. Бадеев, А. А. Сергиенко

НИУ ВШЭ, Москва

ОДНА СЕРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассматривается происхождение одной серии неопределенных местоимений и контексты употребления этих местоимений в шугнанском языке (шугнано-рушанская группа < памирские языки < восточноиранская группа < иранские языки). Неопределенные местоимения в шугнанском уже становились предметом описания [Карамшов 1963; Пахалина 1969; Аламшоев 1994; Edelman, Dodykhudoeva 2009]. Были изучены формы неопределенных местоимений, пути их грамматикализации и синтаксические контексты употребления. В работе [Бахтибеков 1979] предложено деление неопределенных местоимений на серии, которого будем придерживаться и мы. В нашей работе мы стремились собрать данные для семантической карты, подобной предложенным М. Хаспельматом в [Haspelmath 1997], и сопоставить серии шугнанских местоимений с образующими ее контекстами.

В шугнанском языке выделяются две серии неопределенных местоимений: *ar...ca*-серия и *yi*-серия (см. Таблицу 1).

Показатель неопределенности *ar* происходит из *ar* — универсального квантора ‘каждый’. Он, в свою очередь, грамматикализовался в местоимения типа *ar čay* с семантикой ‘каждый’, ‘всякий’, ‘любой’. Шугнанское *ca* [Эдельман 2003: 255] представляет собой контаминацию рефлекса праиранского **čid/*čit/*ča* («частицы, образовавшие неопределенные местоимения от вопросительных») с рефлексами вопросительных местоимений **čai* — *či/ča*.

При выделении контекстов неопределенных местоимений мы пользуемся классификацией М. Хаспельмата [Haspelmath 1997]. Методом элицитации были собраны данные по всем контекстам, приведенным в работе Хаспельмата. Информантам предлагалось

Таблица 1. Местоимения *yi*-серии и *ar*-серии

Категория	<i>yi</i> -серия	<i>ar</i> -серия
кто-	<i>yi-čāj</i>	<i>ar čāj ca</i>
кто- (косвенная форма)	<i>yi-či</i>	<i>ar či ca</i>
что-	<i>yi-čīz</i>	<i>ar čīz ca</i>
какой-	<i>yi-čidûm</i>	<i>ar čidûm ca</i>
место	<i>yi-jo</i>	<i>ar jo ca</i>
способ	<i>yi-rāng (yi-carāng)</i>	<i>ar rāng ca</i>
время	<i>yi-waxt</i>	<i>ar waxt ca</i>
что- (цель)	<i>yi-čīr</i>	
количество	<i>yi-čand (yi-cûnd)</i>	<i>ar cûnd ca</i>

перевести с русского на шугнанский предложения, представляющие тот или иной контекст, в которых потенциально могло быть употреблено шугнанское неопределенное местоимение.

Местоимения *yi*-серии используются в большинстве нереферентных неопределенных контекстов (например, под отрицанием, в вопросах, в контексте ирреалиса и т. д.). Местоимения *ar...ca*-серии употребляются в неопределенных референтных контекстах.

Было обнаружено, что местоимения *ar...ca*-серии употребляются в контекстах свободного выбора. Однако в контекстах, занимающих промежуточное положение на семантической карте, в первую очередь, в контексте «ирреалиса», местоимения *ar...ca*-серии недопустимы. Таким образом, эта группа местоимений оказывается как бы «разорванной» на две части, что, по данным других языков, невозможно [Haspelmath 1997] (см. Рис. 1).

Это противоречие, однако, можно разрешить. На синхронном уровне *ar...ca*-местоимения в неопределенных референтных контекстах и *ar...ca*-местоимения в контекстах свободного выбора можно выделить в разные серии. Во-первых, в контекстах свободного выбора *ca* может сдвигаться в конец клаузы:

- (1) *Tu varđi-yi ar čī=rd čor ca kin-i.*
 ты мочь-2SG что кто.OBL=LAT муж REL делать-2SG
 ‘Ты можешь жениться на ком угодно’.

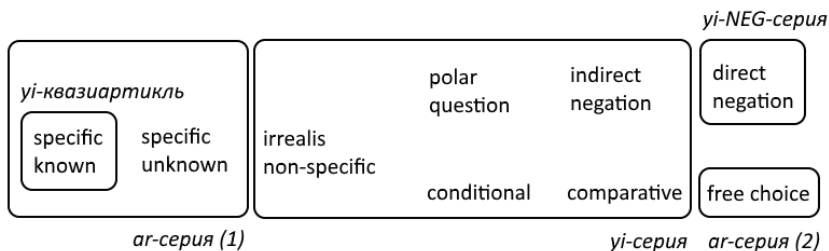

Рис. 1. Семантическая карта неопределенных местоимений шугнанского языка

Во-вторых, в контекстах свободного выбора чаще используются не «чистые» *ar...ca*-местоимения, а квазирелятивы на их основе *ar ... turd ca fort* ('что тебе угодно'), *ar ... di navud* ('что бы то ни было'). В-третьих, в контекстах свободного выбора *ar...ca*-местоимения невозможно употреблять в ситуации эллипсиса. Таким образом, синхронно можно выделить две разные серии местоимений: *ar...ca-1* (референтные контексты) и *ar...ca-2* (контексты свободного выбора).

Список условных сокращений

LAT — латив; OBL — косвенный падеж; REL — релятивизатор; SG — единственное число.

Литература

- Аламшоев 1994 — М. М. Аламшоев. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Душанбе: Помир, 1994.
- Бахтибеков 1979 — Т. Бахтибеков. Грамматикаи забони шугнонӣ. Душанбе: Дониш, 1979.
- Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.
- Пахалина 1969 — Т. Н. Пахалина. Памирские языки. (Языки народов Азии и Африки). М.: Наука, 1969.
- Эдельман 2003 — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М.: Восточная литература, 2003.

- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni // G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

References

- Alamshoyev 1994 — M. M. Alamshoyev. *Sistema mestoimeniy shugnan-skogo yazyka (v sravnenii s drugimi yazykami shugnano-rushanskoy gruppy pamirskikh yazykov)* [Pronominal system of the Shugni language (In comparison with other languages of the Shugni-Rushani group of the Pamir languages)]. Dushanbe: Pomir, 1994.
- Bakhtibekov 1979 — T. Bakhtibekov. *Grammatikai zaboni shuznonū* [Shugni grammar]. Dushanbe: Donish, 1979.
- Karamshoyev 1963 — D. K. Karamshoyev. *Badzhuvskiy dialekt shugnan-skogo yazyka* [Bajuv dialect of Shugni]. Dushanbe: Tadjik SSR Academy of Sciences, 1963.
- Pakhalina 1969 — T. N. Pakhalina. *Pamirskiye yazyki* [Pamir languages]. (Yazyki narodov Azii i Afriki). Moscow: Nauka, 1969.
- Edelman 2003 — D. I. Edelman. *Etimologicheskii slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.
- Edelman, Dodykhudoyeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoyeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

А. Е. Бакланов
НИУ ВШЭ, Москва

О СЕМАНТИКЕ ЭВЕНСКОГО ДЕСТИНАТИВА¹

Дестинатив (десигнатив, назначительный падеж, неопределенный аккузатив) — одна из грамматических категорий эвенского языка. Маркер дестинатива присоединяется к существительному со значением темы, а посессивный маркер и посессор или дативный объект (при его наличии) выражают участника, которому предназначается тема (далее — «потенциального обладателя»). В примерах (1) и (2) сравнивается употребление дестинатива и аккузатива в позиции прямого дополнения.

- (1) *d'u-ga-ji* *o-ri-n*
дом-DST-POSS.REFL.SG делать-PST-3SG
'(Он) построил дом для себя'.
- (2) *d'u-w* *o-ri-n*
дом-ACC делать-PST-3SG
'(Он) построил дом'.

При описании семантики дестинатива для обозначения участника, маркируемого посессивным показателем, может использоваться термин «бенефициант» [Malchukov 1995]. Однако в ряде случаев употребления дестинативной конструкции такой участник отличается от прототипического бенефицианта. В этом докладе на материале быстринского диалекта эвенского языка будут описаны особенности значения дестинативной конструкции в позиции прямого объекта в сопоставлении с понятием «бенефактивности»².

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

² Данные по быстринскому диалекту эвенского языка были собраны в ходе экспедиции НИУ ВШЭ в с. Эссо и с. Анавгай Быстринского р-на Камчатского края в 2019 и 2021 гг.

Под бенефактивностью в широком смысле понимается осуществление агенсом воликативного действия, направленного на бенефицианта [Kittilä, Zúñiga 2010; Luraghi 2016]. Это определение затрагивает контексты, которые не могут быть выражены дестинативом в эвенском языке, — те, где отсутствует смена обладателя темы, как в (3).

- (3) *bi ew-ri-wu akin mašina-wa-n /*
 я мыть-PST-1SG отец машина-ACC-POSS.3SG /
**mašina-ga-n*
 машина-DST-POSS.3SG
 ‘Я помыл машину для отца’.

С другой стороны, дестинатив, наоборот, допускает необычные для бенефицианта семантические отношения участников. Например, «потенциальными обладателями» могут быть неодушевленные предметы (4) и абстрактные сущности (5).

- (4) *bi o-ri-wu stol budəl-ga-n*
 я сделать-PST-1SG стол ножка-DST-POSS.3SG
 ‘Я сделал ножку для стола’.

- (5) *bu on'a-ri-wun fist'ival'*
 мы.INC написать-PST-1PL.EXC фестиваль
iken-ŋe-n
 песня-DST-POSS.3SG
 ‘Мы написали песню для фестиваля’.

Кроме того, посессивный показатель на существительном в дестинативе может отсылать к участнику со значением реципиента (как в [Kittilä 2005]). В этом случае участник зачастую дополнительно выражается дативной формой (6), как и в более употребительной конструкции ACC+DAT (7).

- (6) *bi var'a-du ŋenu-kən-ŋə-n bu-ri-wu*
 я Варя-DAT послать-DIM1-DST-POSS.3SG дать-PST-1SG
 ‘Я дал Варе подарок (посылку)’.

- (7) *bi ŋenu-ka-m bu-ri-wu var'a-du*
 я послать-DIM1-ACC дать-PST-1SG Варя-DAT
 ‘Я дал Варе подарок (посылку)’.

Напротив, адресат, который типологически часто выражается одинаковым способом с реципиентом и бенефициантом [Luraghi 2016], по-видимому не может выражаться дестинативом (8).

- (8) *bi var'a-du nimka-m* / **nimkan-ŋa-n*
 я Варя-DAT сказка-ACC / *сказка-DST-POSS.3SG
teləŋ-di-wu
 рассказать-PST-1SG
 ‘Я рассказал Варе сказку’.

Таким образом, можно предложить анализировать семантику дестинатива, не опираясь на понятие бенефактивности и семантические роли, а взяв за основу семантические отношения, выражаемые посессивными показателями, поскольку дестинатив скорее является модификатором посессивности, нежели падежом [Бакланов 2021].

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; DIM1 — диминутив; DST — дестинатив; EXC — исключаящее собеседника; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; REFL — возвратность; SG — единственное число.

Литература

- Бакланов 2021 — А. Е. Бакланов. Является ли дестинатив падежом в эвенском языке? // Материалы III научной конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, МГУ, 23–24 апреля 2021 г. URL: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/9916/1797/5536/MJaBL_2021_Baklanov.pdf (дата обращения 15.10.2021).
- Kittilä 2005 — S. Kittilä. Recipient-prominence vs. beneficiary-prominence // *Linguistic Typology*. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 269–297.
- Kittilä, Zúñiga 2010 — S. Kittilä, F. Zúñiga. Introduction: Benefaction and malefaction from a cross-linguistic perspective // S. Kittilä, F. Zúñiga (eds.). *Benefactives and Malefactives: Typological perspectives and case studies*. (Typological Studies in Language 92). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 1–28.

- Luraghi 2016 — S. Luraghi. The mapping of space onto the domain of benefaction and some unpredicted trends in semantic change // *Linguistics*. 2016. Vol. 54. No. 2. Berlin: Mouton De Gruyter. P. 339–379.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. *Even*. (Languages of the World: Materials 12). München; Newcastle, LINCOM EUROPE, 1995.

References

- Baklanov 2021 — A. Ye. Baklanov. Yavlyaetsya li destinativ padezhom v even-skoy yazyke? [Is the destinative a case in Even?]. Materials of the 3rd scientific conference “Malye yazyki v bolshey lingvistike”. Moscow, MSU, April 23–24, 2021. Available at: http://tipl.philol.msu.ru/application/files/9916/1797/5536/MJaBL_2021_Baklanov.pdf (accessed on 15.10.2021).
- Kittilä 2005 — S. Kittilä. Recipient-prominence vs. beneficiary-prominence. *Linguistic Typology*. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 269–297.
- Kittilä, Zúñiga 2010 — S. Kittilä, F. Zúñiga. Introduction: Benefaction and malefaction from a cross-linguistic perspective. S. Kittilä, F. Zúñiga (eds.). *Benefactives and Malefactives: Typological perspectives and case studies*. (Typological Studies in Language 92). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 1–28.
- Luraghi 2016 — S. Luraghi. The mapping of space onto the domain of benefaction and some unpredicted trends in semantic change. *Linguistics*. 2016. Vol. 54. No. 2. Berlin: Mouton De Gruyter. P. 339–379.
- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. *Even*. (Languages of the World: Materials 12). München; Newcastle, LINCOM EUROPE, 1995.

Д. Д. Белова

*МГУ «Междисциплинарная научно-образовательная школа
МГУ им. М.В. Ломоносова “Мозг, когнитивные системы,
искусственный интеллект”»; ИЯз РАН, Москва*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КАУЗАТИВ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена каузативной морфологии татышлинского говора удмуртского языка². Мы рассмотрим семантические и синтаксические свойства каузативных суффиксов, релевантные для типологической характеристики: маркирование актантов при каузативных дериватах, периферийные каузативные значения, контактную и дистантную семантику.

Инвентарь каузативных морфем татышлинского говора в первом приближении описан в [Baidoullina 2003: 97]. Он представлен двумя суффиксами: *-t* (общеудмуртский, восходящий к прауральскому [Kövesi 1965], его свойства в литературном языке описаны в [Tánczos 2015]) и *-ttâr* (отсутствует в литературном языке и мало описан, является тюркским заимствованием). По нашим данным, суффикс *-t* присутствует во всех идиолектах и не имеет ограничений на исходную основу; суффикс *-ttâr* является менее универсальным и в ряде идиолектов присутствует только вместе с *-t* в составе форманта *-ttârât*.

Каузируемый участник, смещаемый из позиции подлежащего, получает аккузативное маркирование (даже если исходный глагол уже имеет аккузативно маркированный актант) (1). Исключением являются глаголы восприятия, при которых Каузируемый имеет также роль Экспериенцера и может маркироваться дативом (2):

¹ Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

² Материал собран методом анкетирования в Татышлинском р-не республики Башкортостан (с. Старый Кызыл-Яр и окрестности) в 2021 г.

- (1) *ruslan vas'a-jez ukno-(jez) vors-a-t-i-z*
Руслан Вася-ACC окно-(ACC) закрывать-CAUS-PST-3SG
'Руслан заставил/попросил Васю закрыть окно'.
- (2) *vas'a anaj-ez-lâ / ??anaj-ze fil'm*
Вася мать-POSS.3SG-DAT мать-ACC.POSS.3SG фильм
aʔʒ'â-t-i-z
смотреть-CAUS-PST-3SG
'Вася показал маме фильм'.

Каузативные дериваты могут иметь фактитивную и рогативную семантику (3). Пермиссивная семантика возможна в контексте отрицания (4) и имперсонального каузатива (5):

- (3) *vrač' maša-jez kânfet s'iâ-t-i-z*
врач Маша-ACC конфета есть-CAUS-PST-3SG
'Врач попросил / заставил / ??разрешил Маше есть конфеты'.
- (4) *vrač' vas'a-jez tämâk öz kâskâ-tâ*
врач Вася-ACC табак NEG.PST.3 тянуть-CAUS
'Врач не просил Васю / запретил Васе курить'.
- (5) *koč'âš veša-t-e*
кошка гладить-CAUS-PRS.3SG
'Кошка дает себя гладить'.

Дистантность мы будем определять вслед за [Лютикова и др. 2006] с помощью тестов на возможность описывать ситуации с нарушениями единства участников, места и времени. Татышлинские каузативные дериваты в этом отношении различаются в зависимости от свойств исходной глагольной основы: неагентивные одноместные предикаты образуют контактные каузативы (6), агентивные одноместные и двухместные — дистантные (7):

- (6) *ruslan nâlp-i-jos-âz sajka-t-i-z*
Руслан ребенок-PL-ACC просыпаться-CAUS-PST-3SG
'Руслан разбудил детей'.
- a. *Руслан попросил Машу разбудить детей.
b. *Руслан с вечера завел в детской будильник, а сам спал в другой комнате.
c. *Руслан велел детям проснуться в шесть утра.

- (7) *ruslan vas'a-jez bâz'â-t-i-z*
Руслан Вася-ACC бежать-CAUS-PST-3SG
'Руслан сделал так, что Вася бежал'.
а. ^{OK}Руслан договорился с учителем, что Вася выступит на соревнованиях по бегу
б. ^{OK}Руслан прислал Васе телеграмму с просьбой выступить на соревнованиях
с. ^{OK}Вчера Руслан уговорил Васю сегодня выступить на соревнованиях

Суффиксы *-ttâr* и формант *-ttârât* проявляют межидиолектную вариативность в отношении и семантики, и синтаксиса дериватов: у разных носителей они могут выражать как одинарную, так и двойную каузацию (9). По сравнению с суффиксом *-t* они могут иметь два типа дополнительных значений: итерации событий каузации ('много раз каузировать X') и интенсификации действий каузатора ('каузировать X силой, против воли Каузируемого').

- (8) *ruslan vas'a-jez (%maša-jez) č'erla-ttâr-i-z* /
Руслан Вася-ACC Маша-ACC болеть-CAUS-PST-3SG
č'erla-ttâr-ât-i-z
болеть-CAUS-CAUS-PST-3SG
'Руслан заразил Васю и Машу / %сделал так, что Вася заразил Машу'.

Таким образом, татышлинский суффикс *-t* сходен с соответствующим литературным суффиксом и отвечает типологическим ожиданиям. Суффикс *-ttâr*, отсутствующий в литературном языке, демонстрирует большúю вариативность.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. *A permi nyelvek ősi képzői*. Budapest: Akadémia Kiadó, 1965.
- Tánczos 2015 — O. Tánczos. *Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2015.

References

- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazelskaya, A. B. Shluinsky. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and semantics of the verb in Karachay-Balkar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature RAS, 2006.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. *A permi nyelvek ősi képzői*. Budapest: Akadémia Kiadó, 1965.
- Tánczos 2015 — O. Tánczos. *Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2015.

А. О. Бузанов

НИУ ВШЭ, Москва

КОНКУРЕНЦИЯ РУССКИХ ПРИИМЕННЫХ ПОСЕССИВОВ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Для выражения одинаковых смыслов в языке могут использоваться разные грамматические средства, которые также могут демонстрировать тягу к разным формальным и семантическим признакам единиц, которые в них используются. Кроме того, эти признаки могут меняться с течением времени и переходить от одного типа конструкций к другому, особенно если одна из конструкций значительно расширяет сферу употребления.

Посессивные конструкции в русском языке могут выражаться несколькими разными способами. В докладе рассматриваются два типа посессивных конструкций: генитивные именные группы и притяжательные прилагательные на *-ов* (*фараонов*) и *-ин* (*принцессин*).

- (1) *Одна только спальня **принцессина** осталась пощажённой...*
- (2) *— Этот сонливый обитатель **фараонова** царства ничего нам не сделает...*
- (3) *Оказалось, что кто-то похитил волшебный амулет **принцессы**.*
- (4) *Образно говоря, пасти стада **фараона**?*

Посессивные конструкции неоднородны по своей природе: они могут быть более и менее прототипическими [Lander, Tyshkevich 2015; Taylor 2019]. Гипотеза состоит в том, что наиболее прототипической является конструкция с приименными посессивными прилагательными, аналогичная конструкции с притяжательными местоимениями (*моя рука* vs **рука меня*), а значит именно она будет показывать склонность к употреблению в наиболее прототипических контекстах: с референтным, определенным, одушевленным посессором, с индивидуированным объектом обладания и т. д. Однако такие же отношения обладания

могу выражаться и генитивной именной группой. Получается, что две конструкции вступают в некоторую борьбу за выполнение одинаковой функции.

Про посессивные конструкции можно рассуждать в терминах *true prototypes*, то есть таких прототипов (более подробно о прототипах и категориях см. [van der Auwera, Gast 2010]), для которых существуют контексты, в которых они оказываются наиболее выделены [Lander, Tyshkevich 2015]. Для *true prototypes* постулируются следующие свойства: низкая вариативность, высокая продуктивность, различные эффекты высокой частотности, композициональная прозрачность и диахроническая стабильность.

В работе обсуждаются посессивные конструкции двух видов: генитивные ИГ и притяжательные прилагательные на *-ов* и *-ин*. Из рассмотрения исключены прилагательные на *-j* типа *старуший, лисий*, так как в большинстве своих употреблений они служат не для того, чтобы установить отношения между объектами, а для описания свойств одного из этих объектов (*лисья нора* — обычно это не нора конкретной лисы, а такая нора, в которой может жить лиса).

Круг имен, от которых образуются притяжательные прилагательные, довольно ограничен, в то время как генитивы образуются от практически всех существительных. С течением времени в контекстах, которые были характерны для посессивных прилагательных, генитивные именные группы появляются все чаще.

На материалах НКРЯ удалось показать, что количество генитивов резко возрастает в XX в., вытесняя в большинстве контекстов притяжательные прилагательные. Чтобы оценить, какие контексты являются диахронически устойчивыми, была проведена разметка признаков обладателя и обладаемого.

На полученных данных была обучена пуассоновская регрессия и проведены статистические тесты, которые позволили сделать предположение о наборе параметров, значимых для распределения форм в разные периоды времени. Построенное впоследствии решающее дерево подтвердило значимость почти всех параметров, выделенных ранее.

Таким образом, оказалось, что наиболее устойчивыми контекстами, максимально сохраняющими притяжательные прилагательные, оказались контексты прототипических посессивных

конструкций. Также результаты работы позволяют определить, какие параметры являются наиболее значимыми для определения прототипичности: собственность посессора, реляционность, вес и число обладаемого.

Полученные результаты позволяют судить о том, что закономерности, которые были отмечены на построенных графиках распределения форм, действительно, не случайны и подтверждаются статистически.

Литература

- Lander, Tyshkevich 2015 — Yu. Lander, N. Tyshkevich. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. P. 185–199.
- Taylor 2019 — J. R. Taylor. Prototype effects in grammar // E. Dąbrowska, D. Divjak (eds.). *Cognitive Linguistics — Key Topics*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2019. P. 127–147.
- van der Auwera, Gast 2010 — J. van der Auwera, V. Gast. Categories and prototypes // J. J. Song (ed.). *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford: Blackwell, 2010. P. 166–189.

References

- Lander, Tyshkevich 2015 — Yu. Lander, N. Tyshkevich. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015"*. Is. 2. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2015. P. 185–199.
- Taylor 2019 — J. R. Taylor. Prototype effects in grammar. E. Dąbrowska, D. Divjak (eds.). *Cognitive Linguistics — Key Topics*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2019. P. 127–147.
- van der Auwera, Gast 2010 — J. van der Auwera, V. Gast. Categories and prototypes. J. J. Song (ed.). *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford: Blackwell, 2010. P. 166–189.

Ф. Ю. Бурлаков
НИУ ВШЭ, Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНО ТОЖДЕСТВЕННОЕ АНАФОРИЧЕСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена семантике и дистрибуции хантыйского местоимения *ut*.

Согласно Е. В. Падучевой [Падучева 1990], анафорические отношения характеризуются двумя типами связи: концептуальное тождество и субстанциональное тождество (кореференция). Такие местоимения, которых с антецедентом бы связывало концептуальное тождество, есть, например, в английском языке (*one*):

- (1) *I'll get you an ice-cream. — I want a big one.* [Huddleston 1978]

В этом примере *one* относится ко множеству референтов, концептуально тождественных антецеденту, но не равных ему (не субстанционально тождественному).

- (2) *kamn juχ šəp-ət ul-λ-ət. wəŋ*
на_улице дерево кусок-PL лежать-NPST-3PL большой
ut-əl mašaj-en-a mij-e.
вещь-POSS.3SG Маша-POSS.2SG-DAT дать-IMP.SG.SG
'На улице лежат палки. Дай Маше большúю'.

В настоящей работе мы рассмотрим эти случаи, главным образом, на основании данных, полученных автором в полевом исследовании единицы *ut* в казымском диалекте хантыйского языка¹.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Ограничения, связанные с референтом. В английском *one* может относиться и к неодушевленным сущностям (как правило, дискретным), и к людям. В случае с хантыйским *ut* это зависит от идиолекта носителя. Нам представляется, что это зависит от стадии размытия семантики элемента (*ut* изначально значит ‘вещь, предмет’). Ниже приведены основные модели сочетаемости в идиолектах информантов:

А) *ut* может замещать вершину, если вершина обозначает дискретный отчуждаемый предмет;

Б) *ut* может замещать вершину, если вершина обозначает дискретный отчуждаемый предмет; при замещении вершины, обозначающей лицо, появляется оскорбительный подтекст (приравнивание человека к предмету) — влияние исходной семантики;

В) *ut* может замещать вершину, обозначающую как предмет, так и лицо.

Кроме того, несмотря на тип идиолекта, большинство носителей разрешают определённые устоявшиеся словосочетания и композиты с *ut*, например, *šəkəŋ ut*: у прилагательного *šəkəŋ* есть два значения «ленивый» и «горестный», и у этого выражения соответственно два значения: «лентяй» и «бедняжка» (ср. английское *poor thing*).

Возможность употребления *ut* может быть ограничена стилистически: в разных контекстах разные информанты рассматривают такую отсылку к человеку как оскорбительную или фамильярную. Более того, словом *ut* принято называть умерших, что также может влиять на готовность носителя употребить эту единицу в отношении живого человека:

(3) *šāta kāt χannexə λol'-λ.*

там два человек стоять-NPST[3SG]

[%]*kāreš-šək ut-əl ma λəχs-əm.*

высокий-АТТ вещь-POSS.3SG я друг-POSS.1SG

‘Там стоят два человека. Пovyше — мой друг’.

Ограничения на зависимые. Были проверены случаи употребления с существительными, маркированными атрибутивизаторами, кванторами, прилагательными, словами *много/мало*, числительными и различными местоимениями. В общем случае

невозможны употребления *ut* с количественными числительными, словами много/мало и квантором всеобщности:

- (4) *muj arat kniga nāj λət-s-ən?*
сколько книга ты купить-PST-2SG
*ma ar kniga /*ut λət-s-əm.*
я много книга вещь купить-PST-1SG
'Сколько книг ты купил? — Я купил много'.

Употребление без зависимых. По имеющимся данным, в хантыйском *ut* как анафорическое местоимение без зависимых не употребляется:

- (5) *muj kinška tāi-λ-əw?*
мы книга иметь-NPST-1PL
*ma it /*ut want-s-əm.*
я один вещь видеть-PST-1SG
'У нас есть книги? — Я видел одну'.

Это свидетельствует о грамматикализации *ut* как местоимения, замещающего часть именной группы.

Английское *one* как анафорическое местоимение также не может употребляться без зависимых, ведь без зависимых при эллидированной вершине оно будет представлять собой форму артикля *a* [Huddleston 1978], хотя эту точку зрения, безусловно, нельзя назвать общепринятой.

Выводы. Неожиданные сходства, обнаруженные между анафорическими местоимениями, концептуально тождественно относящимися к антецеденту, в хантыйском и английском языке, могут говорить о типологической закономерности. В будущем будет интересно проверить это предположение на материале других языков, а также подробнее рассмотреть возможные функции единицы в хантыйском.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATT — аттенуатив; DAT — датив; IMP — императив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — possessивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Падучева 1990 — Е. В. Падучева. Анафорическое отношение // В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. С. 32.
- Huddleston 1978 — R. Huddleston. On classifying anaphoric relations: A review of M. A. K. Halliday and R. Hasan, *Cohesion in English* // *Lingua*. 1978. Vol. 45. Is. 3–4. P. 333–354.

References

- Huddleston 1978 — R. Huddleston. On classifying anaphoric relations: A review of M. A. K. Halliday and R. Hasan, *Cohesion in English*. *Lingua*. 1978. Vol. 45. Is. 3–4. P. 333–354.
- Paducheva 1990 — E. V. Paducheva. Anaforicheskoye otnosheniye [Anaphoric relations]. V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences, 1990. P. 32.

Д. А. Буров

МГУ, Москва

МОРФОСИНТАКСИС ПОСЛЕЛОГОВ И РЕЛЯЦИОННЫХ ИМЕН В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В настоящем исследовании рассматриваются различия между послелогоми и реляционными именами в казымском диалекте хантыйского языка. В работе используются данные ряда экспедиций, в том числе собранные методом элицитации в ходе собственной полевой работы автора в 2021 г.

Адлоги в языке могут иметь разные источники грамматикализации, в частности — грамматикализовываться из реляционных имен [Heine, Kuteva 2004: 61, 139, 183] (что было описано для ряда языков, например, в [Starosta 1985]), при этом в отдельном языке синхронно могут быть представлены единицы, находящиеся на разных этапах грамматикализации. Т. Архангельский и М. Усачева [Arkhangelskiy, Usacheva 2015] говорят о свойствах, позволяющих отличить друг от друга такие единицы в бесермянском языке; М. Муравьёва и М. Холодилова [Муравьёва, Холодилова 2018] — в мокшанском языке; мы обращаем внимание как на выделенные ими морфосинтаксические свойства, так и на ряд признаков, характерных именно для хантыйского языка.

Единицы, относимые к послелогам в изучаемом диалекте, как и во многих финно-угорских языках, могут присоединять показатели числа, посессивности и падежа, но отличаются от существительных по морфологическим свойствам. Так, их посессивные показатели могут отличаться от именных; особенно хорошо это заметно в случаях, когда у слова сохраняется и именное употребление (1):

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

- (1) a. *λmw oλη-αλ-эн*
 он о-POSS.3SG-LOC
 ‘о нем’
- b. *ulitsa oλη-eλ-эн*
 улица начало-POSS.3SG-LOC
 ‘в начале улицы’

При этом послелогои разделяются на две группы с точки зрения того, какие показатели они принимают — именные или послеложные, хотя это разделение прослеживается и не у всех носителей (2):

- (2) a. *min jeśaλt-amn-a*
 мы.DU навстречу-POSS.1DU-DAT
 ‘навстречу нам двоим’
- b. *min χonəη-εmn-a*
 мы.DU около-POSS.1DU-DAT
 ‘к нам двоим’

Кроме того, только некоторые из рассматриваемых единиц могут присоединять показатели числа (3). Именно и только те же единицы могут, сближаясь в этом с существительными, присоединять посессивные показатели в том случае, если в их комплементе — существительное (если в комплементе местоимение, то посессивный показатель обязателен у всех таких единиц) (4).

- (3) a. *juχ ilp-et-эн λant εnməλ*
 дерево под-PL-LOC мох расти.NPST[3SG]
 ‘Под деревьями растет мох’.
- b. [?]*pāsana oχt-ət-эн kinčkaij-ət ul-λ-ət*
 стол на-PL-LOC книга-PL лежать-NPST-3PL
 ‘На столах лежат книги’.
- (4) a. *χot-εm lip-eλ-a*
 дом-POSS.1SG внутри-POSS.3SG-DAT
 ‘внутри моего дома’
- b. *χot-εm ewəλt(*-aλ-a)*
 дом-POSS.1SG из-POSS.3SG-DAT
 ‘из моего дома’

Отличаются единицы и с точки зрения внешнего синтаксиса: только некоторые из них могут встречаться в контексте прямых падежей (5). Группа таких единиц совпадает с группой, выделяющейся в случаях типа (3) и (4).

- (5) *χot lip-eλ χir-n tewəλ-s-a*
дом внутри-POSS.3SG мешок-LOC затолкать-PST-PASS[3SG]
‘Внутренность его дома забита мешками’.

При этом и выделяющиеся единицы, в отличие от существительных, не присоединяют к себе модификаторы (модификатор может присоединяться только ко всей группе) (6).

- (6) a. *pāsān əχt-əλ telijewa kewān-ən*
стол на-POSS.3SG полностью бутылка-LOC
tekapta-s-λe
заполнить-PST-3SG>SG
‘Он заполнил пространство на столе бутылками’.

- b. **pāsān telijewa əχt-eλ kewān-ən*
стол полностью на-POSS.3SG бутылка-LOC
tekapta-s-λe
заполнить-PST-3SG>SG
Ожид.: ‘Он заполнил пространство на столе бутылками’.

В качестве комплемента встречаются именные группы, местоимения, послеложные группы, иногда нефинитные клаузы. Со всем без комплемента могут выступать только отдельные единицы — в наречном значении (7) и не у всех носителей. Личное местоимение в комплементах никогда не опускается, в отличие от аналогичных посессивных именных групп (8).

- (7) *ʔλw tuχti mān-λ*
он мимо идти-NPST[3SG]
‘Он идет мимо’.

- (8) a. *λw *(ma) tuχt-am-a mān-λ*
он *(я) мимо-POSS.1SG-DAT идти-NPST[3SG]
‘Он идет мимо меня’.

b. *λnw (ma) χot-εm-a mān-λ*
он (я) дом-POSS.1SG-DAT идти-NPST[3SG]
'Он идет к моему дому'.

В целом можно говорить, что в диалекте представлены и единицы, более близкие к реляционным именам, и более близкие к послелогам, но в большинстве случаев они показывают отличие от существительных — даже если приближаются к ним.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; LOC — местный падеж; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; X>X — субъектно-объектное согласование.

Литература

- Муравьёва, Холодилова 2018 — М. Муравьёва, М. Холодилова. Послелог и реляционные имена // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки-Веди, 2018. С. 212–248.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria // *SKY Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.
- Heine, Kuteva 2004 — В. Heine, Т. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Starosta 1985 — S. Starosta. Relator nouns as a source of case inflection // *Oceanic Linguistics Special Publications*. 1985. Vol. 20. P. 111–133.

References

- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *SKY Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.

- Heine, Kuteva 2004 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Muravyeva, Kholodilova 2018 — M. Muravyeva, M. Kholodilova. Poslelogi i relyatsionnye imena [Postpositions and relational nouns]. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova (eds.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological perspective]. Moscow: Buki-Vedi, 2018. P. 212–248.
- Starosta 1985 — S. Starosta. Relator nouns as a source of case inflection. *Oceanic Linguistics Special Publications*. 1985. Vol. 20. P. 111–133.

А. А. Бызова, Т. И. Давидюк

МГУ, Москва / МГУ; ИЯз РАН, Москва

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИМЕННОЙ И ПОСЛЕЛОЖНОЙ ГРУПП В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена сопоставлению свойств именных групп и групп с серийными послелогоми² в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны методом анкетирования в ходе экспедиции МГУ 2021 г. в Татышлинском р-не Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, Ивановка, с. Нижнебалтачево, Новые Татышлы). Серийные послелогии удмуртского языка могут присоединять показатели посессивности и числа, см. [ГСУЯ 1962: 317–318]. Тем самым, встает вопрос о различиях именной (ИГ) и послеложной (ПГ) групп, актуальный для уральских языков, см. [Baker 1985; Бирюк 2005]. Мы сосредоточимся на морфосинтаксических свойствах зависимого в ИГ и ПГ и на посессивном согласовании. Этим вопросам не уделялось большого внимания в существующих описаниях [Едыгарова 2010; Arkhangelskiy, Usacheva 2015 и др.]. Материал татышлинского говора, существенно отличающегося от литературного языка, слабо представлен в литературе.

Именной посессор в ИГ может маркироваться генитивом, что вызывает обязательное посессивное согласование (1), либо стоять в немаркированной форме³, при которой посессивное

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

² Серийные послелогии представляют собой формы локативных падежей от некоторого имени [Майтинская 1982: 26].

³ Распределение генитивных и немаркированных форм зависит от семантики посессивного отношения, см. типологические данные в [Koptjevskaja-Tamm 2002].

согласование отсутствует (2). Схожая картина наблюдается в ПГ (3).

- (1) *maša-len pi-jez* / **pi uža-Ø*
 Маша-GEN сын-POSS.3SG сын работать-PRS.3SG
 ‘Машин сын работает’.
- (2) *puk-on p̂d* / **p̂d-̂z* *tijalt̂-s'k-i-z*
 сидеть-VN нога нога-POSS.3SG ломать-DETR-PST-3SG
 ‘Ножка стула сломалась’.
- (3) *mon ŝl-is'ko-Ø* [*korka az'-̂n*] /
 я стоять-PRS-1SG дом перед-LOC
 [*korka-len az'-a-z* / **az'-̂n*]
 дом-GEN перед-LOC/ILL-POSS.3SG перед-LOC
 ‘Я стою перед домом’.

Тем не менее, немаркированные зависимые в (2) и (3) проявляют разные свойства. Немаркированное зависимое в ИГ не может принимать числовой и посессивные показатели (4), в отличие от ПГ (5). В рамках иерархической модели структуры ИГ это свидетельствует о том, что такие зависимые могут являться малыми ИГ, см. [Pereltsvaig 2006].

- (4) **mon [puk-on-m̂ p̂d(-ez)]* /
 я сидеть-VN-POSS.1PL нога-ACC
 [*puk-on'-n'os p̂d-jos(-̂z)*] *kujla-j-Ø*
 сидеть-VN-PL нога-PL-ACC наладить-PST-1SG
 Ожид.: ‘Я починил ножку нашего стула / ножки стульев’.
- (5) *korka-jos* / *korka-je az'-̂n*
 дом-PL дом-POSS.1SG перед-LOC
bud-o s'äs'ka-jos
 расти-PRS.3PL цветок-PL
 ‘Перед домами / моим домом растут цветы’.

Различия проявляются и в маркировании зависимых личных местоимений. Местоименный посессор в ИГ не может иметь форму номинатива, в отличие от ПГ. Отдельно отметим различия в поведении местоимений 1 и 2 л.: для генитивного местоимения

1 л. посессивное согласование в ИГ и ПГ необязательно. В удмуртском литературном языке описанное явление сравнительно редко [Едыгарова 2010: 153, 159]. Типологически личные местоимения 1 и 2 л. могут проявлять разные свойства [Bhat 2004: 122].

Таблица 1. Маркирование личных местоимений в ИГ и ПГ с учетом посессивного согласования

конструкция	PRON + N			PRON + N-POSS			PRON.GEN + N			PRON.GEN + N-POSS			
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.	
местоимение													
ИГ	*			*			ok	*			ok		
ПГ	ok			ok		*	ok	*			ok		

В исследуемом идиоме падеж посессора не зависит от синтаксической позиции ИГ (ср. [Pleshak 2018] о некоторых других финно-угорских языках, где картина иная). В [ГСУЯ 1962: 317–318; Arkhangelskiy, Usacheva 2015] показано, что серийные послелогои могут занимать позиции подлежащего и прямого объекта. По нашим данным, серийные послелогои в ядерных падежах демонстрируют не такое маркирование местоименных зависимых, какое отражено в Таблице 1: как и в ИГ, в этом случае запрещается номинатив местоимения (6). Этот факт создает проблемы для того, чтобы рассматривать *az'* и *az'ân* [перед-LOC] как представителей одной лексической категории.

- (6) *kärtis'kâ-jân* *a'ž'-is'k-e* *mânäm* / **mon az'*
 фотография-LOC видеть-DETR-PRS.3SG я GEN перед
 'На фотографии виден мой перед'.

В докладе будет, кроме того, рассмотрено маркирование других типов местоимений, а также способность зависимых ИГ и ПГ к ветвлению и сочинению.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккумулятив; DETR — непереходность; GEN — генитив; ILL — иллатив; LOC — локатив; PL — множественное число;

POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Бирюк 2005 — О. Л. Бирюк. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. Дипломная работа. М.: МГУ, 2005.
- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевошиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Едыгарова 2010 — С. В. Едыгарова. Категория посессивности в удмуртском языке. PhD thesis. Tartu: Tartu University Publishers, 2010.
- Майтинская 1982 — К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria // *SKY Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.
- Baker 1985 — R. Baker. The development of the Komi case system: A dialectological investigation. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985.
- Bhat 2004 — D. N. S. Bhat. Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — М. Коптjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2002. Vol. 55. P. 141–172.
- Pereltsvaig 2006 — А. Pereltsvaig. Small nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 433–500.
- Pleshak 2018 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permian // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri (Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics)*. 2018. Vol. 1. P. 139–168.

References

- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *SKY Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.

- Baker 1985 — R. Baker. *The development of the Komi case system: A dialectological investigation*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985.
- Bhat 2004 — D. N. S. Bhat. *Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Biryuk 2005 — O. L. Biryuk. *Morfosintaksicheskiye kriterii vydeleniya poslelogov v ural'skikh yazykakh* [Morphosyntactic criteria of postpositions in the Uralic languages]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2005.
- GSUYa 1962 — P. N. Perevoshchikov (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2002. Vol. 55. P. 141–172.
- Maytinskaya 1982 — K. Ye. Maytinskaya. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Function words in Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1982.
- Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 433–500.
- Pleshak 2018 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permian. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri (Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics)*. 2018. Vol. 1. P. 139–168.
- Yedygarova 2010 — S. V. Yedygarova. *Kategoriya possessivnosti v udmurtskom yazyke* [A category of possession in Udmurt]. PhD thesis. Tartu: Tartu University Publishers, 2010.

А. А. Вебер

НИУ ВШЭ, Москва

ВИДОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА КЕРЕКСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКОЙ СЕМЬИ

Керекский — мертвый язык чукотско-камчатской семьи, среди языков этой семьи он ближе всего к корякскому; испытывает контактное влияние чукотского языка. Если рассматривать чукотско-камчатские языки как языковой континуум, керекский будет находиться между корякским и чукотским.

Материалом исследования послужил сборник фольклорных текстов [Леонтьев 1971] и записи, сделанные А. С. Асиновским во время экспедиции.

Основные задачи работы: 1) описать аспектуальную систему керекского языка с помощью типологического подхода к категории вида, который опирается на универсальный инвентарь элементарных аспектуальных значений и аспектуальные кластеры; 2) описать категории, не являющиеся чисто видовыми, но диахронически или функционально связанные с аспектом; 3) сравнить видовременную систему керекского языка с системами других языков чукотско-камчатской семьи.

1. Структура глагольной словоформы

В керекском существует два типа глагольных финитных форм.

1. Личные — формы, которые несут согласовательные показатели лица и числа, могут содержать показатель наклонений.
2. Адъективные — формы, морфологическая структура идентична структуре адъективов в предикативной позиции. Адъективные формы могут иметь только значение индикатива.

(1) <i>ne-kaatuu-jet</i>
IPF-сильный-IPF.1SG
'Я сильный'. | (2) <i>ne-čhija-jet</i>
IPF-спать-IPF.1SG
'Я сплю'. |
|---|---|

Имперфективный показатель *-jki/-jknij* используется только с формами ирреалиса (императив, конъюнктив, будущее время).

2. Формы реалиса и их употребление

2.1. Личная форма прошедшего времени имеет интерпретацию индикативной перфективной формы в прошедшем времени (т.е. аориста). В керекском в перфективе совмещаются первичные аспектуальные значения пунктива, комплетива, инцептива и лимитатива.

1. Инцептив

- (3) *pirəqə-lli-kku gəntaa-la-j jikjalχiu-la-j*
мышь-DIM-ABS.PL бегать-PL-3PL плакать-PL-3PL.AOR
'Мышки убежали, заплакали'.

2. Лимитатив

- (4) *nata akkui-la-j čhija-la-j*
опять есть-PL-3PL спать-PL-3PL
'Опять ели и спали'.

2.2. Личная форма небудущего времени

У этой формы нет показателей времени, она может выражать и прошедшее и настоящее время и является имперфективным кластером (совмещение дуратива и хабитуалиса).

Дуратив

- (5) *taŋka kə-gəntau-la-ŋ-tək*
почему NFUT-бегать-PL-IPF-2DU
'Почему убегаете?'

Личные формы прошедшего и небудущего времени традиционно имеют такие названия, но, возможно, более правильно было бы разграничивать их не на основании того, какое время они могут обозначать, а на основании вида, т. к. первая форма представляет собой перфективный кластер, а вторая имперфективный; время же,

которое может выражаться этими формами, следует из аспекта. Перфектив довольно часто сочетается с прошедшим временем, образуя аорист, а имперфектив не сочетается с будущим временем.

2.3. Адъективная перфективная форма

Форма образуется с помощью показателя *-na*. Такой показатель есть только в керекском языке, в остальных языках есть форма *ye-lin* с таким же основным результативно-перфектным значением.

Перфект

- (6) *na-sisin-jum* *na-čhija-jum*
PF-сильно_захотеть_спать-1SG PF-спать-1SG
'Сильно спать захотелось, я поспала'.

2.4. Отрицательная предикативная форма

В керекском есть предикативная форма, но она используется только для отрицания. Как и в чукотском, это ее единственная функция, в корякском и алюторском она используется в контекстах с отрицательной полярностью. Форма не сочетается с показателями аспекта и склонения и является аспектуально нейтральной.

- (7) *ujja ala um-nan a-nmattu-ka*
нет не 1SG-ERG PRED-убивать-PRED
'Нет, я не убивал' / 'Нет, я не убиваю' / 'Нет, я не убил'

3. Формы ирреалиса. Императив

- (8) *m-eutu-q*
1SG.IMP-выходить-1SG
'выйду-ка я'
- (9) *mn-arat-la-mək?*
1PL.IMP-ходить-PL-1PL
'Походим?'

В предложении (8) выражается имперфективное значение, но маркер имперфектива отсутствует. В случае с императивом имперфективный маркер может опускаться, и это не влияет на смысл предложения, как и в остальных чукотско-камчатских языках.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; AOR — аорист; DIM — диминутив; DU — дуалис; ERG — эргатив; IMP — императив; IPF — имперфектив; NFUT — небудущее время; PF — перфектив; PL — множественное число; PRED — предикативная форма; SG — единственное число.

Литература

Леонтьев 1971 — В. В. Леонтьев. Образцы бытовых и фольклорных текстов. Приложение к материалам по истории, этнографии и языку кереков / Мейньпильгинская группа. Магадан: Б. и., 1971.

References

Leontyev 1971 — V. V. Leontyev. Obraztsy bytovykh i folklornykh tekstov. Prilozheniye k materialam po istorii, etnografii i yazyku kerekov / Meyny-pilginskaya gruppa [Samples of everyday and folklore texts. Supplement to materials on the history, ethnography and language of the Kereks / Meynypilgyno group]. Magadan: S. n., 1971.

Е. С. Володина, Я. А. Кокорева, Я. Л. Раскин

НИУ ВШЭ, Москва

**ДОКЛАД СЕГОДНЯ, ВО ВТОРНИК, ПО ПЯТНИЦАМ:
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ
ПРИ НОМИНАЛИЗАЦИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Как правило, модификаторами именных групп (ИГ) выступают имена прилагательные, а наречия и предложные группы — модификаторами глагольных или близких к ним групп. Однако это противопоставление не всегда жесткое, поэтому представляется важным определить, могут ли номинализации сочетаться с обстоятельствами времени.

Номинализации в нашем исследовании понимались достаточно широко: не только как глагольные дериваты (*приезд*), но и как имена ситуаций (*банкет, акция*). В целом кажется, что подобные имена склонны вести себя одинаково (по меньшей мере, в рассматриваемых контекстах).

Были рассмотрены сочетания ИГ с предложными группами точного времени и повторяющегося события, а также с наречиями со значением точного времени и частотности.

Пилотное корпусное исследование на материале 120 примеров позволило предположить, что конструкции с наречиями точного времени немного свободнее употребляются с Result Nominals (RN) (1)–(2), чем с Complex Event Nominals (CEN)¹ по [Grimshaw 1990].

- (1) *Он... напомнил о прибытии сегодня перечисленных офицеров.* [НКРЯ]

¹ RN (*ощущение*) обычно не сочетаются ни с временными, ни с видовыми модификаторами, ни с аргументами, в то время как CEN (*осознание*) наиболее близки по свойствам к производящей основе [Легучий 2018: 48–49].

- (2) *Договариваюсь с братом НА предмет посещения завтра: буду просить машину.* [НКРЯ]

С другой стороны, конструкции с предложными группами допустимы при номинализациях типа CEN (3), но без особого контекста (экономический (4), указания на исторические события) не встречаются при RN.

- (3) *В свой первый полёт в мае 1987 года суперакета ... отправилась со 100-тонным "Скифом-ДМ"...* [НКРЯ]
(4) *Потом это падение было частично отыграно, даже не смотря на еще один обвал в четверг...* [НКРЯ]

Также был проведен опрос, в котором участвовали 164 носителя языка в возрасте от 10 до 69 лет. При этом респонденты были случайным образом разделены на две группы, стимулы для которых различались, хотя и имели одинаковую структуру. Респондентам предлагалось оценить приемлемость предложений по пятибалльной шкале.

Опрос показал, что информанты оценивают допустимость конструкций с CEN и RN по-разному.

Для конструкций с наречиями точного времени результаты опроса в целом совпадают с результатами корпусного исследования: примеры типа (5) с Result Nominals оцениваются выше, чем типа (6) с Complex Event Nominal (что в целом противоположно ситуации в английском языке, на котором, как кажется, базируется концепция [Grimshaw 1990]):

- (5) *Её побрали за её неприятное высказывание вчера.* (RN, средняя оценка 2.55 из 5, медианная 2)²;
(6) *Мы слушаем о праздничном ужине вчера.* (CEN, ср. 1.77, м. 2)

Опрос показал, что сочетаемость ИГ с предложными группами зависит не только от класса номинализации, но и от наличия у ИГ других зависимых. Так, примеры (8) и (9) оказались менее приемлемыми для респондентов из первой группы, чем соответствующие им примеры (7) и (10), которые отличались только количе-

² Впрочем, в данном примере может играть роль неоднозначность: *вчера* здесь может относиться не только к *высказыванию*, но и к *побрали*.

ством зависимых от номинализаций, для респондентов из второй группы. В данном случае принадлежность номинализаций к RN (7)–(8) или к SEN (9)–(10) оказала меньше влияния на оценку предложений.

- (7) Мне очень понравилась акция: **Комплимент от шефа во вторник.** (RN, ср. 3.64, м. 4)
- (8) ...акция: **Вторая булочка в подарок во вторник.** (RN, ср. 2.77, м. 3)
- (9) Самый важный ... момент — **закупка еды на неделю вперёд в выходные.** (SEN, ср. 3.37, м. 3)
- (10) Самый ответственный для шефа момент — **закупка еды в начале рабочего дня.** (SEN, ср. 4.37, м. 5)

Кроме того, на возможность сочетаний с наречиями точного времени влияет информационная структура клаузы. Располагаясь в реме, ИГ не может сочетаться с прилагательными, но может — с соответствующими наречиями:

- (11) ^{OK}Григорий Терян пытался продолжить дискуссию, но Шульгин настаивал на личной **встрече завтра** или в любое удобное время. [Интернет]
- (12) [?]Он настаивал на **завтрашней встрече.**
- (13) ^{OK}После Петинского вчерашнего выступления он расстроился.

С другой стороны, с обстоятельственными группами цикличности (т. е. регулярно повторяемого события) RN сочетаются слабо. Наречие обычно относится к глаголу, и при невозможности такой связи соотносить наречие с номинализацией тоже нельзя:

- (14) В газете был опубликован ^{OK}**ежемесячный опрос** / *опрос **ежемесячно.**
- (15) ...обеспечить **курсирование ежедневно** по 12 барж с грузами до Ленинграда. [НКРЯ]

Даже с SEN исследуемые наречия не всегда могут употребляться. Так, с номинализациями в единственном числе, например *встреча*, обстоятельства цикличности не сочетаются:

- (16) ^{??}Её утомляла **встреча** / ^{OK}Её утомляли **встречи** с именитыми шефами **ежедневно.**

Во многих случаях при номинализациях обстоятельственные группы заменяются на соответствующие прилагательные. Однако заметна связь между возможностью заменить наречие прилагательным и наличием других обстоятельств времени при номинализации. Это частично подтверждается результатом опроса:

- (17) У шефа **дегустация ежедневно**, кроме выходных, с часу до двух. (ср. 3.62, м. 4)
- (18) У диетолога **ежедневный прием**, кроме воскресенья, с двух до шести. (ср. 3.32, м. 4)

Таким образом, было установлено влияние принадлежности номинализаций к одному из семантико-синтаксических классов (CEN или RN) на сочетаемость ИГ с обстоятельствами времени, выявлена зависимость допустимости исследуемых выражений от информационной структуры предложения и длины составляющей, вершиной которой является ИГ.

Синтаксический тип обстоятельства также влияет на его сочетаемость с номинализациями. Вероятно, предложные группы могут лучше сочетаться с номинализациями в силу того, что их вершины являются служебными и не дифференцированы по способности согласовываться с главным словом (такая дифференциация существует между прилагательными и наречиями). Подтверждение данной гипотезы может стать перспективой дальнейшего исследования.

Литература

- Летучий 2018 — А. Б. Летучий. Сентенциальные актанты имен в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 2. С. 46–66.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

References

- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Letuchiy 2018 — А. В. Letuchiy. Sententsialnyye aktanty imen v russkom yazyke [Complement clauses of nouns in Russian]. *Typology of morpho-syntactic parameters*. 2018. Vol. 1. Is. 2. P. 46–66.

А. Р. Гильманова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург,

РЕДУПЛИКАЦИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке основными способами выражения значения интенсификации при прилагательных и наречиях являются усилительные наречия, такие как *очень, сильно* (1), и редупликация, как точная (2), так и осложненная префиксом *пре-* (3):

- (1) *У неё был **очень красивый** голос, задушевного, мягкого тембра.* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]
- (2) *Рядом со мной сидел **красивый-красивый** молодой человек в правильной куртке.* [Андрей Пермяков. Петушки-Москва. Поехал // «Волга», 2016]
- (3) *В таборе была молодая цыганка — **красивая-прекрасивая.*** [Анаит Григорян. После дождя // «Волга», 2015]

Различные способы выражения интенсификации и их сопоставление были описаны для ряда языков в работах [Вежбицкая 1999; Erelt 2008; Stolz et al. 2011]. Так, согласно А. Вежбицкой, «функция итальянской редупликации ... не совпадает с функцией “интенсификаторов” типа английского слова *very*» [Вежбицкая 1999: 227], а [Erelt 2008: 271] указывает на различную степень интенсивности, выражаемую наречиями и редупликацией в эстонском языке. На основании этого можно полагать, что употребление рассматриваемых способов может быть по-разному распределено в языке. Целью данного исследования является выявление факторов, влияющих на выбор между редуплицированными дериватами и выражениями с интенсификаторами в русском языке. Основными источниками материала послужили Национальный корпус русского языка и интернет-корпус Araneum Russicum III Maximum.

Все усилительные наречия (в данной работе рассматривались наречия *очень, весьма, сильно*) указывают на высокую степень

интенсификации, однако различаются по таким смысловым признакам, как характер градулируемой сущности (*весьма* чаще сочетается со свойствами, *сильно* — с процессами и состояниями), характер оценки (субъективная в случае с *весьма*) и меры превышения нормы [Григорьева 2003: 748]. Эти свойства показывают, что из рассмотренных усилительных наречий семантически наиболее близко к редупликации наречие *очень*, поэтому при проведении настоящего исследования, редупликация сопоставлялась именно с ним.

Для установления факторов, влияющих на распределение редупликации и выражений с интенсификаторами в русском языке, были проведены экспериментальное и корпусное исследования. В ходе эксперимента были опрошены 24 носителя русского языка, которым предлагалось выбрать способ выражения интенсификации в зависимости от продемонстрированного им изображения. В результате эксперимента подтвердилась гипотеза, согласно которой степень интенсификации у редуплицированных форм выше, чем у выражений с интенсификаторами.

В ходе корпусного исследования было рассмотрено распределение трех способов выражения интенсификации в русском языке, представленных в примерах (1)–(3). Было установлено, что одним из факторов, влияющих на это распределение, является жанровая направленность текстов. Как видно из данных, представленных в Таблице 1, частотность редупликации в детской литературе выше, чем во взрослой.

Различие в употреблении интенсификаторов и редупликации статистически значимо согласно точному критерию Фишера.

Помимо этого, в ходе исследования были установлены следующие закономерности:

- Редупликация не характерна для прилагательных, состоящих более чем из трех слогов, что может быть обусловлено тенденцией языка к экономии языковых средств;
- Семантика прилагательного в некоторых случаях влияет на выбор способа выражения интенсификации. Так, для прилагательных со значением цвета более характерно образование редуплицированных форм, нежели выражений с интенсификаторами.

Таблица 1. Сопоставление употребления редупликации в детской и взрослой литературе на основе НКРЯ
Table 1. Comparison of the use of reduplication in children's literature and adult literature based on the data from RNC

Лексема	Взрослая литература	Детская литература
<i>Долгий/долго</i>	574 (ipm = 4,8) 34,6%	72 (ipm = 12,1) 43,4%
<i>Далекий/далеко</i>	795 (ipm = 6,7) 47,5%	123 (ipm = 20,6) 58%
<i>Сильный/сильно</i>	24 (ipm = 0,2) 2%	10 (ipm = 1,7) 7,7%
<i>Синий</i>	108 (ipm = 0,9) 86,4%	24 (ipm = 4,0) 80%
<i>Тихий/тихо</i>	461 (ipm = 3,9) 39,5%	91 (ipm = 15,3) 57,6%

Источники

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
 Araneum Russicum III Maximum (<http://unesco.uniba.sk/aranea/index.html>)

Литература

- Григорьева 2003 — С. А. Григорьева. Очень, весьма, сильно 2 // Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 747–752.
- Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 224–259.
- Erelt 2008 — M. Erelt. Intensifying reduplication in Estonian // *Linguistica Uralica*. 2008. Vol. XLIV. No. 4. P. 268–277.
- Stolz et al. 2011 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. Total reduplication. S. l.: Academie Verlag GmbH, 2011.

References

- Erelt 2008 — M. Erelt. Intensifying reduplication in Estonian. *Linguistica Uralica*. 2008. Vol. XLIV. No. 4. P. 268–277.
- Grigoryeva 2003 — S. A. Grigoryeva. Ochen, vesma, silno 2 [*Ochen, vesma, silno 2*]. Yu. D. Apresyan, V. Yu. Apresyan, O. Yu. Boguslavskaya et al. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003. P. 747–752.
- Stolz et al. 2011 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. *Total reduplication*. S. l.: Academie Verlag GmbH, 2011.
- Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. Reduplikatsiya v italyanskom yazyke: kross-kulturnaya pragmatika i illokutivnaya semantika [Italian reduplication: Cross-cultural pragmatics and illocutionary semantics]. A. Wierzbicka. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and linguistic description]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. P. 224–259.

Ф. В. Голосов

НИУ ВШЭ, Москва;
Университет Мэриленда, Колледж Парк

**ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА *PORƏN* ‘ЖИТЬ’
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹**

В чувашском языке есть т. н. сложные глаголы — конструкции, состоящие из двух глагольных форм (деепричастия и главного глагола), но описывающие одно событие, см. (1):

- (1) *vaεə sur-za ka-r'i-ə*
В. спать-CV_SIM уйти-PST-3SG
‘Вася уснул’.

Функции между частями сложного глагола распределены следующим образом. Деепричастие, или лексический глагол, отвечает за введение энциклопедических знаний о ситуации, в то время как главный глагол, или легкий глагол, используется в качестве грамматического модификатора. Так, в (1) легкий глагол *kaj* ‘уйти’ образует от лексического глагола *sur* ‘спать’ предельный сложный глагол со значением вхождения в состояние [Голосов 2019].

В чувашском языке представлены легкие глаголы с различными аспектуальными, директивными и валентностными функциями, см., например, общий обзор в [Лебедев 2016]. Наш доклад посвящен грамматикализации глагола *porən* ‘жить’.

Сложные глаголы с *porən* описывают длительные ситуации (2):

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Интерфейсные феномены в грамматической архитектуре языков России: формальное описание», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

- (2) a. *vaɛə xalʲ aʃ ɛ-et*
 В. сейчас мясо есть-NPST.3SG
 ‘Вася сейчас ест мясо (конкретный эпизод / общая характеристика)’.
- b. *vaɛə xalʲ aʃ ɛi-ze porn-at*
 В. сейчас мясо есть-CV_SIM жить-NPST.3SG
 ‘Вася сейчас ест мясо (*конкретный эпизод / ^{OK}общая характеристика)’.
 = ‘Вася сейчас мясоед’.

Как можно увидеть из (2), сложный глагол *ɛize porən* может использоваться в хабитуальных, но не в эпизодических контекстах. Хабитуалис — это грамматическое значение, лежащее на стыке глагольной множественности и генерических высказываний, предполагающее, что действие имеет место регулярно [Krifka et al. 1995]. В генерических высказываниях, не предполагающих регулярное повторение действия, сложные глаголы с *porən* невозможны:

- (3) a. Контекст. Вася устроился в школу врачом. Он подписал контракт и сидит у себя в кабинете, но пока ему ни разу не приходилось лечить детей. Тем не менее, это его обязанность.
vaɛə ʃkol-da atɕa-zam litɕitʲ t-at /
 В. школа-LOC дети-PL лечить делать-NPST.3SG
[#]*tu-za porn-at*
 делать-CV_SIM жить-NPST.3SG
 ‘Вася лечит детей в школе’.
- b. *jidə ɛird-at / [#]ɛirt-sa porn-at*
 пёс кусать-NPST.3SG кусать-CV_SIM жить-NPST.3SG
 ‘Собака кусается’.

Согласно интуиции носителей, примеры в (3) возможны только в случае регулярного повторения действия: в частности, (3b) интерпретируется так, будто собака только и делает, что кусается.

Помимо хабитуальных контекстов, сложные глаголы с *porən* могут описывать единичные, но длительные события:

- (4) a. *ol'ə kol'-a jorad-at/ jorat-sa*
 О. К.-OBJ любить-NPST.3SG любить-CV_SIM
porn-at
 жить-NPST.3SG
 ‘Оля любит Колю’.
- b. *jep škol-da (*vəgət-lək) ěc-le-ze*
 я школа-LOC время-DEST работа-VBZ-CV_SIM
porn-a-p
 жить-NPST-1SG
 ‘Я работаю в школе (*временно)’.

Однако не все глаголы, обозначающие длительные события, способны сочетаться с *porən*: легкий глагол не сочетается с предикатами индивидуального уровня [Kratzer 1995], описывающими необратимые свойства индивидов, см., например, *pəl* ‘знать’, *teaş pol* ‘быть чувашом’ и т. п. Кроме того, в некоторых идиолектах есть контраст между предложениями в (5):

- (5) a. [%]*vasə peti-ən poskil-e pol-za porən-za*
 В. П.-GEN сосед-OBJ быть-CV_SIM жить-CV_SIM
 ‘Вася был соседом Пети’.
- b. ^{??}*vasə peti-ən kəry-zĕ pol-za porən-za*
 В. П.-GEN зять-Р_3 быть-CV_SIM жить-CV_SIM
 ‘Вася был зятем Пети’.

Согласно интуиции носителей, которые допускают (5a), свойство быть соседом легко интерпретируется как временное, в отличие от свойства быть зятем, хотя один информант разрешил и (5b) — в контексте, когда Вася развелся с дочкой/сестрой Пети.

Таким образом, легкий глагол *porən* сочетается только с теми предикатами, от которых можно образовать сложные глаголы, описывающие длительные события стадийного уровня. Для этого единичное событие, описываемое лексическим глаголом, должно быть либо длительным, либо повторяющимся регулярно. По всей видимости, такие семантические ограничения отражают ключевые лексические особенности самого глагола *porən* ‘жить’, который также описывает длительное обратимое событие.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; CV_SIM — деепричастие одновременности (используется также в финитных предикациях как прошедшее время); DEST — дестинатив; GEN — генитив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; P_3 — посессив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

- Голосов 2019 — Ф. В. Голосов. Синтаксис и семантика легких глаголь-телисизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Лебедев 2016 — Э. Е. Лебедев. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016.
- Kratzer 1995 — A. Kratzer. Stage level and individual level predicates // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). *The generic book*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.
- Krifka et al. 1995 — M. Krifka, F. J. Pelletier, G. Carlson, A. Ter Meulen, G. Chierchia, G. Link. Genericity: An introduction // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). *The generic book*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 1–124.

References

- Golosov 2019 — F. V. Golosov. *Sintaksis i semantika legkikh glagolov-telisizatorov v gornomariyskom i chuvashskom yazykakh* [Syntax and semantics of telicizing light verbs in Hill Mari and Chuvash]. Graduation paper. Moscow: NRU HSE, 2019.
- Kratzer 1995 — A. Kratzer. Stage level and individual level predicates // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). *The generic book*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.
- Krifka et al. 1995 — M. Krifka, F. J. Pelletier, G. Carlson, A. Ter Meulen, G. Chierchia, G. Link. Genericity: An introduction // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). *The generic book*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 1–124.

Lebedev 2016 — E. Ye. Lebedev. *Aktionsartovyye znacheniya slozhnoverbalnykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke* [Aktionsart meanings of complex verbal analytical forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 2016.

Ф. В. Голосов, Д. Ю. Писаренко

НИУ ВШЭ, Москва, Университет Мэриленда, Колледж Парк /
НИУ ВШЭ, Москва

ДУАЛИС В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ФОРМАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ЧИСЛА¹

В хантыйском языке имена существительные противопоставляются по единственному, множественному и двойственному числу. В нашем докладе, основываясь на данных, собранных в с. Казым Белоярского р-на ХМАО в июле-августе 2021 г., мы покажем, что поведение двойственного числа в хантыйском языке указывает на уязвимость некоторых аргументов, традиционно используемых в теориях, постулирующих нейтральность множественного числа.

В работе [Сидорова 2016] было установлено, что дуалис используется, только когда известно, что референтов ровно два (1а), и, в отличие от числительного *kät* ‘два’, не может использоваться при фокусе на количестве объектов, см. (1b). Это подтверждают и наши данные, см. (1):

- (1) a. *näj jak-ti* *χotši* *ñawrem-ηən*
ты танцевать-NFIN.NPST уметь.NFIN.NPST дитя-DU
tə-s-ən?
привести-PST-2SG
‘Ты привел (*как минимум / *как максимум) двух детей,
умеющих танцевать?’
- b. *kästi-jən* *wet χujat χəχəlmə-s-t.*
соревнование-LOC пять кто-то побежать-PST-3PL
pant päti-je kät χəj-ən *təp*
путь конец-DIM два человек-LOC только

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

juχt-a-s

прийти-PASS-PST[3SG]

‘В соревнованиях участвовали пять человек. До финиша добежали только двое’.

В теоретических работах, посвященных семантике числа [Sauerland et al. 2005; Spector 2007; Ivlieva 2013], популярна т. н. слабая теория семантики множественного числа, согласно которой множественное число (вопреки названию) является количественно нейтральным. При аргументации рассматриваются контексты типа (2):

- (2) а. — *У тебя есть сыновья?* — *Да, один.*
б. — *Я не видел собак на улице.*

Согласно слабой теории, множественное число в примерах (2) количественно нейтрально, в противном случае диалог в (2а) был бы противоречив, а предложение (2б) значило бы, что Говорящий видел не больше одной собаки.

Появление строго множественной интерпретации в контекстах типа (3) объясняется прагматикой: в таких случаях единственное число, обозначающее ровно один объект, становится прагматически выгоднее для Говорящего при референции к единственному объекту, поэтому Слушающий вправе заключить, что использование множественного числа ограничено строго множественными контекстами, в которых единственное число употребить нельзя:

- (3) *На улице дети играют.*

Устройство хантыйского дуалиса интересно тем, что оно подвергает сомнению некоторые аргументы в пользу слабой теории: применение аналогичных тестов заставляет сделать противоречащий эмпирическим данным вывод, что двойственное число тоже количественно нейтрально.

Так, во-первых, при отрицании дуалис возможен, только если число объектов равно нулю:

- (4) Контекст. В школе задали принести любые две книги. Все дети принесли две книги, а Вася не принес ни одной // *принес только одну // *принес больше двух.

was'aj-en tər kiniškaj-ŋən änt tə-s
V.-POSS.2SG только книга-DU NEG принести-PST[.3SG]
'Только Вася не принес книжек'.

Во-вторых, дуалис в вопросах, в отличие от числительного *kät* 'два', не может служить поводом для отрицательного ответа, если подразумевается, что референтов на самом деле не ровно два:

- (5) Контекст. Жителям села сказали, что к каждому придет по двое школьников, которые будут помогать им по дому. В последний момент планы поменялись, и к некоторым людям отправили, не предупредив, другое количество детей. К В. И. отправили двоих, к его другу С. М. — тоже двоих // ^{OK}троих // ^{OK}одного.

В. И. звонит и спрашивает у С. М., пришли ли к нему дети, а тот ему отвечает:

— *näj xus-en-a hawrem-ŋən juχt-ijl-s-əŋən?*
ты дом-POSS.2SG-DAT дитя-DU прийти-FREQ-PST-1DU
'К тебе домой приходили дети?'
— *pa juχt-ijl-s-aj-əm ši... // # — äntə*
ADD прийти-FREQ-PST-PASS-1SG EMPH нет
'Да приходили, конечно. (ПК: только один//трое)'. //
'Нет'.

Таким образом, поведение дуалиса в хантыйском языке показывает необходимость пересмотра некоторых аргументов в пользу слабой теории. В докладе мы также расскажем о том, как конкуренция с двойственным числом влияет на семантику множественного числа.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; DAT — датив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; EMPH — эмфатическая частица; FREQ — фреквентатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная предикация; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; ПК — правый контекст.

Литература

- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров». Вып. 3. М.: МПГУ, 2016. С. 267–279.
- Ivlieva 2013 — N. Ivlieva. *Scalar implicatures and the grammar of plurality and disjunction*. Doctoral dissertation. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2013.
- Sauerland et al. 2005 — U. Sauerland, J. Anderssen, K. Yatsushiro. The plural is semantically unmarked // S. Kepser, M. Reise (eds.). *Linguistic evidence*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 409–430.
- Spector 2007 — B. Spector. *Aspects of the pragmatics of plural morphology: On higher-order implicatures* // U. Sauerland, P. Stateva (eds.). *Presupposition and implicature in compositional semantics*. (Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition Series). New York, NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 243–281.

References

- Ivlieva 2013 — N. Ivlieva. *Scalar implicatures and the grammar of plurality and disjunction*. Doctoral dissertation. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2013.
- Sauerland et al. 2005 — U. Sauerland, J. Anderssen, K. Yatsushiro. The plural is semantically unmarked. S. Kepser, M. Reise (eds.). *Linguistic evidence*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 409–430.
- Sidorova 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкций с числительным в хантыйском языке [Dual marking and numeral constructions in Khanty] // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров»* [Typology of morphosyntactic parameters. Materials of the International conference “Typology of morphosyntactic parameters”]. Is. 3. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. P. 267–279.

Spector 2007 — B. Spector. Aspects of the pragmatics of plural morphology: On higher-order implicatures. U. Sauerland, P. Stateva (eds.). *Presupposition and implicature in compositional semantics*. (Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition Series). New York, NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 243–281.

М. И. Голубева
НИУ ВШЭ, Москва

ПОСЕССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ДРУГ ДРУГА КАК ПРИМЕР СВОБОДНОГО АНАФОРА

В настоящем докладе будет предпринята попытка рассмотреть русское реципрокальное местоимение *друг друга* в составе посессивной конструкции как пример свободного анафора. В исследовании использованы данные из Национального корпуса русского языка, а также результаты проведенных опросов.

Реципрок *друг друга* является анафором. Согласно принципу А теории связывания [Chomsky 1993], antecedent анафора должен быть внутри его области связывания, а также находиться по отношению к анафору в отношении си-командования. Про русский реципрок *друг друга* известно, что его область связывания определяется минимальной категорией [Rapaport 1986].

Рассмотрим, однако, следующие примеры:

- (1) *Общество друг друга доставит им много радости.*
- (2) *Внешность друг друга их раздражала.*
- (3) *Рассказы друг друга вызывали у них восторг.*

В примерах выше *друг друга* находится внутри ИГ в позиции подлежащего, в то время как его antecedentом является прямое (1), косвенное (2) или предложное дополнение (3). В такой ситуации ИГ, содержащая *друг друга*, структурно располагается выше (в позиции спецификатора), чем предполагаемый antecedent. Таким образом, antecedent не может си-командовать реципроком, что нарушает приведенный выше принцип А. Анафоры, которые не подчиняются этому принципу, называются в литературе свободными анафорами (*exempt anaphors*). Поскольку посессивная конструкция с *друг друга* ведет себя похожим образом, можно рассматривать ее как пример свободного анафора.

Другое свойство, объединяющее посессивную конструкцию с *друг друга* и свободные анафоры, — это ограничение на одушевленность. Одушевленность «является обязательным условием для того, чтобы анафор был свободным: одушевленные анафоры, которые встречаются в контекстах, где неодушевленные анафоры запрещены, являются свободными анафорами» [Charnavel, Zlogar 2015]. В разрешенных примерах (1)–(3) antecedent *друг друга* всегда одушевленный. Предложения ниже имеют структуру, аналогичную предложениями (1)–(3), однако antecedents в них неодушевленные:

- (4) **Ветви друг друга мешают деревьям расти.*
- (5) **Дверцы друг друга мешали шкафам открываться.*
- (6) ??*В этих странах запрещены флаги друг друга.*
- (7) ?*Этим компаниям необходимы сотрудники друг друга.*

Как видно, неодушевленный antecedent делает такие предложения неприемлемыми, а в случае, когда «одушевленная» интерпретация все же возможна (например, «компания» = «сотрудники этой компании»), пример становится более приемлемым.

Однако известны также примеры, где *друг друга* внутри посессивной конструкции неприемлем даже при одушевленном antecedente:

- (8) **Конспекты друг друга нам помогли.*
- (9) **Их обнаружили собаки друг друга.*
- (10) **Дневники друг друга могли многое о них рассказать.*

Здесь обнаруживается еще одно общее свойство посессивной конструкции с *друг друга* и свободных анафоров — логофоричность, т. е. необходимость реферировать к тому участнику, «чьи слова, мысли или чувства отображаются в данном лингвистическом контексте» [Rapaport 1986]. В статье [Charnavel, Zlogar 2015] продемонстрировано влияние так называемых логофорических центров на приемлемость английского рефлексива как свободно-го анафора. В примерах (1)–(3) antecedents *друг друга* являются такими логофорическими центрами, конкретно локусами эмпатии [Charnavel, Zlogar 2015] — слушающий как бы смотрит на события с их перспективы. В предложениях (8)–(10) locus эмпатии

отсутствует, так как они не описывают мысли или чувства антецедента, а представляют отстраненную перспективу.

Похожая идея высказана, например, в [Clements 1975] о том, что антецедент в позиции прямого дополнения «должен обозначать экспериенцер некоторого ментального состояния, а не пациенс»:

(11) *Сплетни друг о друге нас удивили / *нас обошли.*

В докладе я попробую сравнить эти подходы. Однако необходимость наличия логофорического центра также сближает посессивную конструкцию с *друг друга* и свободные анафоры.

Литература

- Charnavel, Zlogar 2015 — I. Charnavel, C. Zlogar. English Reflexive Logophors // Ks. Ershova, J. Falk, J. Geiger (eds.). *Proceedings of the 51st annual meeting of the Chicago Linguistic Society (CLS51)*, Chicago, IL, April 23–25, 2015. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2015. P. 83–97.
- Chomsky 1993 — N. Chomsky. *Lectures on government and binding: The Pisa lectures (No. 9)*. Berlin; New York: De Gruyter, 1993.
- Clemens 1975 — G. N. Clements. The logophoric pronoun in Ewe: Its role in discourse // *Journal of West African Languages*. 1975. Vol. 10. P. 141–177.
- Rappaport 1986 — G. C. Rappaport. On anaphor binding in Russian // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1986. No. 4(1). P. 97–120.

References

- Charnavel, Zlogar 2015 — I. Charnavel, C. Zlogar. English Reflexive Logophors. Ks. Ershova, J. Falk, J. Geiger (eds.). *Proceedings of the 51st annual meeting of the Chicago Linguistic Society (CLS51)*, Chicago, IL, April 23–25, 2015. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2015. P. 83–97.
- Chomsky 1993 — N. Chomsky. *Lectures on government and binding: The Pisa lectures (No. 9)*. Berlin; New York: De Gruyter, 1993.
- Clemens 1975 — G. N. Clements. The logophoric pronoun in Ewe: Its role in discourse. *Journal of West African Languages*. 1975. Vol. 10. P. 141–177.
- Rappaport 1986 — G. C. Rappaport. On anaphor binding in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1986. No. 4(1). P. 97–120.

В. Д. Гребнева
НИУ ВШЭ, Москва

К ОПИСАНИЮ ПРОСПЕКТИВНОЙ ЗОНЫ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В недавней статье [Козлов 2021] предлагаются предварительные обобщения о типологии проспектива: категории, обозначающей подготовительное состояние некоторой ситуации. Среди прочих в статье рассматриваются английские конструкции *going to* и *be about to*, которые уже достаточно подробно описаны (см., например, [Petre, Van de Velde 2018; Comrie 1976]).

В шугнанском языке существует несколько способов выражения проспектива, при этом они почти не описаны, не считая кратких упоминаний конструкций с предлогом *či* и с предлогом *ray* в [Карамшоев 1991: 367; Карамшоев 1999: 353; Edelman, Dodykhudoeva 2009: 807].

Цель данного исследования — описание способов выражения проспектива в шугнанском языке. В докладе будут рассмотрены три конструкции: *či* + V.INF, *taš* + V.NPST, *хоуиҳ* (+ *деламь*) + V.INF-SUP.

Данные были получены методом элицитации в 2021 г.

Наиболее часто проспектив выражается конструкцией, состоящей из предлога *či* и усеченного инфинитива глагола (1)–(3) (в прошедшем времени добавляется глагол *быть* (2)).

- (1) *Ahmad kasal čī=sid*
Ахмад большой PROSP=идти.INF
'Ахмад вот-вот заболит'.
- (2) *Aziz ar Xaray čī=tīd va-d*
Азиза DOWN Хорог PROSP=идти.INF быть-PST
аммо на-са-т
но NEG-идти-PST
{‘Что было вчера?’} ‘Азиза собиралась поехать в Хорог, но не поехала’.

- (3) *Yā čīni čī=wēxt*
 DEM3.F.SG пиала PROSP=падать.INF
 ‘Чашка вот-вот упадет со стола’.

Вторая конструкция состоит из ранее не описанной частицы *taš*, и глагола в форме непрошедшего времени. Некоторые консультанты считают, что конструкции с *taš* и *čī* полностью взаимозаменяемы, ср. (3), (4). Однако чаще отмечают следующую разницу: *taš* обладает импликацией, что ситуация произойдет сразу после момента речи, а *čī* само по себе не несет никакой конкретной локализации ситуации в будущем (5)–(6). Поскольку *taš* несет импликацию близкого наступления ситуации, мы предварительно обозначим его как проксиматив. Одно из различий между *čī* и *taš* состоит в том, что *taš* допустимо в речевом акте предложения [Козлов 2021], а *čī* — нет (5)–(6). (Согласно нашим консультантам, *čī* неуместен для подобных контекстов из-за перечисленных выше свойств.) Отметим, что наши данные относительно *taš* носят предварительный характер и на данном этапе мы не беремся однозначно считать его проксимативом или другим типом проспектива.

- (4) *Yā čīni taš woxt-t.*
 DEM3.F.SG чашка PROX падать.NPST-3SG
 ‘Чашка вот-вот упадет со стола’.
- (5) *Uz taš(=tā) tar čoy wed-um.*
 1SG.NOM PROX(=IRR) EQ чай класть.NPST-1SG
 {‘Чаю хочется’} ‘Я заварю вам чаю’.
- (6) # *Uz-um čoy čī=wed.*
 1SG.NOM-NOM чай PROSP=класть.NPST
 {‘Чаю хочется’} ‘Я заварю вам чаю’.

В некоторых случаях вместо конструкции с *čī*, нам встречался другой вариант выражения проспектива: сочетание *houix* + V.INF, ср. (2), (7). Однако проспективное значение этой конструкции под сомнением: данные о сочетаемости с неодушевленными подлежащими не собраны, а также данная конструкция сочетается с *yal* ‘все еще’, но не с *uže* ‘уже’ (при развитии свойств будущего времени у проспективной конструкции возможность сочетаться со *все еще* исчезает раньше, чем с *уже* [Козлов 2021]).

- (7) *Biʻor Azīz xoyiḫ ḥu-d ar Xaray*
вчера Азиза желание делать-PST DOWN Хорог
sid-ow, ammo na-su-t.
идти.INF-SUP но NEG-идти-PST
{‘Что было вчера?’} ‘Азиза собиралась поехать в Хорог, но
не поехала’.

В докладе мы более подробно рассмотрим каждую из конструкций, а также представим перспективы дальнейшего исследования проспективной зоны в шугнанском языке.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DEM — указательное местоимение; DOWN — перемещение к ориентиру ниже говорящего; EQ — экваллатив; F — женский род; INF — инфинитив; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непростое время; PL — множественное число; PROSP — проспектив; PROX — проксиматив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SUP — супин.

Литература

- Карамшоев 1991 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. В 3-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1991.
- Карамшоев 1999 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. В 3-х томах. Т. 3. М.: Наука, 1999.
- Козлов 2021 — А. А. Козлов. К семантической типологии проспектива // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 28–52.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni // G. Windfuhr (ed.). The Iranian languages. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Petré, van der Welde 2018 — P. Petré, F. van der Velde. The real-time dynamics of the individual and the community in grammaticalization // Language. 2018. No. 84(4). P. 867–901.

References

- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Karamshoyev 1991 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shugni-Russian dictionary]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1991.
- Karamshoyev 1999 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shugni-Russian dictionary]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1999.
- Kozlov 2021 — A. A. Kozlov. K semanticheskoy tipologii prospektiva [Towards the semantic typology of prospective aspect]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2021. No. 2. P. 28–52.
- Petré, Van de Velde 2018 — P. Petré, F. Van de Velde. The real-time dynamics of the individual and the community in grammaticalization. *Language*. 2018. No. 84(4). P. 867–901.

А. Д. Гревцова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАРИТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Каритивные прилагательные русского языка представляют собой широкое поле для изучения свойств каритива¹. Известно, что каритивные прилагательные могут рассматриваться как конкуренты привативным прилагательным, так как они обладают схожим значением отсутствия и нехватки того, что названо в основе (ср. *безопасный* — *неопасный*). Также особый интерес представляют изменения в употреблении каритивных прилагательных с течением времени, а именно были ли каритивные прилагательные вытеснены со временем различными каритивными формами и привативными прилагательными (ср. *безженный* — *без жены*, *безразумный* — *неразумный*). Именно эти два явления рассматриваются в настоящем исследовании.

Для исследования было отобрано 500 случайных примеров предложений с каритивными прилагательными из НКРЯ. Все вхождения были разделены на группы по мотивирующей части речи (см. [АГ 1980: 278]), которая определялась по словообразовательным словарям [Тихонов 1996; Ульянова 2013]. Таким образом, получилось три группы: прилагательные, мотивированные существительными, прилагательными и глаголами.

¹ Каритив «описывает невовлеченность (в частном случае отсутствие) в ситуации некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором другой ситуации / участника другой ситуации (ориентира)» [Оскольская и др. 2020: 21–22]. Каритивные прилагательные — прилагательные, образованные с помощью префикса *без-/бес-*.

Первой задачей было описать различия между каритивными и соответствующими им привативными прилагательными², а также причины выбора того или иного прилагательного. По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

- выбор в пользу каритивного или привативного прилагательного зависит не от мотивирующей части речи, а от контекста, т. к. русские приставки *без-/бес-* и *не-* обладают разными значениями: «русская приставка *не-* в подобных случаях не отрицает наличие качества ‘красивый’, ‘большой’, ‘веселый’, ‘добрый’, ‘женатый’, ‘друг’, а утверждает наличие противоположного качества», в отличие от приставки *без-*, которая отрицает наличие качества как такового [Иорданская 1985: 244];
- при сравнительной степени употребляется каритивное прилагательное, а не привативное;
- у каритивных прилагательных, образованных от существительных с помощью нулевого суффикса, отсутствует соответствующее привативное прилагательное (ср. *беззубый* — **незубый*). В эту группу часто входят прилагательные, основа которых означает «часть организма человека или животных» [Махмутова 2018: 87].

Второй задачей было проследить диахронические изменения каритивных прилагательных по НКРЯ. По результатам анализа вхождений было выделено три типа диахронических изменений, основанных на том, чем было заменено вышедшее из употребления каритивное прилагательное: а) каритивные прилагательные, замененные на прилагательные на *не-* (ср. *безразумный* — *неразумный*); б) каритивные прилагательные, замененные на конструкцию *без X*³ (ср. *безженный* — *без жены*); в) каритив-

² Прилагательным, соответствующим каритивному, с префиксом *не-* называется такое прилагательное, которое отличается от каритивного прилагательного только самой приставкой, например, *бесшумный* — *нешумный*.

³ Под конструкциями *без X* понимаются те конструкции, где *X* — существительное, от которого образовано каритивное прилагательное (ср. *безумный* — *без ума*).

ные прилагательные, замененные на однокоренные им другие каритивные прилагательные (ср. *бессердый* — *бессердечный*). Однако при дальнейшем исследовании были сделаны следующие выводы касательно диахронических изменений:

- на основе материала из всех трех выделенных процессов ни один не является действительным, т. е. выход из употребления одного из элементов может быть связан с другими причинами;
- из всех вхождений можно выделить лишь одну пару прилагательных, в которой одно заменило другое — пару *бесчестный–нечестный*.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс).

URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Тихонов 1996 — А. Н. Тихонов. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Пособие для учащихся. 3-е изд. М.: Культура и традиции, 1996.

Ульянова 2013 — О. А. Ульянова. Словообразовательный словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.

Литература

АГ 1980 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Иорданская 1985 — Л. Иорданская. Семантико-синтаксические особенности сочетаний частицы *не* с иллокутивно-коммуникативными глаголами в русском языке // *Russian Linguistics*. 1985. Т. 9. № 2/3. С. 241–255.

Махмутова 2018 — С. У. Махмутова. Способы образования прилагательных русского языка // Н. Н. Вольская (науч. ред). Интеграция науки и практики в современных условиях. М.: Перо, 2018. С. 85–87.

Оскольская и др. 2020 — С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. Определение каритива как сравнительного понятия // *Вопросы языкознания*. 2020. № 3. С. 7–25.

References

- AG 1980 — N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980.
- Iordanskaya 1985 — L. Iordanskaya. Semantiko-sintaksicheskiye osobennosti sochetaniy chastitsy *ne* s illokutivno-kommunikativnymi glagolami v russkom yazyke [Semantic and syntactic properties of the combination of particle *ne* with illocutionary-communicative verbs in Russian]. *Russian Linguistics*. 1985. Vol. 9. No. 2/3. P. 241–255.
- Makhmutova 2018 — S. U. Makhmutova. Sposoby obrazovaniya prilagatelnykh russkogo yazyka [Ways of formation of Russian adjectives]. N. N. Volskaya (ed.). *Integratsiya nauki i praktiki v sovremennykh usloviyakh* [Integration of academy and practice under current conditions]. Moscow: Pero, 2018. P. 85–87.
- Oskolskaya et al. 2020 — S. A. Oskolskaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov (eds.). Opredeleniye karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya [Definition of caritive as a comparative concept]. *Voprosy yazykoznanija*. 2020. No. 3. P. 7–25.

А. И. Груздева, Д. А. Парамонова

МГУ, Москва

СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ РЕЦИПРОКАЛЬНОГО СУФФИКСА *-ш* В БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В работе исследуется семантика показателя реципрока *-ш* в балкарском языке. Материалом послужили данные, собранные в ходе экспедиции в с. Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики в августе 2021 г. Цель работы — выявить инвентарь значений показателя *-ш*, уточнить сведения предшественников о его дистрибуции и описать ограничения на интерпретацию в зависимости от семантических характеристик исходного глагола.

В грамматике [Баскаков (ред.) 1976] рассматриваемому суффиксу приписывается значение «взаимно-совместного залога»; отмечается также наличие, наряду с основным, значения «соревнования». Работа [Nedjalkov 2002] рассматривает реципрок, опираясь в первую очередь на материал карачаево-балкарско-русского словаря [КБР 1989]. Недялков выделяет 4 значения у показателя *-ш*: реципрок, социатив, компетитив и антикаузатив.

В балкарском языке современных жителей с. Верхняя Балкария у суффикса *-ш* удалось обнаружить три основных значения: реципрок — взаимное действие (1b.1, 1b.3), социатив — совместное действие (1b.2) и компетитив — соревновательное действие (1b.4).

- (1) а. *Алим Керим-ни тюй-дю.*
Алим Керим-АСС бить-РСТ
'Алим побил Керима'.
б. *Алим бла Керим тюй-юш-дю-ле.*
Алим и Керим бить-РЕС-РСТ-ПЛ
1. 'Алим и Керим поругались / перессорились / поборолись'.

¹ Языковые данные были собраны при поддержке гранта РФФИ 19-012-00627а.

2. 'Алим и Керим вместе кого-то побили'.
3. 'Алим и Керим с кем-то (третьим) поругались / поборолись'.
4. 'Алим и Керим соревновались в борьбе:
а. борясь друг с другом;
б. каждый со своим противником'.

Кроме того, некоторые глаголы демонстрируют значение «друг за другом» (2):

- (2) *Шар-ла атыл-ыш-а-ды-ла.*
шар-PL лопнуть-REC-IPFV-3-PL
'Шары лопаются один за другим'.

Его можно считать либо разновидностью реципрока (см., например, Strong Alternative Reciprocity в [Dalrymple et al. 1998]), либо разновидностью социатива вслед за [Nedjalkov 2002], либо некоторым самостоятельным дистрибутивным значением.

Наш материал позволяет сделать ряд обобщений, описывающих закономерности, которые связывают (не)возможность тех или иных значений у деривата на *-и* с семантическим классом глагола.

❶ Если глагол агентивный, переходный и его прямым объектом прототипически выступает одушевленный референт (как, например, в (1)), *-и*-дериват имеет реципрокальное значение в качестве основного (1b.1, 1b.3). Если задать прагматически реальный контекст, компетитивное значение также возможно (1b.4). Социативное же значение у дериватов от агентивных переходных глаголов проявляется редко: например, (1b.2) допускается далеко не всеми носителями.

❷ У дериватов от непереходных глаголов социативное значение проявляется гораздо чаще (3.2), (4b.2).

- (3) *Защыкъ-ла цаб-ыш-ды-ла.*
мальчик-PL бегать-REC-PST-PL
1. 'Мальчики посоревновались в беге'.
 2. 'Мальчики побегали (вместе по двору)'.
 3. 'Мальчики побежали один за другим'.
 4. *'Мальчики побежали друг к другу'.

Реципрок среди значений этих дериватов встречается редко, ср. (3.4) из-за отсутствия в диатезе исходного глагола типичной для реципрокализации позиции прямого объекта. Для реципрокализации доступен также не прямой одушевленный объект (4b.1), но, как правило, не сирконстанты.

- (4) а. *Керим Аминат-ха къара-ды.*
Керим Аминат-DAT смотреть-PST
'Керим посмотрел на Аминат'.
- б. *Керим бла Аминат къара-ш-ды-ла.*
Керим и Аминат смотреть-REC-PST-PL
1. 'Керим и Аминат переглянулись / посмотрели друг на друга'.
 2. 'Керим и Аминат засмотрелись / посмотрели (на кого-то третьего)'.
 3. 'Керим и Аминат играли в гляделки (соревновались, кто кого переглядит)'.

Возможность компетитива зависит от агентивности производящих глаголов: если глагол агентивный, производный от него *-ш*-дериват допускает компетитивное значение в подходящем контексте (3.1), (4b.3); чем пациентивнее семантика глагола, тем менее вероятно соревновательная интерпретация в нулевом контексте.

В докладе будет предложено более подробное описание вышеупомянутых явлений и анализ семантики дериватов на *-ш*.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; IPFV — имперфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; REC — реципрок.

Литература

Баскаков (ред.) 1976 — И. А. Баскаков (ред.). Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1976.

- КБР 1989 — С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчева. Москва: Русский язык, 1989.
- Dalrymple et al. 1998 — M. Dalrymple, M. Kanazawa, Y. Kim, S. Mchombo, S. Peters. Reciprocal expressions and the concept of reciprocity // *Linguistics and philosophy*. 1998. Vol. 21. No. 2. P. 159–210.
- Nedjalkov 2002 — V. P. Nedjalkov. Karachay-Balkar reciprocals // *Turkic languages*. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 19–80.

References

- Baskakov (ed.) 1976 — I. A. Baskakov (ed.). *Grammatika karachayevobalkarskogo yazyka. Fonetika, morfologiya, sintaksis* [Karachay-Balkar grammar. Phonetics, morphology, syntax]. Nalchik: Elbrus, 1976.
- Dalrymple et al. 1998 — M. Dalrymple, M. Kanazawa, Y. Kim, S. Mchombo, S. Peters. Reciprocal expressions and the concept of reciprocity. *Linguistics and philosophy*. 1998. Vol. 21. No. 2. P. 159–210.
- КБР 1989 — С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев. *Karachayevobalkarsko-russkiy slovar* [Karachay-Balkar — Russian dictionary] / Ed. by E. R. Tenishev, Kh. I. Suyunchev. Moscow: Russkiy yazyk, 1989.
- Nedjalkov 2002 — V. P. Nedjalkov. Karachay-Balkar reciprocals. *Turkic languages*. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 19–80.

А. А. Данилова, Ю. Н. Кузнецова

МГУ, Москва

**ТАКСИСНЫЕ СВОЙСТВА ДЕЕПРИЧАСТИЙ
С ПОКАЗАТЕЛЯМИ *-sa*, *-kə*, *-č'č'ož*
В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹**

В работе рассмотрены таксисные свойства деепричастий на *-sa* (лит. *-ca*), *-kə* (лит. *-ku*), *-č'č'ož* (лит. *-тозь*) татышлинского говора южного наречия удмуртского языка.

Материал собран методом анкетирования в д. Старый Кызыл-Яр и окрестных населенных пунктах Татышлинского р-на Башкирии в 2021 г.

Деепричастия данного говора критически недоописаны, ср. лишь краткую справку в единственном его объемном исследовании [Baidoullina 2003: 102–103].

В работах по литературному удмуртскому для деепричастия на *-sa* указывается употребление в сложных глагольных комплексах, конструкциях образа и способа действия, таксисных конструкциях одновременности и предшествования с оттенком причины [Перевозицов 1959: 228–253]. Деепричастию на *-ku* приписывается значение одновременности [Шутов 2002: 43–49]. Деепричастие на *-тозь* выражает таксисное значение ‘пока’, ‘до того как’ [Georgieva 2018: 91–94].

Мы проверили зависимость таксисной интерпретации от акционального класса, прерывности и видового ракурса финитного и нефинитного глагола, привлекая типологические данные из [Муравьев 2017]. Эти вопросы на удмуртском материале ранее не исследовались. В своей работе мы опирались на теории таксиса и акциональности, изложенные в [Храковский 2009; Татевосов 2015].

¹ Поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Выбор между одновременной и последовательной интерпретацией в конструкции с деепричастием на *-sa* регулируется сочетанием акциональных классов главного и зависимого предикатов. Так, зависимые предикаты-стативы всегда имеют одновременную интерпретацию (1), пунктивы — последовательную (2), слабые предельные в сочетании с главными стативами — одновременную (3), с главными сильными предельными — последовательную (4).

- (1) *kreslo-ân pukâ-sa ataj kn'iga lâ'ž'i-z*
 кресло-LOC сидеть-CVB отец книга читать-PST-3SG
 'Сидя в кресле, отец читал книгу'.
- (2) *miska-jez šód'tä-sa anaj šâd pöz'-t-i-z*
 кастрюля-ACC найти-CVB мать суп вариться-CAUS-PST-3SG
 'Найдя кастрюлю, мама варила суп'.
- (3) *ataj kn'iga lâ'ž'â-sa kreslo-ân puk-i-z*
 отец книга читать-CVB кресло-LOC сидеть-PST-3SG
 'Читая / *прочитав книгу, отец сидел в кресле'.
- (4) *šâd pöz'-tâ-sa anaj pun'i bas't-i-z*
 суп вариться-CAUS-CVB мать ложка взять-PST-3SG
 'Сварив / *варя суп, мать взяла ложку'.

Употребление деепричастий на *-kâ* тоже зависит от акциональности. Зависимые предикаты — стативы, процессы, слабые предельные имеют одновременную интерпретацию (5). Сильные предельные и пунктивы в сочетании с главными глаголами этих же классов интерпретируются как события с контактным следованием (6). Сочетание предельного зависимого предиката с главным неопредельным неприемлемо (7).

- (5) *šâd pöz'-tâ-kâ-z anaj pun'i*
 суп вариться-CAUS-CVB.SIM-POSS.3SG мать ложка
bas't-i-z
 взять-PST-3SG
 'Когда мама варила суп, она взяла ложку'.
- (6) *pes'aj-ez-les' uks'o-ze*
 бабушка-POSS.3SG-GEN2 деньги-POSS.3SG

- bas'tâ-kâ-z, vnuk rã'mät šu-i-z*
 взять-CVB.SIM-POSS.SG внук спасибо сказать-PST-3SG
 'Когда внук взял у бабушки деньги, он сказал спасибо'.
- (7) **kiz'kuk-ez č'apkâ-kâ, kôrãš*
 комар-ACC хлопнуть-CVB.SIM сосед
mis'-t-is'k-i-z
 мыть-CAUS-DETR-PST-3SG
 Ожид.: 'Когда соседка прихлопнула комара, она стирала'.

Выбор интерпретации деепричастия на *-č'č'ož* обусловлен видовым ракурсом: зависимая имперфективная ситуация маркирует конец главного действия своим концом ('пока') (8), перфективная — достижением результирующего состояния ('до того как') (9). Перфективная главная ситуация не допускается (10).

- (8) *pet'a s'üres vâl-ti mânâ-č'č'ož-a-z,*
 Петя дорога верх-PROL идти-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG
kârž'a-n kârž'a-a-z
 петь-VN петь-PST-3SG
 'Пока Петя шел по дороге, он пел песню'.
- (9) *pet'a bertâ-sa viã-č'č'ož-a-z,*
 Петя идти_домой-CVB прийти-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG
kârž'a-n kârž'a-a-z
 петь-VN петь-PST-3SG
 'Пока Петя не пришел домой, он пел песню'.
- (10) **pet'a bertâ-sa viã-č'č'ož-a-z,*
 Петя идти_домой-CVB прийти-CVB.LIM-LOC/ILL-POSS.3SG
maša-jez a'ž'i-z
 Маша-ACC видеть-PST-3SG
 Ожид.: 'Пока Петя не пришел домой, он увидел Машу'.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; CVB.LIM — деепричастие на *-č'č'ož*; CVB.SIM — деепричастие на *-kâ*; DETR — детранзитив; GEN2 — аблатив; ILL — иллатив; LIM — адлимитив;

LOC — локатив; POSS — посессив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SIM — одновременность; VN — отглагольное имя.

Литература

- Муравьев 2017 — Н. А. Муравьев. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2017.
- Перевощиков 1959 — П. И. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959.
- Татовосов 2015 — С. Г. Татовосов. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Шутов 2002 — А. Ф. Шутов. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск: УдмГУ, 2002.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Georgieva 2018 — E. Georgieva. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD thesis. Szeged: University of Szeged, 2018.

References

- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.
- Georgieva 2018 — E. Georgieva. *Non-finite adverbial clauses in Udmurt*. PhD thesis. Szeged: University of Szeged, 2018.
- Muravyev 2017 — N. A. Muravyev. *Taksis i taksisnyye formy v yazykakh mira: taksonomiya i tipologiya* [Taxis and taxis forms in the world's languages: Taxonomy and typology]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2017.

- Perevoshchikov 1959 — P. I. Perevoshchikov. *Deeprichastiya i deeprichastnye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Converbs and converbs constructions in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1959.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsionalnost v leksike i grammatike* [Actionality in lexicon and grammar]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Shutov 2002 — A. F. Shutov. *Puti razvitiya gipotakticheskikh otnosheniy v udmurtskom yazyke* [Ways of development of the hypotactic relations in Udmurt]. Doctoral thesis. Izhevsk: Udmurt State University, 2002.
- Xrakovskij 2009 — V. S. Xrakovskij. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya [Taxis: Semantics, Syntax, Typology]. V. S. Xrakovskij (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruksiy* [Typology of taxis constructions]. Moscow: Znak, 2009. P. 11–113.

А. Ербаланов
НИУ ВШЭ, Москва

ФРЕКВЕНТАТИВ В КАЗЫМСКОМ ХАНТЫЙСКОМ

Введение

Данное исследование посвящено показателям фреквентатива в казымском диалекте хантыйского языка. Материалы исследования были получены в ходе полевой работы в Казыме в 2019 и 2021 гг.

В уральских языках глагольная множественность часто выражается двумя или более показателями, причем некоторые имеют и другие значения, например, семельфактивности [Сердобольская 2012; Дьячков 2018; Татевосов 2020]. Наша задача — установить виды глагольной множественности, которые выражаются в казымском хантыйском морфологически.

Морфология

От абсолютного большинства глагольных основ **фреквентатив** (здесь мы следуем терминологии [Козлов 2018]) образуется при помощи суффикса *-ijλ-* (1); ряд основ не способен присоединять *-ijλ-* и образует фреквентатив с помощью суффиксов *-λ'ə-* или *-ənt-* (2)–(3). Эти показатели не являются взаимозаменяемыми формально (с одной основой сочетается только один из них), но одинаковы по значению; последнее отмечено в [Соловар, Молданова 2013].

- (1) *juχt-* ‘прийти’ — *juχt-ijλ-* ‘приходить периодически; прийти ненадолго’
- (2) *uλ-* ‘лечься, спать’ — *uλ'λ'ə-* ‘спать (обычно)’
- (3) *λε-* ‘есть’ — *λaw-ənt-* ‘есть’

Суффикс *-ijλ-* является единственным продуктивным показателем фреквентатива: только он способен присоединяться к основам, уже содержащим *-λ'ə-* или *-ənt-*.

Показатели моментатива *-εтэ-* и *-т-* могут присоединяться после *-λ'э-* или *-εнт-* (хотя не все носители считают получившиеся формы приемлемыми), но неспособны присоединяться после *-ijλ-*.

Семантика

Пользуясь классификацией [Шлуинский 2005], мы выделяем следующие значения фреквентатива.

Собственно фреквентативное (внутрисобытийное). Простейший случай представлен примером (4), где от глагола **свершения** *tal-* ‘дернуть’ образуется фреквентатив *tal-λ'э-* ‘поддерживать (не один раз)’.

- (4) *ow-en tal-*(λ')-ε*
дверь-POSS.2SG дернуть-FREQ-IMP.SG>SG
‘Поддержай дверь’.

С **достижениями** фреквентатив может давать **конативную** интерпретацию:

- (5) *sumkaj-эл si kuš nuχ*
сумка-POSS.3SG EMPH хоть вверх
alm-(ijλ)-s-элле, алэм-ти*
поднять-FREQ-PST-3SG>SG поднять-NFIN.NPST
jør-λ ән juχt-эс
сила-POSS.3SG NEG прийти-PST[3SG]
‘Как он ни поднимал сумку, поднять не смог’.

С глаголами **деятельности** фреквентатив может давать интерпретацию наличия нескольких разнородных фаз:

- (6) *tālan χātλ tutχot-εт kәнš-*(ijλ)-λ-εт*
целый день кошелек-POSS.1SG искать-FREQ-NPST-1SG>SG
‘Весь день ищу кошелек (с перерывами)’.

Фреквентатив от глаголов движения означает **разнонаправленное** движение:

- (7) *ал χөхэл-λ'-а!*
PRON бежать-FREQ-IMP.2SG
‘Не бегай!’ {Не мешай мне тут!}

Хабитуальное

- (8) *лшw at-эн төр ул-[?](л'э)-л*
 3SG ночь-LOC только спать-FREQ-NPST[3SG]
 'Она спит только ночью'.

Экспериментивное

- (9) *тәм palat'entsa-jen χuti нәң*
 этот полотенце-POSS.2SG ведь ты
sorəлт-(ijл)-s-en!*
 сушить-*(FREQ)-PST-2SG>SG
 'Ты же уже сушила это полотенце!'

Раритивное

- (10) *лшңт-ijл-л-эт*
 читать-FREQ-NPST-1SG
 {Вы книги читаете?} 'Так, почитываю иногда'.

Антирезультативное

- (11) *суχət ješa / wet minut sor-^{??}(ijəл)-s-ət pa*
 белье немного пять минута сохнуть-FREQ-PST-3PL и
jer-эн jer-s-aj-ət
 дождь-LOC дождить-PST-PASS-3PL
 'Белье немного / пять минут посохло, потом его дождем намочило'.

Показатели фреквентатива могут также употребляться в значении **рефлекси́ва** [Каксин 2010; Молданова 2020]. Большинство таких рефлексивов, исследованных нами, либо относятся к так называемым grooming verbs (*луχит-* 'мыть' — *луχит-ijл-* 'мыться'), либо иным образом связаны с заботой о себе (*хоšталт-* 'греть' — *хоšталт-ijл* 'греться').

Заключение

Мы выделяем две основные задачи для будущих исследований. Первая — морфосинтаксический анализ показателей фреквентатива; вторая — семантический анализ. Их соотнесение — задача нетривиальная (*-ijл-* и *-л'э-*, одинаковые по смыслу, сильно различаются морфологической дистрибуцией). В нашем докладе

мы также рассмотрим попытку применения к казымскому фреквентативу анализа в духе [Татевосов 2020].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; EMPH — эмфатическая частица; FREQ — фреквентатив; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; > — объектное спряжение.

Литература

- Дьячков 2018 — В. В. Дьячков. Семантика суффикса *-əl* в горномарийском языке: между единичностью и множественностью // Родной язык: лингвистический журнал. 2018. № 2. С. 41–80.
- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Козлов 2018 — А. А. Козлов. Фреквентатив // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 438–457.
- Молданова 2020 — И. М. Молданова. Словообразовательные модели хантыйского глагола: семантика и функционирование. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- Сердобольская 2012 — Н. В. Сердобольская. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. № 2. С. 735–785.
- Соловар, Молданова 2013 — В. Н. Соловар, И. М. Молданова. К вопросу о количественной характеристике способов действия глагола в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2013. № 1(12). С. 48–53.
- Татевосов 2020 — С. Г. Татевосов. О семантике ненецкого Итератива // Урало-алтайские исследования. 2020. № 02(37). С. 58–76.

Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности (Количественные аспектуальные значения). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

References

- Dyachkov 2018 — V. V. Dyachkov. Semantika suffiksa *-əl* v gornomariyskom yazyke: mezhdu edinichnostyu i mnozhestvennostyu [Semantics of the suffix *-əl* in Hill Mari: Between singularity and plurality]. *Rodnoy yazyk: lingvisticheskiy zhurnal*. 2018. No. 2. P. 41–80.
- Kaksin 2010 — A. D. Kaksin. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Kazym Khanty]. 2nd ed. Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2010.
- Kozlov 2018 — A. A. Kozlov. Frekventativ [Frequentative]. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova (eds.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Moksha language in a typological perspective]. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 438–457.
- Moldanova 2020 — I. M. Moldanova. *Slovoobrazovatelnye modeli khantyyskogo glagola: Semantika i funktsionirovaniye* [Derivative models of the Khanty verb: Semantics and functions]. PhD thesis. Moscow, 2020.
- Serdobolskaya 2012 — N. V. Serdobolskaya. Glagolnaya mnozhestvennost i aspekt v besermyanskom dialekte udmurtskogo yazyka: mnozhestvennost pokazately mnozhestvennosti [Pluractionality and aspect in Besermyan Udmurt: The plurality of plurality markers]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2012. Vol. 8. No. 2. P. 735–785.
- Solovar, Moldanova 2013 — V. N. Solovar, I. M. Moldanova. K voprosu o kolichestvennoy kharakteristike sposobov deystviya glagola v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [To the issue of quantitative characteristic of the ways of the verb's action in Khanty language (on the material of Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2013. No. 1(12). P. 48–53.
- Shluinskiy 2005 — A. B. Shluinskiy. Tipologiya predikatnoy mnozhestvennosti (Kolichestvennyye aspektualnye znacheniya) [A typology of pluractionality: quantitative aspectual meanings]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2005.
- Tatevosov 2020 — S. G. Tatevosov. O semantike nenetskogo Iterativa [On the meaning of the Iterative in Nenets]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2020. No. 02(37). P. 58–76.

Д. А. Ермакова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ГЛАГОЛЬНАЯ АКЦИОНАЛЬНОСТЬ В НОВОАРАМЕЙСКИХ ИДИОМАХ С. УРМИЯ (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

В докладе предлагается акциональная классификация глаголов новоарамейских идиомов с. Урмия (Краснодарский край)¹. Согласно методике С. Г. Татевосова [Татевосов 2005], было проанализировано 109 глаголов с точки зрения того, какую интерпретацию может иметь каждая из их двух диагностических форм: перфективная (форма претерита с суффиксальным показателем субъекта — типа *ptāxlə* ‘он открыл’) и имперфективная (прогрессивная форма с показателями субъекта, развившимися из копулы настоящего времени — типа *bərtāxlə* ‘он открывает’). В качестве списка возможных интерпретаций были использованы следующие универсальные ярлыки: состояние (S), процесс (P), мультипликативный процесс (MP), вхождение в состояние (ES), вхождение в процесс (EP), вхождение в мультипликативный процесс (EMP), квант мультипликативного процесса (Q).

В результате были выявлены следующие акциональные классы глаголов (группы глаголов с одинаковыми наборами акциональных ярлыков):

Класс	PST	PROG	n	
Сильный предельный	ES	P	26	+ <i>čammə</i> ‘потухать’
Слабый предельный	ES P	P	14	+ <i>paləš</i> ‘драться’

¹ Это исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

Класс	PST	PROG	n	
Слабый инцептивно-стативный	ES S	S	12	<i>+marrə</i> ‘болеть’
Сильный инцептивно-стативный	ES	S	10	<i>+čaməč</i> ‘увядать’
Слабый двупредельный	EP ES P	P	9	<i>+raxət</i> ‘бежать’
Слабый ингрессивно-непредельный	EP P	P	7	<i>+naṭəp</i> ‘капать’
Сильный двупредельный	ES EP	P	7	<i>+barbər</i> ‘мыть’
Предельно-стативный	ES S	P	6	<i>daməx</i> ‘спать’
Ингрессивно-мультипликативный	Q P EMP	P MP	6	<i>+šayəl</i> ‘кашлять’
Сильный ингрессивно-непредельный	EP	P	5	<i>tapəx</i> ‘течь’
Стативно-процессный	ES P S	P S	3	<i>šaxtən</i> ‘пачкать’
Расширенный ингрессивно-непредельный	ES EP P	P1, P2	2	<i>+radəx</i> ‘кипеть’
Мультипликативно-процессный	Q P MP	P MP	1	<i>+šayəš</i> ‘качать’

На основе полученных данных были обнаружены следующие закономерности:

1) Большинство динамических глаголов являются предельными, т. е. их форма прогрессива выражает процесс, а форма претерита — достижение предела этого процесса. Разница между слабыми (1) и сильными (2) предельными глаголами заключается в наличии интерпретации Процесс у формы претерита, что, в частности, выражается в возможности сочетания с обстоятельствами длительности:

- (1) *yəmm-i tumməz-la nūyna* (gu xa
 мама(F)-P.1SG чистить.PST-LS.3F рыба(F) в один
+səhat / xa +səhat
 час(F) один час(F)
 ‘Мама **почистила** (за час) / **чистила** рыбу (один час)’.
- (2) *nūyrə kəd-lun* (gu xa +səhat / *xa +səhat)
 огонь.PL гореть.PST-LS.3PL в один час(F) один час(F)
 ‘Огни **догорели** (за час) / *горели (один час)’.

2) Большинство стальных глаголов относится к инцептивно-стативному классу. Разница между слабым (3) и сильным (4) классами проявляется в наличии интерпретации Состояние у формы претерита:

- (3) *ákl-i +mri-lun (tre +sahátə +xárta*
нога.PL-P.1SG болеть.PST-LS.3PL два час.PL наконец
cli-lun)
перестать.PST-LS.3PL
‘Ноги **заболели** / **поболели** (два часа, а потом перестали)’.
- (4) *edánta ayán tpák-la bi +ávən ayán*
когда она встретить.PST-LS.3F с он она
*kát-u hummán-la (*xa cta +dána)*
к-Р.3М верить.PST-LS.3F один сколько время(F)
‘Когда она познакомилась с ним, она ему **поверила** / *верила
(некоторое время)’.

Формы претерита стальных глаголов обязательно имеют интерпретацию Вхождение в состояние, что проявляется в отсутствии класса стативных глаголов.

3) Особенность ряда стальных глаголов (прежде всего, глаголов положения) состоит в том, что для обозначения состояния в настоящем используется форма перфекта (результативное причастие с показателем субъекта). Форма прогрессива приобретает инцептивную интерпретацию, а сам предикат попадает в класс предельно-стативных:

- (5) *+kátə dmáx-lun (xa +sáhat +xárta*
кошка.PL спать.PST-LS.3PL один час.PL наконец
+rəš-lun)
проснуться.PST-LS.3PL
‘Кошки **уснули** / **поспали** (час и проснулись)’.
- (6) *+kátə bədmáx=əna xut +ústol*
кошка.PL спать.PROG=3PL под стол(М)
‘Кошки **засыпают** / *спят под столом’.
- (7) *+kátə dmíx=əna xut +ústol*
кошка.PL спать.RES.PL=3PL под стол(М)
‘Кошки спят под столом’.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; F — женский род; LS — L-серия личных показателей; M — мужской род; P — посессивная серия личных показателей; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; RES — результативное причастие; SG — единственное число.

Литература

Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.

References

Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. Aktsionalnost: tipologiya i teoriya [Actionality: Typology and theory]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2005. No. 1. P. 108–141.

А. Н. Закирова
НИУ ВШЭ, Москва

ОПТАТИВ В МАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ: ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ¹

Оптатив обычно понимается как спрягаемая форма глагола, выражающая желание говорящего [Dobrushina, van der Auwera, Goussev 2013]. В марийских языках есть несколько способов выражения оптативного значения: 1) особая глагольная форма императива 3 л. [Alhoniemi 1993: 122; Саваткова 2002: 185], 2) форма на *-šaš* + опциональный показатель ретроспективного сдвига (RETR), 3) форма, формально совпадающая с NPST.1SG + (RETR). В этом докладе речь пойдет о средствах 2) и 3). Данные лугового марийского собраны в 2019 г. в д. Чодыраял Волжского р-на Респ. Марий Эл, данные горномарийского — в 2016–2019 гг. в с. Кузнецово и Микряково Горномарийского р-на Респ. Марий Эл.

Обе рассматриваемые формы покрывают только часть возможных оптативных контекстов. В докладе мы опишем имеющиеся ограничения и выдвинем гипотезу о происхождении этих оптативных форм. Диахрония оптатива — это малоизученная тема, ср. отсутствие упоминаний о нем в [Kuteva et al. 2019], впрочем см. работу [Sadock, Zwicky 1985: 164], в которой утверждается, что источниками оптатива могут быть футуральные, императивные и условные формы, а также показатели конъюнктива.

1. Форма на *-šaš*

Оптативное употребление этой формы существует в горномарийском и литературном луговом марийском, но не в говоре

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

с. Чодыраял. В горномарийском форма на *-šaš* встречается также в других контекстах, см. Таблицу 1 и [Zakirova 2017].

Таблица 1. Функции показателя *-šaš* в горномарийском языке

Table 1. Functions of the *-šaš* marker in Hill Mari

№	контекст	выражение подлежащего	референция подлежащего
1	оптатив	+	любая ИГ, референт которой не контролирует событие
2	совет	–	одушевленная ИГ
3	намерение	+	1SG
4	реакция на просьбу	+	1SG
5	делиберативный вопрос	+	1SG
6	причастие будущего времени (<i>-šaš + -lêk</i>)	+	любая ИГ

Контексты (1–5) распадаются на две группы: (1–2) и (3–5). Можно предположить два возможных пути развития этой формы: 1) первичны контексты (3–5), затем форма на *-šaš* расширяет свою сочетаемость и начинает употребляться с субъектами разных лиц и чисел (1–2); 2) первичны контексты (1–2), но с субъектом первого лица форма на *-šaš* приобретает особые интенциональные употребления (3–5).

2. Форма NPST.1SG

В говорах д. Чодыраял (луговой марийский) и с. Микряково (горномарийский) есть конструкция с застывшей формой NPST.1SG, ср. тж. [Васикова 1982].

- (1) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
erla jür lij-am al'-e!
 завтра дождь становится-NPST.1SG быть-AOR.3SG
 ‘Вот бы завтра пошел дождь!’

В обоих идиомах такие конструкции имеют ограничения на возможное подлежащее: они оказываются менее приемлемы,

если субъект 3 л. контролирует ситуацию (2), и невозможны с субъектом 3 л. мн. ч. (3).

- (2) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
[?]*maksim erla tol-am* *əl'-e*
 Максим завтра приходить-NPST.1SG быть-AOR.3SG
 'Вот бы завтра Максим приехал!'

- (3) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
*joča-vlak erla *tol-am* /
 ребенок-PL завтра приходить-NPST.1SG
tol-ašt əl'-e!
 приходить-IMP.3SG быть-AOR.3SG
 'Вот бы завтра дети приехали!'

В этой конструкции можно усмотреть любопытную параллель с конструкцией *V-šaš* + RETR, в которой форма на *-šaš* тоже может восходить к формам с референцией к 1SG. Можно предположить, что обе эти конструкции действительно произошли от форм 1SG — вероятно, в гортативном или интенциональном употреблении. Этот путь грамматикализации, насколько нам известно, не был описан в литературе по марийским языкам.

Обе формы используются только в части оптативных контекстов: форма на *-šaš* + (RETR) невозможна, если субъект контролирует ситуацию. Сфера употреблений NPST.1SG + (RETR) еще уже из-за недоступности некоторых лиц и чисел подлежащего (2–3). Наблюдаемые ограничения могут пролить свет на процесс грамматикализации оптатива: марийские данные показывают, что оптативные прочтения раньше становятся доступны для неконтролируемых предикатов (*-šaš* + (RETR)) и неодоушевленных подлежащих 3 л. (NPST.1SG + (RETR)).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; AOR — аорист; IMP — императив; NPST — не прошедшее время; PL — множественное число; RETR — показатель ретроспективного сдвига; SG — единственное число.

Литература

- Васикова 1982 — Л. П. Васикова. Структурные схемы предложений в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1982. № 4. С. 271–282.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Dobrushina, van der Auwera, Goussev 2005 — N. Dobrushina, J. van der Auwera, V. Goussev, Optative // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 298–301.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World lexicon of grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Sadock, Zwicky 1985 — J. M. Sadock, A. M. Zwicky. Speech acts distinctions in syntax // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 155–196.
- Zakirova 2017 — A. N. Zakirova. The Hill Mari *-šas*: Speaker's control and its implications. Презентация доклада, прочитанного на XIV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017. URL: <https://youngconfspb.com/application/files/3115/1334/8162/Zakirova.pdf> (дата обращения 01.10.2021).

References

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Dobrushina, van der Auwera, Goussev 2005 — N. Dobrushina, J. van der Auwera, V. Goussev, Optative. M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.). The World Atlas of Language Structures. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 298–301.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World lexicon of grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

- Sadock, Zwicky 1985 — J. M. Sadock, A. M. Zwicky. Speech acts distinctions in syntax. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 155–196.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]*. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Vasikova 1982 — L. P. Vasikova. *Strukturnyye skhemy predlozheniy v mariyskom yazyke [Structural patterns of sentences in Mari]*. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye*. 1982. No. 4. P. 271–282.
- Zakirova 2017 — A. N. Zakirova. The Hill Mari -šas̄: Speaker's control and its implications. Presentation of the paper presented at the 14th Conference on typology and grammar for young scholars, Institute for Linguistic Studies RASRAS, St. Petersburg, November 23–25, 2017. Available at: <https://youngconfsfb.com/application/files/3115/1334/8162/Zakirova.pdf> (accessed on 01.10.2021).

А. Н. Закирова, Д. А. Сапарова

НИУ ВШЭ, Москва /

НИУ ВШЭ, Москва; ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

НЕГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ В ЧУВАШСКОМ И ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Доклад посвящен конструкциям с неглагольным предикатом в двух неродственных языках, которые долгое время находятся в ситуации языкового контакта: в чувашском (< тюркские) и горномарийском (< финно-угорские < уральские). Контактные явления в этих языках широко обсуждались в литературе, ср., например, [Веке 1914–1915; Федотов 1990; Плешак, Ремизова 2018; Хомченкова, Федотов 2019], ср. тж. обсуждение [Johanson 2000] Волго-Камского языкового союза, в который входят чувашский и горномарийский. В горномарийском отмечается немало заимствованных из чувашского морфем, ср. [Федотов 1990; Seifart 2013; Плешак, Ремизова 2018; Закирова 2019], а также RАТ-borrowings, т. е. случаев копирования структуры без заимствования морфологического материала [Серебренников 1960]. Однако нам неизвестны работы, в которых бы сравнивалось устройство неглагольных предикаций (НП) в чувашском и горномарийском.

Материал исследования был собран в с. Кузнецово Горномарийского р-на республики Марий Эл в 2017–2019 гг. и в с. Малое Карачкино Ядринского р-на Чувашской республики в 2017–2021 гг.

В Таблице 1 приведены типы предикаций и способы их выражения в рассматриваемых языках в настоящем времени по [Hengeveld 1992]:

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Таблица 1. Способы выражения НП
в горномарийском и чувашском языках
Table 1. Ways of expressing non-verbal predication
in Hill Mari and Chuvash

Тип предикации	Чувашский	Горномарийский
Характеризация (<i>Маши красивая</i>)	∅	âl-
Классификация (<i>Арбуз — это ягода</i>)	vəl + ∅	tidä + âl-
Идентификация (<i>Владелец этого особняка — ювелир Фужере</i>)	pol- / ∅	âl- / ∅
Локативная (<i>Стулья находятся в комнате</i>)	por / ∅	ulâ / ∅
Бытийная (<i>В комнате есть стулья</i>)		
Посессивная (<i>У Пети есть книга</i>)	por	

Сравним кодирование НП в этих языках:

а) В каждом языке есть спрягаемая копула (в чувашском *pol-*, в горномарийском *âl-*), ср. (1), а также неспрягаемая бытийная связка (в чувашском *por*, в горномарийском *ulâ*), ср. (2)

(1) *tän' jažo âl-at*
ты хороший быть-NPST.2SG
'Ты хороший'.

(2) *torə por*
Бог ЕХ
'Бог есть'. → сходство

б) Для предложений классификации возможно использование местоимения *tidä* в марийском и *vəl* в чувашском (ср. в переводе примера русское местоимение *это* в такой же функции):

(3) *straus tidä kek*
страус этот птица
'Страус — это птица'. → сходство

с) Однако поведение копулы в предложениях характеристики различно: в чувашском при референции к настоящему времени нет связки, а употребление *pol-* в форме непрошедшего времени

имеет референцию к будущему. В горномарийском при референции к настоящему используется связка *âl-*, которая может опускаться в форме 3SG и 3PL, но обязательна в остальных лично-числовых комбинациях:

(4) *jep xitre (*pol-ap)*
я красивый быть-NPST.1SG
'Я красивая'.

(5) *mä stud'ent-vlä *(âl-âna)*
мы студент-PL быть-NPST.1PL
'Мы — студенты'. → различие

d) В чувашском локативные и бытийные контексты кодируются одинаково с помощью связки *por*. В горномарийском в локативных контекстах используется копула *âl-*, которая также используется в предложениях характеристики и идентификации, а в бытийных — копула *ulâ*:

(6) *jidâ oram-ra por / *pol-at*
собака улица-LOC EX быть-NPST.3SG
'Собака на улице'.

(7) *män' to-n-na âl-am / *ulâ*
я дом-IN2-POSS.1PL быть-NPST.1SG EX
'Я дома'. → различие

e) Как в чувашском, так и в горномарийском имена в позиции предиката факультативно маркируются по числу:

(8) *per student-(sam) pol-apər*
мы студент-PL быть-NPST.1PL
'Мы — студенты'.

(9) *mä stud'ent-(vlä) âl-âna.*
мы студент-PL быть-NPST.1PL
'Мы — студенты'. → сходство

В докладе будет также рассмотрено выражение категорий времени и отрицания в разных типах НП.

Таким образом, стратегии выражения НП в чувашском и горномарийском в целом похожи по составу инвентаря, но различа-

ются тем, где проходят границы употребления разных маркеров. Для того чтобы более точно оценить степень сходства и роль ареального контакта, в докладе мы сравним данные этих языков с данными родственных тюркских и уральских языков, не входящих в Волго-Камский языковой союз.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; EX — бытийная связка; IN2 — старый инессив; LOC — локатив; NPST — непрощедшее время, PL — множественное число; POSS — показатель посессивности; SG — единственное число.

Литература

- Закирова 2019 — А. Н. Закирова. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа. М.: МГУ, 2019.
- Плешак, Ремизова 2018 — П. С. Плешак, Т. Е. Ремизова. Морфосинтаксические особенности посессивных именных групп с терминами родства в малокарачклинском чувашском и горномарийском // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 6–8 декабря 2018 г. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 75–77.
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Федотов 1990 — М. Р. Федотов. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Издательство Саратовского университета, 1990.
- Хомченкова, Федотов 2019 — И. А. Хомченкова, М. Л. Федотов. Выражение каритивной семантики в горномарийском и чувашском языках // Е. А. Забелина (ред.). Шестнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 154–158.
- Beke 1914–1915 — Ö. Beke. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // Keleti Szemle. 1914–1915. Vol. 15. P. 1–77.
- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. Non-verbal predication. Theory, typology, diachrony. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.

- Johanson 2000 — L. Johanson. Linguistic convergence in the Volga area // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000. Vol. 28. P. 165–178.
- Seifart 2013 — F. Seifart. *AfBo: A world-wide survey of affix borrowing*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://afbo.info> (дата обращения 15.10.2021).

References

- Beke 1914–1915 — Ö. Beke. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen. *Keleti Szemle*. 1914–1915. Vol. 15. P. 1–77.
- Fedotov 1990 — M. R. Fedotov. *Chuvashsko-mariyskiye yazykovyye vzaimosvyazi* [Chuvash-Mari linguistic interrelations]. Saransk: Saratov University Press, 1990.
- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. *Non-verbal predication. Theory, typology, diachrony*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Johanson 2000 — L. Johanson. Linguistic convergence in the Volga area. *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000. Vol. 28. P. 165–178.
- Khomchenkova, Fedotov 2019 — I. A. Khomchenkova, M. L. Fedotov. Vyrazheniye karitivnoy semantiki v gornomariyskom i chuvashskom yazykakh [Caritive semantics in Hill Mari and Chuvash]. E. A. Zabelina (ed.). *Shestnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 21–23 noyabrya 2019 g.)* [16th Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 21–23, 2019)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS., 2019. P. 154–158.
- Pleshak, Remizova 2018 — P. S. Pleshak, T. E. Remizova. Morfosintaksi-cheskiye osobennosti possessivnykh imennykh grupp s terminami rodstva v malokarachkinskom chuvashskom i gornomariyskom [Morphosyntactic properties of possessive noun phrases with kinship terms in Maloe Karachkino Chuvash and Hill Mari]. *Pervaya konferentsiya po uralskim, altayskim i paleoaziatskim yazykam. Pamyati A. P. Volodina. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 6–8 dekabrya 2018 g.* [First Conference on Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages in the memory of Alexander P. Volodin. Abstracts of the international scientific conference, Saint Petersburg, December 6–8, 2018]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2018. P. 75–77.

- Seifart 2013 — F. Seifart. *AfBo: A world-wide survey of affix borrowing*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://afbo.info> (accessed on 15.10.2021).
- Serebrennikov 1960 — B. A. Serebrennikov. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoy i volzhskoy grupp* [Tense and aspect categories in the Finno-Ugric languages of the Permian and Volga groups]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Press, 1960.
- Zakirova 2019 — A. N. Zakirova. *Chastitsy emfaticheskoy identichnosti v povolzhskom yazykovom soyuze* [Emphatic identity particles in the Volga-Kama Sprachbund]. Graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2019.

Д. И. Игнатенко

Независимая исследовательница, Москва

ИНХОАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В БЫСТРИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Настоящий доклад посвящен двум инхоативным деривациям в быстринском говоре эвенского языка. В литературе по эвенскому языку [Цинциус 1947; Роббек 1982] описываются две деривации, выражающие инхоативное значение: суффиксы *-l* и *-šn/-šan*, последний из которых также может выражать значения «кратковременности и моментальности». В этом докладе мы рассмотрим условия употребления конкурирующих суффиксов, их модели полисемии и возможные параллели с когнатами из других тунгусо-манчжурских языков. Данные были собраны в ходе экспедиции в с. Эссо и с. Анавгай Камчатского края в июне-июле 2021 г.

Суффикс *-l* чувствителен к акциональной характеристике основы и в зависимости от нее может иметь две разные интерпретации: серийную и/или фазовую. Так, без дополнительных аспектуальных дериваций, для непредельных процессов с инхоативом одинаково доступны как серийная, так и фазовая интерпретация (1), в то время как для предельных процессов фазовая интерпретация возможна только в сочетании с показателем прогрессива (2); пунктивные глаголы с инхоативом *-l* имеют только серийную интерпретацию (3). Суффикс *-l* не развивает полисемии за пределами инхоативной зоны.

- (1) a. *tiniw bi ike-d-di-wu*
вчера я петь-PROG-PST-1SG
'Вчера я пела'.
b. *ašatkan ike-l-li-n*
девушка петь-INCH-PST-3SG
'Девушка научилась петь / запела'.

- (2) a. *kuṇa ana-ri-n urke-w*
ребенок открыть-PST-3SG дверь-ACC
'Мальчик открыл дверь'.
b. *kuṇa ana-l-li-n urka-w*
ребенок открыть-INCH-PST-3SG дверь-ACC
'Ребенок научился открывать дверь'.
c. *kuṇa ana-d'i-l-li-n urka-w*
ребенок открыть-PROG-INCH-PST-3SG дверь-ACC
'Ребенок начал дверь открывать'.
- (3) a. *ḡin tunnika-m ipki-ni-n*
собака заяц-ACC ловить-PST-3SG
'Собака поймала зайца'.
b. *ḡin tunnika-m ipki-l-li-n*
собака заяц-ACC ловить-INCH-PST-3SG
'Собака научилась ловить зайцев (~ начала все время зайцев ловить)'.

Суффикс *-ṣn* сохранил инхоативную интерпретацию только с двумя группами глаголов: с глаголами движения и стативами (4)–(5).

- (4) *kuṇa mirke-ṣ-ni-n*
ребенок ползать-MOM-PST-3SG
'Ребенок пополз'.
- (5) a. *n'ari gerew asatka-m ajaw-rə-n*
парень этот девушка-ACC любить-NFUT-3SG
'Парень любит эту девушку'.
b. *ḡona-n ajawə-ṣ-ni-n asatka-m*
он-3SG.POSS любить-MOM-PST-3SG девушка-ACC
'Он влюбился в эту девушку'.

С остальными глаголами этот показатель развил интерпретации из аттенуативной зоны: например, с неопредельными процессами показатель имеет значение кратковременного действия, с мультипликативами интерпретируется как семейфактив, а с предельными процессами обозначает действие выполненное не в полной мере (6)–(8).

- (6) *ašatkan ike-š-ni-n*
 девушка петь-МOM-PST-3SG
 ‘Немножко попела девушка.’
- (7) a. *ŋin goga-l-li-n*
 собака лаять-INCH-PST-3SG
 ‘Собака залаяла / Собака начала (научилась) лаять’.
- b. *ŋin goga-š-ni-n*
 собака лаять-МOM-PST-3SG
 ‘Собака гавкнула’.
- (8) a. *oǰə-l olga-ri-ten*
 вещь-PL сохнуть-PST-3PL
 ‘Вещи высохли’.
- b. *oǰə-l olga-š-ni-ten*
 вещь-PL сохнуть-МOM-PST-3PL
 ‘Чуть-чуть вещи подсохли’.

В нанайском языке также есть два показателя инхоатива: суффиксы *-lo/-lu* и *-psen/-psin* [Оскольская, Стойнова 2012], которые кажутся родственными эвенским показателям. В найхинском говоре среднеамурского диалекта суффикс *-lo*, так же как и эвенский *-l*, очень продуктивен и имеет схожую дистрибуцию интерпретаций — серийной и фазовой начинательности; суффикс *-psen* менее продуктивен, однако кажется, что его центральное значение все еще инхоативное, а отдельные случаи аттенуативных интерпретаций скорее редкость.

Что интересно, в горинском говоре нижеамурского диалекта мы наблюдаем ситуацию, более близкую к тому, что обнаруживается в быстринском говоре эвенского языка. Суффикс *-lo* также является продуктивным инхоативом, а у суффикса *-psen*, потерявшего продуктивность, значение начинательности оказывается периферийным, «ядро его употреблений составляют значения, связанные с пониженной длительностью и/или интенсивностью ситуации» [Оскольская, Стойнова 2012].

Похожая дистрибуция значений наблюдается и у суффикса *-sin* в эвенкийском языке [Nedjalkov 1997]: в то время как ядро его значений составляют аттенуативные употребления, с некоторым

ограниченным набором основ он получает инхоативную интерпретацию.

В докладе мы более подробно рассмотрим типологические особенности двух эвенских показателей, условия их употребления и сопоставим с материалами других языков.

Список условных сокращений

1,3 — 1,3 лицо; ACC — аккузатив; INCH — инхоатив; MOM — «моментатив», кратковременное действие; NFUT — небудущее время; POSS — possessивный показатель; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Оскольская, Стойнова 2012 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (20–22 сентября 2012 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 213–230.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Ленингр. отд. изд-ва «Наука», 1982.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. *Evenki*. (Descriptive Grammars Series.) London; New York: Routledge, 1997.

References

- Cincius 1947 — V. I. Cincius. *Oчерk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even language (Lamut)]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. *Evenki*. (Descriptive Grammars Series.) London; New York: Routledge, 1997.
- Oskolskaya, Stoinova 2012 — S. A. Oskolskaya, N. M. Stoinova. *Sposoby vyrazheniya nachalnoy fazy deystviya v nanayskom yazyke* [Means of

expression of the initial phase of action in Nanai]. Ye. M. Devyatkina (ed.). *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statey po materialam Pervoy konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh" (20–22 sentyabrya 2012 g.)* [Language issues: Collection of articles based on the First conference-school “Language issues: A young scholars’ perspective” (September 20–22, 2012)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2012. P. 213–230.

Robbek 1982 — V. A. Robbek. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Verbal aspect in Even]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1982.

Э. К. Кожевникова, И. А. Хомченкова

МГУ, Москва / ИРЯ РАН; МГУ, Москва

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАРИТИВНЫХ И ЭКСЦЕПТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСЛЕЛОГОМ *BAŠKA* В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ¹

В литературном удмуртском (< ФИННО-УГОРСКИЕ) в каритивных и эксцептивных конструкциях ('без' и 'кроме') соответственно употребляются падежный аффикс *-tek* (см., например, [Nanari 2011]) и послелог *s'ana* (см., например, [Ефремов 2013: 13]).

В татышлинском говоре, помимо упомянутых стратегий, оба значения могут выражаться конструкцией с послелогом *baška* 'без, кроме, помимо, за исключением', заимствованным из татарского языка (< ТЮРКСКИЕ) [Ахметьянов 2015: 166]. Дистрибуция этого послелога не описана: в [Baidoullina 2003: 109] приведен один пример его употребления, где зависимое маркируется каритивом (1). В словаре [Udmcorpus] зафиксировано употребление с маркированием зависимого аблативом (в другой системе терминов — вторым генитивом), см. (2).

- (1) *ton-te² baška=no bugat-o-m=aj*
ты-CAR кроме=ADD уметь-FUT-1PL=PTCL
'Без тебя управимся'. [Baidoullina 2003: 109]
- (2) *тын-эсьт-ыд башка=no ул-о-Ø=али*
ты-AVL-POSS.2 кроме=ADD жить-FUT-1SG=PTCL
'И без тебя сумею прожить'. [Udmcorpus]

В докладе мы рассмотрим вариативность каритивного / аблативного маркирования существительного и допустимость послелога *baška* в зависимости от иерархии одушевленности [Silver-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а.

stein 1976]. Представленный материал был собран методом анкетирования в Респ. Башкортостан в с. Старый Кызыл-Яр, с. Ивановка и с. Нижнебалтачево в 2021 г.

Каритивное маркирование допустимо с личными местоимениями (3) и терминами родства (4), но не с личными именами (5). Во всех случаях нейтральным является аблативное маркирование.

- (3) *mi so-jos-les' / so-jos-tek baška mân-i-m*
мы тот-PL-ABL тот-PL-CAR кроме идти-PST-1PL
'Мы уехали без них'.
- (4) *so-jos mânâm ataj-les' / ataj-tek baška košk-i-zâ*
тот-PL я.GEN отец-ABL отец-CAR кроме уходить-PST-3PL
'Они уехали без моего отца'.
- (5) *so kûno-je maša-les' / *maša-tek baška mân-i-z*
тот гость-ILL Маша-ABL Маша-CAR кроме идти-PST-3SG
'Он пошел в гости без Маши'.

Аблативная конструкция также имеет ограничения на одушевленность: послелог *baška* не употребляется с неодушевленными существительными (6) и редко допускается с одушевленными существительными, не обозначающими человека (7). В эксцептивных конструкциях ограничений по одушевленности нет (8).

- (6) **ruslan korka-s't-âz sumka-les' baška pot-i-z*
Руслан дом-EL-POSS.3SG сумка-ABL кроме выходить-PST-3SG
Ожид.: 'Руслан вышел из дома без сумки'.
- (7) *??so pünä-les' baška lâkt-i-z*
тот собака-ABL кроме приходить-PST-3SG
'Он пришел без собаки'.
- (8) *n'ules-les' baška mon kot'-kât-ân=no*
лес-ABL кроме я хоть-где-LOC=ADD
gul'at' karâ-nâ ž'arat-is'ko-∅
гулять делать-INF любить-PRS-1SG
'Я везде люблю гулять, кроме леса'.

В докладе также планируется обсудить данные татышлинского удмуртского на ареальном фоне и показать варьирование ана-

логичных единиц в прочих языках Поволжья (горномарийском, чувашском, мокшанском и башкирском). Горномарийский язык заимствовал лексему *pasna* из чувашского [Галкин 1964: 32], а мокшанский заимствовал лексему *baška*² из татарского [Серебренников 1967: 240], как и татышлинский удмуртский. Мы рассмотрим значения ‘кроме’, ‘без’, а также значение ‘отдельно’ (см. Таблицу 1 из [Fedotov, Khomchenkova 2021], дополненную данными татышлинского удмуртского). В данном ареале значения ‘без’ и ‘отдельно’ демонстрируют вариативность на синхронном уровне, а также подвержены диахроническим изменениям.

Таблица 1. Значения единиц *pasna* (*puɕne*) и *baška* в горномарийском, чувашском, мокшанском, башкирском и татышлинском удмуртском
 Table 1. Meanings of *pasna* (*puɕne*) and *baška* in Hill Mari, Chuvash, Moksha, Bashkir and Tatyshli dialect of Udmurt

	горномарийский (<i>pasna</i>)	чувашский (<i>puɕne</i>)	мокшанский (<i>baška</i>)	башкирский (<i>baška</i>)	татышлинский удмуртский (<i>baška</i>)
‘без’	+	– ³	–	± ⁴	+
‘кроме’	+	+	+	+	+
‘отдельно’	+	– ³	+	+	–

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; CAR — каритив; EL — элатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число.

² Чувашская единица *puɕne* и татарская единица *baška* имеют одну внутреннюю структуру: лексема ‘голова’ + дативно-направительный падеж [Егоров 1964: 169].

³ В литературном языке *puɕne* не употребляется в значениях ‘без’ и ‘отдельно’, но в [Ашмарин 1928–1950] такие употребления находятся.

⁴ Каритивное значение является периферийным и признается не всеми носителями [Оскольская 2011].

Источники

Udmcorp — Национальный корпус удмуртского языка (информационно-справочная система). URL: <http://udmcorp.usudman.ru/dictionary> (дата обращения: 22.08.2021).

Литература

- Ахметьянов 2015 — Р. Г. Ахметьянов. Этимологический словарь татарского языка. Казань: Магариф-Вақыт, 2015.
- Ашмарин 1928–1950 — Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка: В 17 т. Казань: Нар. ком. по просвещению Чувашской АССР; Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1928–1950.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964.
- Егоров 1964 — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964.
- Ефремов 2013 — Д. А. Ефремов. О послеложном управлении в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 2. С. 8–15.
- Оскольская 2011 — С. А. Оскольская. Конструкции исключения. Доклад на экспедиционном семинаре, д. Рахметово, респ. Башкортостан, 17 июля 2011 г.
- Серебренников 1967 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Fedotov, Khomchenkova 2021 — M. Fedotov, I. Khomchenkova. Caritive constructions in Chuvash and Hill Mari // TU+6 (Sixth Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Toronto, 19–20 February 2021). Toronto / Online, 2021.
- Hamari 2011 — A. Hamari. The abessive in the Permic languages // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. 2011. No. 93. P. 37–84.
- Silverstein 1976 — Michael Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.

References

- Akhmetyanov 2015 — R. G. Akhmetyanov. *Etimologicheskij slovar tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of Tatar]. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015.
- Ashmarin 1928–1950 — N. I. Ashmarin. *Slovar chuvashskogo yazyka* [Chuvash dictionary]: In 17 vols. Kazan: People's Commissars of Education of the Chuvash ASSR; Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1928–1950.
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka: Morfologiya* [Historical grammar of Mari: Morphology]. Yoshkar Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964.
- Yegorov 1964 — V. G. Yegorov. *Etimologicheskij slovar chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964.
- Yefremov 2013 — D. A. Yefremov. O poslelozhnom upravlenii v udmurtskom yazyke [On postpositional government in Udmurt]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*. 2013. Is. 2. P. 8–15.
- Oskolskaya 2011 — S. A. Oskolskaya. Konstruktsii isklyucheniya [Exclusive constructions]. Paper presented at the field workshop, Rakhmetovo, Republic of Bashkortostan, July 17, 2011.
- Serebrennikov 1967 — B. A. Serebrennikov. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.
- Fedotov, Khomchenkova 2021 — M. Fedotov, I. Khomchenkova. Caritive constructions in Chuvash and Hill Mari. *TU+6 (Sixth Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Toronto, 19–20 February 2021)*. Toronto / Online, 2021.
- Hamari 2011 — A. Hamari. The abessive in the Permic languages. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 2011. No. 93. P. 37–84.
- Silverstein 1976 — Michael Silverstein. Hierarchy of features and ergativity. R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.

А. А. Козлов^{1,2}, М. О. Бажуков¹,
Д. Е. Касенов¹, А. С. Коновалова³

¹ НИУ ВШЭ, Москва, ² ИЯз РАН, Москва,
³ независимая исследовательница, Москва

К ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВА *ИМЕННО*¹

Настоящее исследование посвящено диахронической эволюции семантики русского слова *именно*. Материал исследования — сплошная выборка контекстов из старорусского и основного подкорпусов НКРЯ, а также картотека Словаря XI–XVI вв. (отдел исторической лексикографии ИРЯ РАН).

Древнее значение. В самом древнем значении, встречающееся в памятниках как минимум с XVI в., именно выступает как модификатор глагола речевого акта. Пример (1) взят из челобитной, включенной в состав «Казанской истории» и повествующей о судьбе новокрещеных татар, умученных от «нечестивого сонмища». Авторы челобитной выражают сожаление, что при чтении Синодика в Неделю православия, содержащего имена защитников православия от ересей (например, патриарха иконопочитателя Тарасия или византийского императора Андроника II), не возглашается «Вечная память» этим погибшим татарам с упоминанием *имён* каждого из них:

(1) *Память им вечная именно не поется.* [Казанская история 1564–1566]

Таким образом, в этом примере *именно* выступает в композиционном значении ‘поимённо, с указанием имени’.

Современные значения. В современном русском языке *именно* демонстрирует несколько очень различных типов употреблений.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Мы будем фокусироваться на двух из них². Во-первых, это модификатор вопросительного слова, маркирующий запрос более детальной информации:

(2) *Кто именно пришел?*

Во-вторых, это фокусная частица, вводящая пресуппозиции эксгауствивности ('никакая другая альтернатива не верна') и данности ('денотат фокусной составляющей является дискурсивно данным'), см. [Козлов 2020].

(3) *Пришел именно Вася*

Заметим, что априори неясно, не являются ли (2) и (3) проявлениями двух разных значений частицы *именно* — или разница в итоговой интерпретации проистекает из различия в типах значений элементов, с которым они сочетаются: ИГ *Вася* и вопросительного слова *кто*.

Путь семантической эволюции. Корпусные данные показывают, что *именно* развивалось по двум независимым маршрутам семантической эволюции: итогом первого было употребление вместе с вопросительным словом, итогом второго — употребление в значении фокусной частицы. Можно проследить следующие стадии развития:

А. Простая клауза, глагол «передачи информации», «по именам» (16 в.) *Он написал пошлины именно.*

(i) Далее из (А) первый путь развития:

Б. Полипредикативная конструкция с клаузой косвенного вопроса, *именно* в главной клаузе. *Он именно написал, кто сюда придет.*

Г. Полипредикативная конструкция с клаузой косвенного вопроса, *именно* в зависимой клаузе. *Он написал, кто именно сюда придет.*

Е. Независимое предложение — вопрос: *Кто именно сюда придет?*

² Это означает, в частности, что мы не фокусируемся на присоединительных употреблениях типа *а именно*: *Мальчики, а именно Вася и Петя, должны прийти еще раньше.*

- (ii) Далее из (Б) второй путь развития:
- (В) Полипредикативная конструкция с придаточным изъяснительным, *именно* в главной: *Он именно написал, что сюда придет Фома*
- (Д) Полипредикативная конструкция с глаголами типа *велеть, определить, представлять, назначить* и инфинитивом: *Он именно велел ФОМЕ сюда прийти*
- (Ё). Монопредикативная конструкция с каузативным предикатом: *Он именно определил сюда ФОМУ*
- (Ж) Монопредикативная конструкция без ограничений на тип предиката: *Он именно видел ФОМУ*.

Таким образом, оба употребления прошли через этап употребления главным образом в полипредикативной конструкции (стадии Б, В) и пришли к употреблению в простом предложении (стадии Е, Ж). Однако они достигли этого по-разному:

- *именно* при вопросительном местоимении — через инсубординацию («отпадение») главной клаузы (Г > Е);
- *именно* при невопросительной составляющей — через «сворачивание» полипредикации в простое предложение через стадию «семантически полипредикативных» каузативных предикатов (Д > Ё > Ж).

Оба эти пути засвидетельствованы типологически [Cristofaro 2016]. В докладе мы представим эмпирические свидетельства в пользу очерченного нами пути семантического развития.

Литература

- Козлов 2020 — А. А. Козлов. *Именно* // А. А. Кибрик и др. (ред). ВАПрсы языкознания: мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плулунгяна. М.: Буки Веди, 2020.
- Cristofaro 2016 — S. Cristofaro. Routes to insubordination: A cross-linguistic perspective // N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. P. 393–422.

References

- Cristofaro 2016 — S. Cristofaro. Routes to insubordination: A cross-linguistic perspective // N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. P. 393–422.

Kozlov 2020 — A. A. Kozlov. Imenno // A. A. Kibrik et al. (eds.) *VAProsy yazykoznaniya: megasbornik nanostatey. Sbornik statey k yubileyu V. A. Plungiana* [PLUNGuistics: megacollecton of nanoarticles. Festschrift to V. A. Plungian]. Moscow: Buki Vedi, 2020.

А. И. Крюкова

МГУ, Москва

(АНТИ-)АССОЦИАТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ¹

В данной работе на материале татышлинского говора удмуртского языка будут рассмотрены два вида неаддитивной множественности: ассоциативная (множество объектов, включающее фокусный референт и связанные с ним объекты [Даниэль 2000: 4]) и антиассоциативная (формы множественного числа от топонимов, обозначающие их жителей [Corbett 2000: 241–242]). Материал собран методом анкетирования в 2021 г. в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, Новые Татышлы Татышлинского р-на Республики Башкортостан.

Мы дополним сведения о дистрибуции таких форм в существующих описаниях удмуртского языка. Кроме того, антиассоциативность скудно изучена типологически и потому представляет интерес.

Типологически выделяются три основных значения ассоциативной множественности: родственной совокупности; устойчивой совокупности неродственного типа; актуальной совокупности [Даниэль 2000: 52–60], см. также [Кузнецова 1998] об уральском материале.

В литературе по удмуртскому языку описаны ассоциативы родства и групповые ассоциативы; указано, что фокусными референтами могут выступать имена собственные и термины родства [Тепляшина, Лыткин 1976: 142].

В татышлинском удмуртском мы выявили все отмеченные в [Даниэль 2000] значения (1b)–(1c), аддитивная интерпретация также доступна (1a).

¹ Поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

- (1) *ruslan-n'os vi-i-zâ*
Руслан-PL прийти-PST-3PL
а. 'Приехали несколько человек по имени Руслан'.
б. 'Приехал Руслан с семьей / коллегами / друзьями'.
с. 'Приехала группа людей, среди которых Руслана знают'.

Формы, образованные от имен нарицательных, в большинстве идиолектов получают аддитивную трактовку:

- (2) *d'irektâr-jos škola-je lâkt-i-zâ*
директор-PL школа-ILL прийти-PST-3PL
'Приехали несколько директоров / ??директор с семьей' /
*директор с подчиненными'.

Для ареально близкого татышлинскому говору татарского языка [Даниэль 2000: 56] и родственных марийских идиомов [Тужаров 1987: 28–29; Винклер, Кашкин (рук.)] характерна аналогичная дистрибуция ассоциативных форм.

В литературе упоминается возможность образования форм множественного числа с антиассоциативной семантикой в удмуртском языке [Тепляшина, Лыткин 1976: 142]. Согласно [Перевозицов и др. 1962: 76], они доступны для ограниченного класса топонимов. Было обнаружено, что в исследуемом говоре показатель числа в функции антиассоциатива продуктивнее: он маркирует любые «жилые» названия мест, ср. (3).

- (3) *ul-o pal-jos*
низ-ATTR половина-PL
'люди, живущие в нижнем краю деревни'

Кроме того, в татышлинском удмуртском зафиксированы элативные формы с нестандартным порядком падежного и числового показателей, конкурирующие с прототипическими антиассоциативами [Baidoullina 2003: 52], ср. (4).

- (4) *gur²-ž'os / gurt-is'-s'os už-ez ž'arat-o*
деревня-PL деревня-EL-PL работа-ACC любить-PRS.3PL
'Деревенские любят работу'.

По нашим данным, показатель числа, отсылающий к неэксплицированным референтам, допускается с генитивом, вторым гени-

тивом, инструменталисом, локативом, ср. (5), (6); в некоторых контекстах и с другими падежами.

- (5) *avtobus-ân'-n'os-tâ mašina-ân'-n'os or'č-i-zâ*
автобус-LOC-PL-ACC машина-LOC-PL обогнать-PST-3PL
'Люди, едущие в машине, обогнали людей, едущих в автобусе'.
- (6) *družba-jen'-n'os, ta pal-e lâkt-e*
«дружба»-INS-PL этот половина-ILL прийти-IMP.PL
'Ребята с бензопилами «Дружба», идите на эту сторону'.
- (7) *prazdn'ik-e todmotem gurt-jos-is'-s'os lâkt-i-zâ*
праздник-ILL незнакомый деревня-PL-EL-PL прийти-PST-3PL
'На праздник приехали люди из незнакомых деревень'.

Такая широкая дистрибуция числового показателя подробно не описана в литературе по удмуртскому языку и не зафиксирована в генетически / ареально близких горномарийском [Винклер, Кашкин (рук.)], татарском [Даниэль 2000: 115], башкирском [Псянчин 2000: 19] языках. В докладе мы предложим возможное объяснение наблюдаемому в более широкой перспективе (ср. в частности работы о множественном падежном маркировании [Некрасова 2018; Arkhangelskiy, Usacheva 2018]).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ATTR — атрибутивизатор; EL — элатив; ILL — иллатив; IMP — императив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; PRS — презенс; PST — прошедшее время.

Литература

- Винклер, Кашкин (рук.) — М. А. Винклер, Е. В. Кашкин. Субстантивное число // Материалы к коллективной монографии горномарийских экспедиций ОТиПЛа МГУ. М., рукопись.
- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000.
- Кузнецова 1998 — А. И. Кузнецова. Типология категории числа в уральских языках // А. С. Нариньяни (ред.). Труды Международного

- семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань: Хэтер, 1998. С. 340–347.
- Некрасова 2018 — Г. А. Некрасова. Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. LIV. № 4. С. 286–295.
- Перевощиков (отв. ред.) 1962 — П. Н. Перевощиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Псянчин 2000 — Ю. В. Псянчин. Стилистика словоизменительных категорий имени существительного современного башкирского литературного языка. Автореф. дисс. Доктора филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2000.
- Тепляшина, Лыткин 1976 — Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин. Пермские языки // В. И. Лыткин и др. (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 97–228.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2018 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Case compounding in Beserman Udmurt // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 111–138.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

References

- Arkhangelskiy, Usacheva 2018 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Case compounding in Beserman Udmurt. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 111–138.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.

- Corbett 2000 — G. G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Daniel 2000 — M. A. Daniel. *Tipologiya assotsiativnoy mnozhestvennosti* [Typology of associative plurality]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2000.
- Kuznetsova 1998 — A. I. Kuznetsova. Tipologiya kategorii chisla v ural'skikh yazykakh [Typology of the category of number in Uralic languages]. A. S. Narinyani (ed.). *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog'98 po kompyuternoy lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the international workshop Dialogue'98 computational linguistics and its applications]. Vol. 1. Kazan: Kheter, 1998. P. 340–347.
- Nekrasova 2018 — G. A. Nekrasova. Ellipticheskiye konstruksii i dvoynoye padezhnoye markirovaniye v udmurtskom yazyke [Elliptical constructions and double case-marking in Udmurt]. *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. LIV. No. 4. P. 286–295.
- Perevoshchikov (otv. red.) 1962 — P. N. Perevoshchikov (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of modern Udmurt: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.
- Psyanchin 2000 — Yu. V. Psyanchin. *Stilistika slovoizmenitelnykh kategoriy imeni sushchestvitelnogo sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Stylistics of the inflectional nominal categories of the modern literary Bashkir]. Author's abstract of doctoral thesis. Moscow: Institute for linguistics RAS, 2000.
- Teplyashina, Lytkin 1976 — T. I. Teplyashina, V. I. Lytkin. Permskiye yazyki [Permic languages]. V. I. Lytkin et al. (ed.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Mariyskiy, permskiye i ugarskiye yazyki* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. The Mari, Permic and Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1976. P. 97–228.
- Tuzharov 1987 — G. M. Tuzharov. *Grammaticheskkiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v mariyskom yazyke* [Grammatical categories of the noun in Mari]. Yoshkar Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1987.
- Vinkler, Kashkin ms. — M. A. Vinkler, E. V. Kashkin. Substantivnoye chislo [Nominal number]. *Materialy k kollektivnoy monografii gornomariyskikh ekspeditsiy OTiPLa MGU* [Materials for the collective monograph of Hill Mari field trips of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State University]. Moscow. Manuscript.

Ю. Н. Кузнецова

МГУ, Москва

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ V+GUO+LE В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Глагольный маркер *guo* и сентенциальная частица *le* отдельно неоднократно становились предметом изучения, однако их взаимодействие на семантическом уровне прежде не исследовалось.

Материал, использованный в исследовании, был получен из русско-китайского параллельного корпуса НКРЯ. Исследование проходило с привлечением информантов, которые приняли участие в нескольких опросах.

Изучение семантики комплексов V+*guo+le* осложняется расхождением исследователей во мнении о статусе глагольного суффикса *guo* в современном китайском языке. В литературе популярен взгляд на *guo* как на маркер экспериентива, ср. [Dahl 1985; Smith 1997; Дай 1997; Liu 2015]. Однако существуют и подходы, в рамках которых разграничивается несколько значений *guo* или даже несколько омонимичных *guo*, такой взгляд представлен в [Chao 1968/2011; Smith 1997; Xiao, McEnergy 2004].

В русско-китайском параллельном корпусе НКРЯ было обнаружено около 60 вхождений комплексов V+*guo+le*, в которых *guo* является аспектуальным маркером. Среди наиболее частотных оказались комплексы с лексемами *shuo* ‘говорить’, *kan* в значении ‘читать’, а также *qu* ‘уходить, уезжать’ и *lai* ‘приходить приехать’. Из корпуса были отобраны четыре предложения с интересующими нас комплексами, а также еще одно однофиллерное. Аспектуальные маркеры были удалены, и носителям было предложено заполнить пропуски при помощи *guo/guo+le/le/∅*. В результате для следующих предложений было получено явное предпочтение *guo+le* (13–14 ответов):

- (1) *Gei ta yi ben, ta fan-fan,*
 дать она один CLF она листать-листья
shuo zhe ben kan-guo-le.
 говорить этот CLF читать-GUO-COS
 ‘Дал ей одну, она полистала ее и сказала, что читала’.
- (2) *Za huan na qian, wo yijing shuo-guo-le,*
 как вернуть ты деньги я уже говорить-GUO-COS
jiu bu shuo le.
 тогда NEG говорить COS
 ‘Что касается возврата твоих денег, что я уже говорила, повторять не буду’.
- (3) *Ruguo ni shi hui henan zhao na erzi,*
 если ты PTCL вернуться Хэнань искать ты сын
wo quan ni jiu bie qu le,
 я советовать ты тогда PRON уезжать COS
women qu-guo-le, ni erzi bu zai henan.
 мы уходить-GUO-COS ты сын NEG в Хэнань
 ‘Если ты собираешься в Хэнань искать сына, то я советую тебе этого не делать, мы там были, твоего сына в Хэнань нет’.

В целом эти контексты кажутся довольно однородными. В них обнаруживаются характерные для экспериментивного *guo* элементы семантики, хорошо известные по литературе: разрыв с временем референции, отмеченный уже в [Chao 1968/2011], отсутствие результирующего состояния в момент референции [Дай 1997], динамичность, связанная с «экспериментивной сменой» ситуации [Xiao, McEnergy 2004: 148]. Однако встает вопрос, каков вклад *le* в семантику обсуждаемых комплексов, поскольку можно без труда обнаружить весьма близкие контексты, в которых *le* отсутствует.

Была выдвинута гипотеза, что предложения (1)–(3) отличаются таким семантическим элементом, как отсутствие необходимости повторного совершения действия. Для ее проверки предложения (1)–(3) были модифицированы таким образом, чтобы этот элемент семантики эксплицитно отрицался, и в таком виде они были предъявлены пяти носителям, которые не принимали участие в первом опросе. Ни одно из модифицированных предложе-

ний не было признано неграмматичным ни одним из участников опроса. Этот результат позволил предположить, что отсутствие необходимости повторного совершения действия принадлежит области прагматики.

Для проверки этой гипотезы из предложений (1)–(3), а также одного дополнительного была удалена часть, следующая за *V+guo+le*, и новым участникам было предложено продолжить их естественным, с их точки зрения, образом. Ответы позволяют принять гипотезу о прагматическом элементе. В [Li, Thompson 1989] предлагается анализ сентенциальной частицы *le* как маркера состояния, релевантного в момент референции. Таким образом, *le* актуализирует ситуацию, описанную глаголом с маркером *guo*, откуда логически следует отсутствие необходимости ее повторения.

Список условных сокращений

CLF — классификатор; COS — сентенциальная частица *le*; GUO — экспериментальный маркер; NEG — отрицательная частица; PRON — прохитив; PTCL — выделительная частица.

Литература

- Дай 1997 — Я. Дай. Сяньдай ханьюй шити ситун яньцзю (Исследование аспектуальной системы современного китайского языка). Ханчжоу: Чжэцзян цзяюйч убаньшэ, 1997.
- Chao 1968/2011 — Y. Chao. Grammar of spoken Chinese. Beijing: The Commercial Press, 2011. (Reprint of the 1968 edition.)
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Li, Thompson 1989 — C. N. Li, S. Thompson. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Liu 2015 — M. Liu. Tense and aspect in Mandarin Chinese // W. S.-Y. Wang, C. Sun. The Oxford handbook of Chinese linguistics. (Oxford handbooks in linguistics). Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. P. 274–289.

- Smith 1997 — C. S. Smith. *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997.
- Xiao, McEnergy 2004 — R. Xiao, T. McEnergy. *Aspect in Mandarin Chinese*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

References

- Chao 1968/2011 — Y. Chao. *Grammar of spoken Chinese*. Beijing: The Commercial Press, 2011. (Reprint of the 1968 edition.)
- Dai 1997 — Ya. Dai. *Xiàndài hànyǔ shíwǔ xītǒng yánjiū* [Study of the aspectual system of modern Chinese]. Hangzhou: Zhèjiāng jiàoyù chūbǎnshè, 1997.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Li, Thompson 1989 — C. N. Li, S. Thompson. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Liu 2015 — M. Liu. Tense and aspect in Mandarin Chinese // W. S.-Y. Wang, C. Sun. *The Oxford handbook of Chinese linguistics*. (Oxford handbooks in linguistics). Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. P. 274–289.
- Smith 1997 — C. S. Smith. *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997.
- Xiao, McEnergy 2004 — R. Xiao, T. McEnergy. *Aspect in Mandarin Chinese*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.

Т. А. Леонтьева

СПбГУ, Санкт-Петербург

**ТА И ТАДА: СЕМАНТИКА СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹**

В малокарачкинском говоре чувашского языка существуют два конкурирующих средства: клитика *ta* и союз *tada*, — которые употребляются в конструкциях со значением конъюнкции. Синтаксических ограничений на употребление обоих средств не существует²: они служат для соединения конъюнктов разных синтаксических категорий (Таблица 1). Однако разница в употреблении клитики *ta* и союза *tada* есть, и обусловлена она семантикой самих средств.

*Таблица 1. Распределение союза *tada* и клитики *ta* в зависимости от синтаксической категории конъюнктов*
*Table 1. Distribution of the conjunction *tada* and the clitic *ta* depending on the syntactic category of conjuncts*

S	VP	AP	PP	NP ³
<i>ta</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>	<i>ta</i>
<i>tada</i>	<i>tada</i>	<i>tada</i>	<i>tada</i>	<i>tada</i>

¹ Данные получены методом элицитации в ходе экспедиции НИУ ВШЭ в с. Малое Карачкино в июле 2021 г.

² Вопреки выводам, сделанным в более раннем исследовании, согласно которым союз *tada* не употребляется для сочинения клаузы.

³ Клауза — глагольная группа — группа прилагательного — предложная группа — именная группа.

Полученные в ходе экспедиции 2021 г. данные позволяют достаточно детально описать дистрибуцию рассматриваемых средств для событийного сочинения (*event-coordination* в понимании [Haspelmath 2007]) (в таблице выше выделено жирным).

Так, союз *tada* в чувашском языке ограничен двумя из трех конъюнктивных значений, которые могут иметь сочинительные конструкции в рассматриваемом языке: присоединительное значение (1) — в таких случаях второй конъюнкт возникает после первого или в процессе высказывания первого — и значение чистой конъюнкции (2). В обоих контекстах возможно также использование клитики *ta*.

- (1) *atʲo vʲird-at vʲirən ei-n-dze*
 папа лежать-NPST.3SG место верх-Р_3-LOC
vul-at tada ei-et
 читать-NPST.3SG и есть-NPST.3SG
 ‘Папа лежит на кровати, читает и кушает’.
- (2) ^{OK} *kaε-pa jep knege vul-a-p tada man*
 вечер-INS я книга читать-NPST-1SG и я.GEN
xər sotεinʹeni εir-at⁴
 девушка сочинение писать-NPST[3SG]
 ‘Вечером я читаю книгу, а дочка пишет сочинение’.

Еще одно значение, которого нет у конструкций с союзом *tada*, но которое возможно для сочинительных конструкций малокарачклинского говора чувашского языка, — причинно-следственное (3). Оно возникает в таких ситуациях, когда второй конъюнкт является нормальным следствием из ситуации, описанной в первом конъюнкте.

- (3) *vəl kil-tε-ε=de jep on-a*
 он идти-PST-3SG=и я он-OBJ
kor-z=er-d-εm
 видеть-CV_SIM=пустить-PST-1SG
 ‘Он пришел, и я его увидел’.

⁴ Более употребительным и чаще порождаемым в таких контекстах является соположение.

Такое значение характерно для второго из рассматриваемых средств — клитики *ta*.

Разница между конъюнктивными значениями наиболее ярко проявляется в одновременных контекстах: в (4) более естественным значением является причинно-следственное (4a), поэтому употребление союза *tada* возможно только при изменении значения: действия не должны быть взаимосвязаны (4b).

- (4) a. *petʲə sogan tur-at=ta magər-at*
 Петя лук резать-NPST[3SG]=ADD плакать-NPST[3SG]
 ‘Петя режет лук и плачет’ (плачет из-за того, что режет лук).
- b. ^{ok}*petʲə sogan tur-at tada magər-at*
 Петя лук резать-NPST[3SG] и плакать-NPST[3SG]
 {Петя очень расстроен и готовит еду} ‘Петя режет лук и плачет’.

Таким образом, дистрибуция союза *tada* и клитики *ta* отчасти определяется семантическими ограничениями, которые показаны в Таблице 2.

Таблица 2. Распределение союза *tada* и клитики *ta* в зависимости от значения сочинительной конструкции
 Table 2. Distribution of the conjunction *tada* and the clitic *ta* depending on the meaning of the coordinating construction

Значение	<i>tada</i>	<i>ta</i>
Чистая конъюнкция	ok	ok
Присоединительное	ok	ok
Причинно-следственное	*	ok

Такая дистрибуция не является типологически редкой. Например, похожее распределение описывается для русских союзов *и* и *а также* [Санников 2008]. Для других славянских языков [Леонтьева 2019] также существует тенденция к тому, что более редкое (чаще — более «тяжелое» средство) имеет более ограниченную семантику. Более подробное типологическое обсуждение полученных результатов будет представлено в докладе.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; CV_SIM — деепричастие одновременности; GEN — генитив; INS — инструментальный падеж; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; P — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Леонтьева 2019 — Т. А. Леонтьева. Сочинение в славянских языках. Выпускная квалификационная работа. СПб.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. *Coordination* // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 1–51.

References

- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. *Coordination*. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 1–51.
- Leontyeva 2019 — T. A. Leontyeva. *Sochineniye v slavyanskikh yazykakh* [Coordination in Slavic languages]. Graduation paper. Saint Petersburg: NRU HSE, 2019.
- Sannikov 2008 — V. Z. Sannikov. *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic sphere]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2008.

А. А. Мельник

МГУ, Москва

**ДЕРИВАТЫ С СУФФИКСОМ *-(i)s'k*
В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ:
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ
И АРГУМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ¹**

Исследование посвящено особенностям глагольного показателя *-(i)s'k* в татышлинском говоре периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка. Данные собраны методом анкетирования в Татышлинском р-не Республики Башкортостан в с. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы в 2021 г.

В [Поздеева 1975] рассматриваются рефлексивное, взаимно-возвратное и деобъективное значения суффикса *-(i)s'k*, а также объектный имперсонал (в терминологии [Плунгян 2011]). Согласно [Kozmács 2008], *-(i)s'k* участвует в образовании рефлексивных, неэргативных и неаккузативных глаголов, а также выступает как пассивизатор. В [Baidoullina 2003: 97] суффиксы *-s'k* и *-is'k* трактуются как показатели «возвратного» залога, которые также могут образовывать непереходные глаголы от переходных.

Нашей задачей было проверить, какие значения из зоны возвратных показателей покрываются суффиксом *-(i)s'k*, описать оформление актантов при глаголах с этим показателем, а также установить отличия татышлинского говора от литературного удмуртского.

Суффикс *-(i)s'k* в татышлинском удмуртском оказывается очень продуктивным, покрывая все значения по семантической карте [Haspelmith 2003].

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

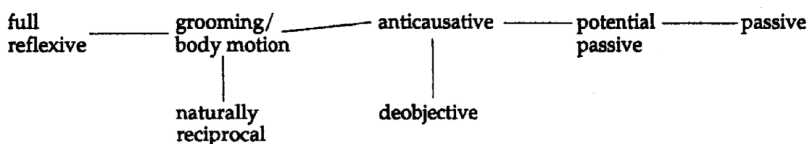

Рис. 1. Семантическая карта рефлексивных показателей

Figure 1. Semantic map of reflexive markers

Пассивное употребление суффикса отмечено в литературном удмуртском, см., например, [Gulyás, Speshilova 2014]. В указанной работе утверждается и то, что суффикс *-(i)s'k* может участвовать в преобразовании ленивого пассива, когда исходный агент понижается, но исходное прямое дополнение не повышается, а остается маркировано аккузативом:

- (1) *perepeč(-ez) ši-išk-i-z (anaj-en)*
 перепеча-ACC есть-DETR-PST-3SG мать-INS
 ‘Перепеча съедена (мамой)’. [Gulyás, Speshilova 2014: 68]

Наше исследование татышлинского удмуртского не подтверждает возможность ленивого пассива: если исходное прямое дополнение маркировано аккузативом, то возможна только переходная конструкция (2a); употребление глагола с детранзитивным суффиксом *-(i)s'k* блокирует аккузатив прямого объекта (2b):

- (2) a. *korka-jos-tâ žut-o*
 дом-PL-ACC поднять-PRS.3PL
 ‘Дома строят’.
- b. **korka-jos-tâ žut-is'k-o*
 дом-PL-ACC поднять-DETR-PRS.3PL
 Ожид. ‘Дома строятся’.
- c. *korka-jos žut-is'k-o*
 дом-PL поднять-DETR-PRS.3PL
 ‘Дома строятся’.

Из примера (1) видно, что агент при пассиве с суффиксом *-(i)s'k* оформляется инструменталисом, см. также [Кондратьева 2011: 128–129; Salo 2015: 49–50]. Так же может оформляться инструмент

при пассиве (3), (4). Полифункциональность инструментального показателя в пассивных конструкциях, не рассматриваемая специально в [Кондратьева 2011], будет подробнее обсуждаться в докладе:

- (3) *n'an' purt-en vand-is'k-e*
 хлеб нож-INS резать-DETR-PRS.3SG
 'Хлеб режется ножом'.
- (4) *busâ traktor-en gâr-is'k-e*
 поле трактор-INS пахать-DETR-PRS.3SG
 'Поле пашется трактором'.

Что касается маркирования эффектора при декаузативе, в [Tánczos 2015: 74] говорится, что его невозможно оформить инструменталисом. Согласно [Tánczos 2016: 3], эффектора можно оформить вторым генитивом (5a) или группой с послелогом *seren* 'из-за' (5b). Наше исследование татышлинского удмуртского, во-первых, опровергает невозможность инструментального маркирования эффектора, а во-вторых, обнаруживает ещё одну возможность — оформление этого участника элативом (5c):

- (5) a. *ös us't-is'k-i-z töl-les'*
 дверь открыть-DETR-PST-3SG ветер-GEN2
 'Дверь открылась от ветра'. [Tánczos 2016: 3]
- b. *vaza pil'is'k-i-z skvozn'ak seren*
 ваза колоть-DETR-PST-3SG сквозняк из-за
 'Ваза разбилась из-за ветра'. [Ibid.]
- c. *töl-en / töl-is' ös vorsa-s'k-i-z*
 ветер-INS / ветер-EL дверь закрыть-DETR-PST-3SG
 'Дверь закрылась от ветра'.

В докладе мы также коснемся конкуренции возвратного показателя *-(i)s'k* с показателем результата *-(e)mân* (6b), который рассматривается рядом авторов как пассивный показатель, см., например, [Asztalos 2010; Gulyás, Speshilova 2014]:

- (6) a. *pâž les't-is'k-i-z ataj-en*
 лодка делать-DETR-PST-3SG отец-INS
- b. *pâž les't-emân ataj-en*
 лодка делать-RES отец-INS
 'Лодка сделана отцом'.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккумулятив; DETR — детранзитив; EL — элатив; GEN2 — второй генитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RES — результатив; SG — единственное число.

Литература

- Кондратьева 2011 — Н. В. Кондратьева. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Поздеева 1975 — А. А. Поздеева. Значение и функции суффикса *-ськ-* и его вариантов в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. 1975. Вып. 3. С. 125–142.
- Asztalos 2010 — E. Asztalos. Transitive and intransitive passivization in Udmurt // S. Csúcs, N. Falk, V. Tóth, G. Zaicz (eds.). Congressus XI Internationalis Fennougristarum. Pars VI. Dissertationese symposiorum ad linguisticam. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011. P. 53–61.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Gulyás, Speshilova 2014 — N. F. Gulyás, Y. Speshilova. Impersonals and passives in contemporary Udmurt // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2014. Vol. 38. P. 59–91.
- Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language. Vol. 2. Mahwah: Erlbaum, 2003. P. 217–242.
- Kozmács 2008 — I. Kozmács. Az *-śk-* képző az udmurt (votják) igeképzés rendszerében. Nyitra: Konstrantin Filozófus Egyetem, Közép-európai Tanulmányok Kar, 2008.
- Salo 2015 — M. Salo. Passive and reflexive categories in languages of the Volga Region. An areal typological study. PhD thesis. Helsinki: The De-

- partment of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies, University of Helsinki, 2015.
- Tánczos 2015 — O. Tánczos. Causative construction and their syntactic analysis in the Udmurt language. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem Bölcsészeti és Társadalomtudományi Kar, 2015.
- Tánczos 2016 — O. Tánczos. Realizations of Voice in Udmurt: The case of the suffix *-s'k*. Handout of the paper presented at Uralic Syntax Days, Budapest, May 19–20, 2016. URL: http://www.nyud.hu/oszt/elmnyelv/urali/conf/tanczos_sk.pdf (дата обращения 10.10.2021).

References

- Asztalos 2010 — E. Asztalos. Transitive and intransitive passivization in Udmurt. S. Csúcs, N. Falk, V. Tóth, G. Zaicz (eds.). *Congressus XI Internationalis Fennougristarum. Pars VI. Dissertationese symposiorum ad linguistitcam*. Pilisecsaba: Reguly Társaság, 2011. P. 53–61.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.
- Gulyás, Speshilova 2014 — N. F. Gulyás, Y. Speshilova. Impersonals and passives in contemporary Udmurt. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2014. Vol. 38. P. 59–91.
- Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. Vol. 2. Mahwah: Erlbaum, 2003. P. 217–242.
- Kondrateva 2011 — N. V. Kondrateva. *Kategoriya padezha imeni sushchestvitelnogo v udmurtskom yazyke* [Category of nominal case in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet, 2011.
- Kozmács 2008 — I. Kozmács. *Az -s'k- képző az udmurt (votják) igeképzés rendszerében*. Nyitra: Konstrantin Filozófus Egyetem, Közép-európai Tanulmányok Kar, 2008.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskkiye znacheniya i grammaticheskkiye sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.

- Pozdeyeva 1975 — A. A. Pozdeyeva. *Znachenije i funktsii suffiksa -sk- i ego variantov v udmurtskom yazyke* [The meaning and functions of the suffix *-sk-* and its variants in Udmurt]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija*. 1975. Is. 3. P. 125–142.
- Salo 2015 — M. Salo. *Passive and reflexive categories in languages of the Volga Region. An areal typological study*. PhD thesis. Helsinki: The Department of Finnish, Finno-Ugrian and Scandinavian Studies, University of Helsinki, 2015.
- Tánczos 2015 — O. Tánczos. *Causative construction and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University – University of National Excellence Faculty of Humanities and Social Sciences, 2015.
- Tánczos 2016 — O. Tánczos. *Realizations of Voice in Udmurt: The case of the suffix -s'k*. Handout of the paper presented at Uralic Syntax Days, Budapest, May 19–20, 2016. Available at: http://www.nytud.hu/oszt/elmnyelv/urali/conf/tanczos_sk.pdf (accessed on 10.10.2021).

С. К. Михайлов
НИУ ВШЭ, Москва

КОГДА МОЖНО И КОГДА НУЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ СЕВЕРНОХАНТЫЙСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ТОПИКА?*

В севернохантыйском языке, как и во многих уральских языках [Кузнецова 2003; Nikolaeva 2003; Siegl 2015], посессивные показатели нередко используются в непрототипических для посессивности контекстах: когда нельзя ясно восстановить какое-то отношение между условным «посессором» и референтом именной группы (ИГ).

Так, показатель посессивности 2-го л. ед. ч. *-en* [POSS.2SG] используется с топикальными подлежащими, выраженными именами нарицательными¹. При этом нельзя утверждать, что существует какое-либо посессивное отношение, связывающее «посессора» (адресата) и референта ИГ (ср. севернохантыйскую и русскую глоссы в (1)).

- (1) *amp-#(en) ma pel-am-a xurət-ti*
пес-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NFIN.NPST
pit-əs
статья-PST[3SG]
{Мать рассказывает детям:} ‘{Дети, я сегодня так испугалась! Я шла по улице и увидела собаку.} Собака на меня залаяла’.

Комментарий консультанта к $-\emptyset$: «тогда это какая-то другая собака, непонятно какая».

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

¹ С личными местоимениями и именами собственными подобное употребление в общем случае недоступно.

Нетрудно продемонстрировать, что в таких случаях мы имеем дело с отдельным показателем, который по ряду семантически и морфосинтаксических свойств ведет себя иначе, чем собственно POSS.2SG. Например:

- показатель топика (TOP) не меняется на POSS.2NSG *-ən* в контекстах с множественным адресатом (1);
- TOP не допускает эксплицитного посессора: в (1) ИГ *пӓӓ атр-ən* [ты собака-POSS.2SG] ‘твоя собака’ неуместна, поскольку она может обладать только посессивной интерпретацией;
- и проч.

Если бы в случаях типа (1) употреблялся собственно POSS.2SG, показатель бы согласовался по числу с адресатом и допускал бы эксплицитного посессора.

Какими же свойствами обладает TOP?

Как уже было сказано выше, TOP употребляется с топикальными подлежащими ИГ (1) и (в простом случае) не употребляется при невыполнении одного из свойств². См. минимальную пару в (2), где TOP обязателен в ситуации топикальной больницы и недопустим в случае, если больница находится в фокусе. (Отмечу также, что неупотребление TOP несет импликацию неуникальности или неизвестности референта ИГ в случаях типа (1) и (2a).)

- (2) а. Контекст 1: ‘Больница стоит на въезде в село или в центре села?’

ро̀лница-#(en) woš о̀лаӓ-ən отəs-λ
 больница-POSS.2SG село начало-LOC сидеть-NPST[3SG]
 ‘Больница стоит на въезде в село’.

Контекст 2: ‘Что стоит на въезде в село?’

- б. *ро̀лница-#(en) отəs-λ*
 больница-POSS.2SG сидеть-NPST[3SG]
 ‘Больница (стоит)’.

² О связи позиции подлежащего с топикальностью в обско-угорских языках см. [Nikolaeva 2001; Kiss 2019]; примеры с топикальными неподлежащими будут рассмотрены в докладе.

Однако, по-видимому, это обобщение верно не для всех типов ИГ. Например, при наличии рестриктивных относительных придаточных TOP становится возможен и на ИГ в фокусе (3).

- (3) Контекст: Учителя с детьми готовят спектакль в школе. Только двум девочкам осталось дать роль. Учителя обсуждают: ‘Кто будет играть солнышко?’

jām pelək-ən oməs-ti ewij-en
хороший сторона-LOC сидеть-NPST.NFIN девочка-POSS.2SG
χātł im-ije at junt-λ
день женщина-DIM OPT играть-NPST[3SG]
‘Пусть солнышко играет девочка, сидящая справа’.

Тем самым очевидно, что TOP не является топикальным показателем в строгом смысле этого слова. Мы предполагаем, что принципиальным условием для употребления TOP является салиентность референта ИГ (в смысле [Barlew 2014], ср. активированность по [Gundel et al. 1993]³).

В (3) TOP возможен, поскольку референт ИГ салиентен (хотя и не топикален). Топикальные ИГ в общем случае тоже салиентны [Nikolaeva 2001]. Фокусные же ИГ, не считая особо контекстно обусловленных случаев типа (3), не являются салиентными.

В докладе мы более детально продемонстрируем ограниченность TOP топикальными подлежащими в простом случае и покажем, как из понятия салиентности следует доступность TOP в сложных случаях типа примера (3) и употреблений с указательными местоимениями.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; DIM — диминутив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; LOC — локатив; OPT — оптатив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TOP — показатель топика.

³Активированность по [Gundel et al. 1993] является более сильным требованием, чем идентифицируемость, которой в нормальном случае требует, например, английский определенный артикль *the*.

Литература

- Кузнецова 2003 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посесива в уральских языках // П. Суйконен, Б. Комри (сост., ред.) при содействии С. А. Максимова. Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 22–25 мая 2001. Ижевск: Удмуртский государственный университет; Лейпциг: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, 2003. С. 249–259.
- Barlew 2014 — J. Barlew. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-tè* in Bulu // *Semantics and Linguistic Theory*. 2014. Vol. 24. P. 619–639.
- Gundel et al. 1993 — J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // *Language*. 1993. No. 64. P. 274–307.
- Kiss 2019 — K. É. Kiss. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // J. Bayer, Y. Viesel (eds.). *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntax-to-Discourse Relation in Head-Final Languages”*. (Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, Arbeitspapier 130). Konstanz: Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, 2019. P. 163–173.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 1–49.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // П. Суйконен, Б. Комри (сост., ред.) при содействии С. А. Максимова. Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 22–25 мая 2001. Ижевск: Удмуртский государственный университет; Лейпциг: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, 2003. P. 130–145.
- Siegl 2015 — F. Siegl. The non-possessive use of *PX.2P* in Nganasan and Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. P. 67–100.

References

- Barlew 2014 — J. Barlew. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-tè* in Bulu. *Semantics and Linguistic Theory*. 2014. Vol. 24. P. 619–639.

- Gundel et al. 1993 — J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language*. 1993. No. 64. P. 274–307.
- Kiss 2019 — K. É. Kiss. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive. J. Bayer, Y. Viesel (eds.). *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntax-to-Discourse Relation in Head-Final Languages”*. (Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, Arbeitspapier 130). Konstanz: Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, 2019. P. 163–173.
- Kuznetsova 2003 — A. I. Kuznetsova. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deyticheskiye funktsii poses-siva v uralskikh yazykakh. P. Suihkonen, B. Comrie (comps.,eds.) with the assistance of S. A. Maksimov. *Mezhdunarodnyy simpozium po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Yevropy i Severnoy i Tsentralnoy Azii. Izhevsk, 22–25 maya 2001* [International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 22–25, 2001]. Izhevsk: Udmurt State University; Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, 2003. P. 249–259.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 1–49.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. P. Suihkonen, B. Comrie (comps.,eds.) with the assistance of S. A. Maksimov. *Mezhdunarodnyy simpozium po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Yevropy i Severnoy i Tsentralnoy Azii. Izhevsk, 22–25 maya 2001* [International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 22–25, 2001]. Izhevsk: Udmurt State University; Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, 2003. P. 130–145.
- Siegl 2015 — F. Siegl. The non-possessive use of PX.2P in Nganasan and Dolgan — a reappraisal. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2015. № 39. P. 67–100.

Д. Д. Мордашова

МГУ; ИЯз РАН, Москва

**ДЕБИТИВНО-ЭКВАТИВНЫЙ ТАНДЕМ,
ИЛИ ОБ ОДНОЙ МОДАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ
В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ¹**

Доклад посвящен семантическим свойствам конструкции *V-ono kad'*, представляющей собой сочетание глагола с суффиксом дебитива *-(o)no* и эквативным маркером *kad'*. Данные были собраны методом анкетирования в ходе полевой работы в 2021 г. в с. Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Нижнебалтачево и Новые Татышлы Татышлинского р-на респ. Башкортостан, где распространен татышлинский говор удмуртского языка.

Сама по себе дебитивная форма выражает ряд значений из сферы динамической необходимости (ср. терминологию [Nuys 2016]), субъект кодируется дативом:

- (1) *jâr vis'-e, mânâm pedlo pot-ono.*
голова болеть-PRS.3SG я.DAT во_двор выходить-DEB
'Голова болит, мне нужно выйти на улицу'.

В грамматиках эта форма определяется как причастие (см. [Baidoullina 2003] о татышлинском говоре, [ГСУЯ 1962; Алатырев 1983] о литературном удмуртском). Атрибутивное употребление дебитива возможно и в нашем идиоме:

- (2) *tân'i mis'k-ono derem.*
вот мыть-DEB рубашка
'Вот рубашка, которую нужно постирать'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Что касается конструкции с эквативным маркером, в [Яшина 1963: 18, 35] приводятся примеры ее употребления в литературном удмуртском в функции обстоятельства образа действия при глаголе или уточняющего определения при другом определении или обстоятельстве. Подобные употребления фиксируются и в татышлинском говоре:

- (3) *ton pogra-no kad' m̄-ško-d*
ты падать-DEB как идти-PRS-2SG
'Ты идешь шатаясь (букв. 'так, как будто должен упасть')'.
- (4) *kn'iga ki-je bas't-ono kad' č'eber kâl'l'-e*
книга рука-ILL братъ-DEB как красивый лежать-PRS.3SG
'Книга такая красивая, так и хочется взять в руки'.

В докладе мы сосредоточимся главным образом на употреблении этой конструкции, в которых у дебитива наблюдается семантический переход от модальности необходимости к возможности. Возможность может быть обусловлена свойствами внешнего мира или внутренними свойствами объекта. Так, согласно комментариям носителей, в (5) возможность игры в футбол определяется характеристиками места (таких, например, как удобный стадион или просторная ровная поляна), а в (6) подразумевается, что Вася уже пригоден для работы в силу возраста.

- (5) *tatân futbol-en šād-ono kad'*
здесь.LOC футбол-INS играть-DEB как
'Здесь можно поиграть в футбол'.
- (6) *vas'a uža-no kad'*
Вася работать-DEB как
'Вася уже может работать'.

С пациентивными предикатами отмечается интересный семантический эффект: конструкция *V-ono kad'* может иметь проспективную интерпретацию (7), которая, впрочем, блокируется при агентивном субъекте (8).

- (7) *avarija ber-ti kol'a kul-ono kad'*
авария зад-PROL Коля умирать-DEB как
'После аварии Коля при смерти'.

- (8) *#kol'a l̥kt-ono kad'*
 Коля приходить-DEB как
 Ожид.: *‘Коля вот-вот придет’.
 ‘Коля уже может прийти {в силу определенных обстоя-
 тельств}’. (Данное прочтение доступно не во всех идио-
 лектах.)

Наличие проспективной семантики подтверждается тестами, приведенными в [Козлов 2021]: в частности, конструкция несо-
 вместима с модификацией обстоятельством конкретного времени
 типа ‘завтра’ (9). Такие примеры тоже не могут быть проинтер-
 претированы в терминах возможности.

- (9) **šukaje pispu pogra-no kad'*
 завтра дерево падать-DEB как
 Букв. ‘Дерево вот-вот упадет завтра’.
 Ожид.: *‘Дерево может упасть завтра’.

Из приведенных примеров видно, что условием истинности
 пропозиции, содержащей конструкцию *V-ono kad'*, является на-
 личие определенного состояния субъекта или внешнего мира, ко-
 торое делает возможным осуществление *V*. Мы предполагаем,
 что в контекстах, где такое состояние может быть осмыслено как
 подготовительная фаза для *V*, может возникать проспективное
 прочтение. В докладе будут подробнее проанализированы сле-
 дующие свойства конструкции и их влияние на ее интерпрета-
 цию: грамматическое оформление участников (в частности, раз-
 личие между номинативным и дативным маркированием одного
 и того же участника), агентивность субъекта, семантический тип
 предиката, сочетаемость с граммемами времени, возможность
 употребления в составе условного предложения.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; DAT — датив; DEB — дебитив; ILL — иллатив; INS —
 инструменталис; LOC — локатив; PROL — пролатив; PRS — настоящее
 время; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев 1983 — В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Ижевск: Б. и., 1983.
- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевошиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Козлов 2021 — А. А. Козлов. К семантической типологии проспектива // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 28–52.
- Яшина 1963 — Р. И. Яшина. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Тарту: Университет Тарту, 2003.
- Nuyts 2016 — J. Nuyts. Analyses of the modal meanings // J. Nuyts, J. van der Auwera. (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 31–49.

References

- Alatyrev 1983 — V. I. Alatyrev. *Kratkiy grammaticheskiy ocherk udmurtskogo yazyka* [Grammatical sketch of the Udmurt language]. Izhevsk: S. n., 1983.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshli dialect of Udmurt: Phonology and morphology]. Master's thesis. Tartu: Tartu University, 2003.
- GSUYa 1962 — P. N. Perevoshchikov (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of modern Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.
- Kozlov 2021 — A. A. Kozlov. K semanticheskoy tipologii prospektiva [Towards semantic typology of prospective]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2021. No. 2. P. 28–52.
- Nuyts 2016 — J. Nuyts. Analyses of the modal meanings. J. Nuyts, J. van der Auwera. (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 31–49.
- Yashina 1963 — R. I. Yashina. *Sravnitelnyye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Comparative constructions in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1963.

Н. А. Муравьев
НИУ ВШЭ, Москва

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СУБЪЕКТ В КАЗЫМСКОМ ХАНТЫЙСКОМ?

Особенностью хантыйского языка, согласно [Nikolaeva 2001; Kiss 2019], является прямая взаимосвязь между синтаксическими позициями и информационной структурой. Субъекту соответствует основной топик высказывания, прямой объект может быть либо в фокусе, либо вторичным топиком. Если основным топиком является агенс, используется активный залог, в противном случае — пассив. Такая картина, однако, является явным упрощением, поскольку не учитывает ряда других морфосинтаксических параметров, в особенности референциального статуса и одушевленности участников. Цель исследования — проследить на полевом материале казымского диалекта хантыйского языка¹, как данные параметры между собой взаимодействуют и каков вклад каждого из параметров в выбор между активным и пассивным залогом.

Для анализа был выбран ряд существительных, соответствующих разным позициям в иерархии одушевленности: ‘мальчик’, ‘девочка’ (а также имена собственные), ‘собака’, ‘оса’, ‘ветер’ и ‘чашка’ и набор переходных глаголов, описывающих ситуации с их участием. Было выделено четыре дискурсивных типа контекста: **(а) оба новых участника**: *когда я вошел в комнату, X V Y*, **(б) оба данных участника**: *в комнате были X и Y, X V Y*, **(в) сохранение субъекта (топика)** $X V_1$, *затем X V_2 Y* и **(г) смена субъекта (топика)**: $X V_1$, *затем Y V_2 X*. В каждом контексте были рассмотрены все основные комбинации участников по одушевленности. Стимульные предложения переводились носителями

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири».

целиком, включая предтекст. Для контекста (а) специально уточнялось, что говорящий не знаком ни с одним из участников. В ходе анализа было установлено, что иерархия одушевленности наиболее последовательно соблюдается в контекстах типа (а), ср. невозможность осы в позиции субъекта глагола ‘укусить’ в (1) при более одушевленном мальчике.

- (1) *aj iki pos-ən tɔxəm-s-a* /
 мальчик оса-LOC кусать-PST-PASS[3SG] /
 **pos aj iki tɔxəm-əs*
 оса мальчик кусать-PST[3SG]
 {Когда я вошел в комнату} ‘Оса укусила мальчика’.

В контекстах типа (б) иерархия одушевленности размывается, и, в частности, ослабляется запрет на менее одушевленный субъект, ср. частичная приемлемость актива в (2).

- (2) *waša-jen ši pos-ən tɔxəm-s-a* /
 Вася-POSS.2SG DEM оса-LOC кусать-PST-PASS[3SG] /
 %*ši pos-en waša-jəl tɔxəm-s-əλλe*
 DEM оса-POSS.2SG Вася-POSS.3SG кусать-PST-3SG.SO
 {В комнате сидел Вася и летала оса} ‘Оса укусила Васю’.

Наконец, в контекстах типа (в) и (г) на первое место выходит синтаксическая позиция референта в предшествующем контексте, ср. в (3) оса как изначальный субъект сохраняет синтаксическую позицию, несмотря на меньшую одушевленность по сравнению с Васей; пассив становится невозможен.

- (3) *śáłta (pos-en) waša-jəl tɔxəm-s-əλλe* /
 потом оса-POSS.2SG Вася-POSS.3SG кусать-PST-3SG.SO /
 **śáłta waša-jen ši pos-ən tɔxəm-s-a*
 потом Вася-POSS.3SG DEM оса-LOC кусать-PST-PASS[3SG]
 {Оса летала-летала по комнате} ‘Потом (оса) укусила Васю’.

Таким образом, в основе выбора субъекта и залога в хантыйском лежит градация участников по одушевленности, которая корректируется в зависимости от референциального статуса и синтаксической позиции участников, что существенно отличается от традиционного анализа исключительно в информационно-

структурных терминах. В докладе мы подробнее остановимся на частных аспектах взаимодействия параметров и обсудим следствия полученных результатов для уралистики и морфосинтаксической типологии.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; DEM — демонстратив; LOC — локатив; PASS — пассив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SO — субъектно-объектное спряжение.

Литература

- Kiss 2019 — K. É. Kiss. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // J. Bayer, Y. Viesel (eds.). *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntax-to-Discourse Relation in Head-Final Languages”*. (Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, Arbeitspapier 130). Konstanz: Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, 2019. P. 163–173.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 1–50.

References

- Kiss 2019 — K. É. Kiss. Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive. J. Bayer, Y. Viesel (eds.). *Proceedings of the Workshop “Clause Typing and the Syntax-to-Discourse Relation in Head-Final Languages”*. (Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, Arbeitspapier 130). Konstanz: Fachbereich Linguistik der Universität Konstanz, 2019. P. 163–173.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. P. 1–50.

Т. А. Мухин, П. Л. Наследкова

НИУ ВШЭ, Москва

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В рутульском языке (< лезгинские < нахско-дагестанские) есть три базовых указательных местоимения, значения которых традиционно описываются так: *mi* ‘этот’, *ha* ‘тот’, *ti* ‘тот (далекий)’ [Alekseev 1994: 225; Махмудова 2002: 187; Ибрагимов 2004: 85].

Типологически системы с тремя демонстративами (ближним, медиальным и дальним) делятся на два типа: *моноцентричные* (или дистантно-ориентированные) и *полицентричные* (или лично-ориентированные) [Anderson, Keenan 1985: 282; Schulze 2008: 247]. Основным отличием двух типов систем является значение медиального демонстратива: в моноцентричных системах он используется при указании на объекты, которые находятся на некотором среднем расстоянии от говорящего, в то время как в полицентричных системах медиальный демонстратив определен относительного другого центра и используется для указания на объекты, которые находятся ближе к адресату, а не к говорящему.

В существующих описаниях рутульского языка система демонстративов описывается как полицентричная [Махмудова 2002: 187]. Цель нашего исследования — проверить экспериментально, является ли система демонстративов полицентричной в неопisanном кининском говоре рутульского языка (с. Кина, Рутульский р-н) и выделить другие критерии (такие как видимость объекта), которые могут влиять на употребление демонстративов.

Данные для этого исследования были собраны в рамках полевой работы в с. Кина Рутульского района Дагестана в июле 2021 г.

¹ Исследование подготовлено в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Исследование проводилось на основе анкеты [Wilkins 1999], собранной у семи носителей кининского рутульского разного возраста. Анкета представляет собой изображения 25 сцен с варьирующимся расположением говорящего, адресата и объекта, на который говорящему необходимо указать.

Собранные данные позволили доказать, что система демонстративов кининского рутульского действительно является полицентричной, поскольку медиальный демонстратив *ha* употребляется при обозначении близости объекта к адресату.

Другой важной особенностью медиального демонстратива *ha* является то, что он скорее используется в ситуациях, когда говорящий и адресат находятся на достаточном удалении друг от друга и не составляют единый дейктический центр. В ситуациях, когда объект находится ближе к адресату, но в то же время входит в зону досягаемости говорящего (говорящий показывает на часть тела адресата, который находится в нескольких шагах, ср. Рис. 1), скорее будет употреблен ближний демонстратив *mi*.

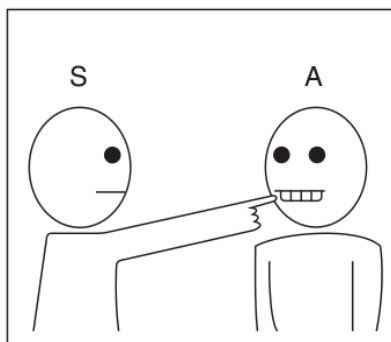

Рис. 1. [Wilkins 1999] Fig. 1. [Wilkins 1999]

Удалось определить примерное расстояние от дейктического центра до объекта, при котором употребляются ближний демонстратив *mi* и дальний *ti*. Условной границей является расстояние в несколько шагов от говорящего (и адресата): *mi* употребляется, когда объект находится ближе этой границы, тогда как *ti* используется для указания на объекты, находящиеся дальше нее.

Также удалось обнаружить различия в использовании демонстративов в зависимости от видимости/невидимости объекта для

говорящего/слушающего. К примеру, в ситуации, когда объект находится ближе к говорящему, а не к адресату, но невидим для первого (см. Рис. 2), возможно употребление медиального демонстратива *ha*.

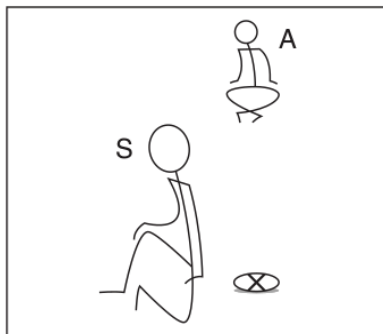

Рис. 2. [Wilkins 1999] Fig. 2. [Wilkins 1999]

Другим фактором, влияющим на выбор демонстратива, стало (не)нахождение говорящего и слушающего в одном помещении: в ситуациях, когда объект находится в одном пространстве с адресатом, но ближе к говорящему, который находится вне этого пространства (см. Рис. 3), употребляется медиальный демонстратив *ha* (реже *ti*), но не ближний демонстратив *mi*².

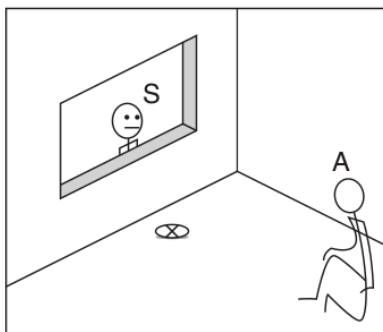

Рис. 3. [Wilkins 1999] Fig. 3. [Wilkins 1999]

² При этом объект видим и для говорящего, и для адресата.

Также были выявлены различия в употреблении демонстративов носителями, принадлежащими к разным поколениям: молодые носители, в отличие от пожилых, реже употребляют медиальный демонстратив *ha*.

Литература

- Ибрагимов 2004 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык. Махачкала: Б. и., 2004.
- Махмудова 2002 — С. М. Махмудова. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Дисс. ... доктора филол. наук. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2002.
- Alekseev 1994 — M. Alekseev. Rutul // R. Smeets (ed.). *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4: North East Caucasian languages. Part 2.* Delmar, NY: Caravan books, 1994. P. 213–258.
- Anderson, Keenan 1985 — S. Anderson, E. Keenan. Deixis // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 259–308.
- Schulze 2008 — W. Schulze. Deictic Strategies in Udi // М. Е. Алексеев (отв. ред.). *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. (Исследования и материалы по языкам Кавказа 1).* М.: Academia, 2008. P. 241–310.
- Wilkins 1999 — D. P. Wilkins. The 1999 demonstrative questionnaire: “This” and “that” in comparative perspective // D. P. Wilkins (ed.). *Manual for the 1999 field season.* Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1999. P. 1–24.

References

- Alekseev 1994 — M. Alekseev. Rutul. R. Smeets (ed.). *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4: North East Caucasian languages. Part 2.* Delmar, NY: Caravan books, 1994. P. 213–258.
- Anderson, Keenan 1985 — S. Anderson, E. Keenan. Deixis. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description.* Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 259–308.
- Ibragimov 2004 — G. Kh. Ibragimov. *Rutul'skiy yazyk* [Rutul]. Makhachkala: S. n., 2004.

- Makhmudova 2002 — S. M. Makhmudova. *Grammaticheskiye klassy slov i grammaticheskiye kategorii rutul'skogo yazyka* [Grammatical classes of words and grammatical categories of the Rutul language]. Doctoral thesis. Makhachkala: Dagestan State University, 2002.
- Schulze 2008 — W. Schulze. Deictic Strategies in Udi. M. Ye. Alekseev (ed.). *Udinskiy sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka* [The Udi collection: Grammar, lexis, history of language]. (Issledovaniya i materialy po yazykam Kavkaza 1). Moscow: Academia, 2008. P. 241–310.
- Wilkins 1999 — D. P. Wilkins. The 1999 demonstrative questionnaire: “This” and “that” in comparative perspective. D. P. Wilkins (ed.). *Manual for the 1999 field season*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1999. P. 1–24.

А. Д. Ногина
НИУ ВШЭ, Москва

ПРИЧАСТНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В БЫСТРИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА ¹

В эвенском языке основной стратегией релятивизации является, в терминах [Keenan, Comrie 1977], причастная, падежно-неориентированная стратегия. Согласно монографии А. Л. Мальчукова [Мальчуков 2008], посвященной описанию синтаксиса эвенского языка, она используется преимущественно для релятивизации аргументов (1)², тогда как релятивизация адьюнктов требует иных конструкций, к примеру, с употреблением указательных местоимений (2) [Там же: 215, 238].

- (1) *var'a bakərki-ni-n toqərən-dula tik*
Варя поскользнуться-PST-3SG лестница-LOC сейчас
*ilka-či-ča-la-ji*³
вымыть-RES-PTC.PST-LOC-POSS.REFL.SG
‘Варя поскользнулась на лестнице, которую только что помыла’.
- (2) *atəŋa teyenuk it-tə-n okat-u*
дедушка издалека видеть-NFUT-3SG река-ACC

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

² Все примеры, приведенные в тезисах, отражают быстринский диалект эвенского языка и были получены мной в ходе экспедиций путем элицитации при переводе русского или эвенского стимула.

³ Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в ходе полевой работы. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора.

i-le *kuŋa-l* *teamačə-d-də-Ø*
DEM.PROX-LOC ребенок-PL купаться-PROG-NFUT-3PL
 ‘Дедушка издалека видит реку, в которой купаются дети’.

В современном быстринском диалекте эвенского языка обнаруживается несколько отличная характеристика причастной стратегии. Так, она может использоваться и для релятивизации адъюнктов, при этом становясь падежно-ориентированной: причастие получает падежное маркирование, отражающее синтаксическую роль релятивизуемого имени в исходном предложении (3).

(3) *vas'a entil'-ni* *gele-d'ot-tə-Ø*
 Вася родители-POSS.3SG тосковать-FREQ-NFUT-3PL
twaja-m ***nulga-če-duk-ur***
 Тваян-ACC **кочевать-PTC.PST-ABL-POSS.REFL.PL**
n'unŋə-l-m'e-r *anŋan-u amu.ški*
 шесть-PL-десять-PL год-ACC назад
 ‘Родители Васи тоскуют по Тваяну, откуда переехали 60 лет назад’.

Более того, падежно-ориентированная стратегия распространяется и на случаи релятивизации аргументов. При элицитации многие носители в качестве первой реакции порождают причастные формы с нарушенным согласованием (4а), и лишь затем исправляют их на формы, согласующиеся с вершиной (4б), как ожидалось бы при стандартной релятивизации аргументов (1).

(4) a. *ŋal-gərə-li* *qobalanə-č otal'*
 бояться-НАВ.PST-IMP.2SG медведь-INS раньше
ič-ča-w-u *otaran-dula*
 видеть-PTC.PST-ACC-POSS.1SG дорога-LOC
 b. ... ***ič-ča-ča-w*** *otaran-dula*
 видеть-PTC.PST-INS-POSS.1SG дорога-LOC
 ‘Бойся медведя, которого я видела сегодня у дороги’.

На момент написания тезисов оставалось неясным, обусловлено ли подобное поведение причастий какими-то внутренними процессами эвенского языка, смещающими причастную страте-

гию релятивизации в сторону падежно-ориентированной, или же это происходит под влиянием русского⁴.

В полевых данных встречаются также отдельные конструкции, не встраивающиеся в вышеописанные стратегии релятивизации. Так, если вершиной причастной клаузы является имя в комитативе, на причастии возникает аккузатив (4), чье наличие ничем не обусловлено. Из примера (5) видно, что в исходном предложении релятивизируемое имя маркировано директивом, и при падежно-ориентированной стратегии на причастии был бы показатель именно директива, а не аккузатива.

- (4) *təra-mat-ŋa-nni* *vrač-gli* *r'ita*
 разговаривать-RCP-IMP.DIST-2SG врач-COM.VIT Рита
gən-ča-wa-n *niri-ji*
говорить-PTC.PST-ACC-POSS.3SG спина-POSS.REFL.SG
enši-wə-n
 больной-ACC-3SG
 'Поговори с врачом, которому Рита сказала про больную спину'.

- (5) *r'ita gə-ni-n* *vrač-teki* *niri-ji*
 Рита говорить-PST-3SG **врач-DIR** спина-POSS.REFL.SG
enši-wə-n
 больной-ACC-POSS.3SG
 'Рита сказала врачу о больной спине'

Интересно, что это не единственная конструкция, в которой появляется неожиданный маркер аккузатива. Аналогичное явление можно наблюдать в (6), где релятивизируется исходная позиция инструмента.

- (6) *əgdə-r-ri-n* *kalbə* *al'ek*
 рвать-INTR-PST-3SG ремень Олег
ən'a-ča-wa-n *oro-m* *turki-tki*
привязывать-PTC.PST-ACC-POSS.3SG олень-ACC нарта-DIR
 'Порвался ремень, которым Олег привязал оленя к нарте'.

⁴ Вывод о влиянии русского делает, к примеру, Л. М. Бродская, заведывавшая аналогичное поведение причастий в родственном эвенкийском языке [Бродская 1988: 53].

В докладе планируется подробно рассмотреть причастную стратегию релятивизации аргументов и адьюнктов, как падежно-ориентированную, так и падежно-неориентированную. Отдельное внимание будет уделено позиции релятивизируемого имени в иерархии доступности Кинэна-Комри [Keenan, Comrie 1977]. Также будет представлено обсуждение причин появления аккумулятива в конструкциях типа (4), (6).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккумулятив; COM — комитатив; DEM — демонстратив; DIR — директив; DIST — дистантный; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; HAB — хабицуалис; IMP — императив; INS — инструменталис; INTR — интранзитивизатор; LOC — локатив; NFUT — небудущее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PROG — прогрессив; PROX — ближайший; PST — прошедшее время; PTC — причастие; RCP — реципрок; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число; VIT — класс людей.

Литература

- Бродская 1988 — Л. М. Бродская. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.
Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic inquiry*. 1977. № 8. P. 63–99.

References

- Brodskaya 1988 — L. M. Brodskaya. *Slozhnopodchinennoye predlozheniye v evenkiyskom yazyke* [Complex sentence in Evenki]. Novosibirsk: Nauka, Sibir branch, 1988.
Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic inquiry*. 1977. No. 8. P. 63–99.
Malchukov 2008 — A. L. Malchukov. *Sintaksis evenskogo yazyka: strukturalnyye, semanticheskiye, kommunikativnyye aspekty* [Even syntax: Structural, semantic and communicative aspects]. St Petersburg: Nauka, 2008.

В. А. Поцелуев
НИУ ВШЭ, Москва

РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Настоящее исследование посвящено явлению реструктурирования в казымском диалекте хантыйского языка. Данные собраны в ходе экспедиций в с. Казым Белоярского р-на в 2019–2021 гг.

Реструктурирование — феномен, при котором внешне би-клаузальные конструкции допускают процессы, обычно происходящие в пределах одной клаузы [Grano 2015]. Для казымского диалекта хантыйского языка такими процессами могут считаться объектное согласование и пассив [Холодилова 2012; Поцелуев 2020] (далее я буду вслед за [Cinque 2004] называть их **эффектами прозрачности**).

Предлагаемая мной гипотеза состоит в том, что в хантыйском языке есть три класса матричных глаголов в зависимости от типа отношений с зависимой клаузой и ее размера².

Функциональные реструктурирующие глаголы (FRV) — глаголы, которые занимают позицию функциональной вершины с соответствующей семантикой, в следствие чего конструкции с такими глаголами остаются моноклаузальными и допускают как прозрачное согласование (1), так и длинный пассив (2).

- (1) *ma kińška-λ-am* *χǎńši* *pit-s-əlam*
я книга-PL-POSS.1PL писать.NFIN.NPST статья-PST-1SG>NSG
'Я начал писать свои книги'.

¹ В научной работе использованы результаты проекта «Интерфейсные феномены в грамматической архитектуре языков России: формальное описание», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

² Я рассматриваю только инфинитивные зависимые клаузы, субъект которых кореферентен субъекту матричной клаузы.

- (2) *χот-ət oməsti pit-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST стать-PST-PASS-3PL
 ‘Начали строить дома’.

Нереструктурирующие глаголы (NRV) и Лексические реструктурирующие глаголы (LRV) — глаголы, которые в сочетании с зависимой клаузой образуют биклаузальную структуру и не допускают прозрачного согласования (3) и длинного пассива (4) (примеры из [Поцелуев 2020]).

- (3) а. *%ma tām χот-ət oməs-ti χоś-s-əlam³*
 я этот дом-PL строить-NFIN.NPST уметь-PST-1SG>NSG
 ‘Я сумел построить эти дома’. LRV
- б. **ma tām əχəl werət-ti artas-s-em*
 я этот нарта делать-NFIN.NPST собираться-PST-1SG>SG
 Ожид.: ‘Я собирался сделать эту нарту’. NRV
- (4) а. **tām kiňška-jət λuηət-ti χоś-s-a-jət*
 этот книга-PL читать-NFIN.NPST уметь-PST-PASS-3PL
 Ожид.: ‘Эти книги сумели прочитать’. LRV
- (5) б. **χот-ət oməs-ti artas-s-a-jət*
 дом-PL строить-NFIN.NPST собираться-PST-PASS-3PL
 Ожид.: ‘Дома собирались построить’. NRV

LRV и NRV отличаются размером зависимой клаузы. Зависимая клауза NRV в отличие от зависимой клаузы LRV допускает независимую временную референцию, ср. (5а)–(5б) и частичный контроль, ср. (6а)–(6б). Следуя выводам [Wurmbrand 1998], я предполагаю, что зависимая клауза NRV больше или равна TP, а зависимая клауза LRV — это VP.

- (6) а. **was'a-jen χətewət lapka-ja mǎn-ti*
 В.-POSS.2SG завтра магазин-DAT идти-NFIN.NPST
pǎk-əs
 мочь-PST[3SG]
 Ожид.: ‘Вася мог (раньше) пойти завтра в магазин’. LRV

³ Примеры такого вида разрешает меньшинство носителей. Я предполагаю, что для таких носителей эти глаголы грамматикализуются и становятся структурно аналогичными FRV.

- b. *was'a-jen* *χǎlewət* *lapka-ja* *jǎŋχ-ti*
 B.-POSS.2SG завтра магазин-DAT идти-NFIN.NPST
artaś-əs
 собираться-PST[3SG]
 'Вася собирался пойти завтра в магазин'. NRV
- (7) a. **was'a-jen* *wet* *śos-ən* *wəjtan-ti*
 B.-POSS.2SG пять час-LOC встретиться-NFIN.NPST
χoš-λ
 уметь-NPST[3SG]
 Ожид.: 'Вася умеет встречаться в пять часов'. LRV
- b. *was'a-jen* *wet* *śos-ən* *wəjtan-ti*
 B.-POSS.2SG пять час-LOC встретиться-NFIN.NPST
artaś-əλ
 собираться-NPST[3SG]
 'Вася надеется встретиться в пять часов'. NRV

Все описанные выше данные суммируются в Таблице 1. Как видно из этой Таблицы, в хантыйском языке действительно есть три класса матричных глаголов в зависимости от их функции в клаузе (функциональные или лексические), а также от размера зависимой клаузы (TP или VP).

Таблица 1. Свойства зависимой клаузы
 в зависимости от матричного глагола

Table 1. Dependent clause properties depending on the matrix verb

	FRV	LRV	NRV
эффекты прозрачности	+	–	–
независимая временная референция	–	–	+
частичный контроль	–	–	+

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; LOC — локатив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; > — объектное спряжение.

Литература

- Поцелуев 2020 — В. А. Поцелуев. Явления союза клауз на материале казымского диалекта хантыйского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2020. Т. 3. Вып. 1. С. 114–130.
- Холодилова 2012 — М. А. Холодилова. Союз клауз в хантыйском языке (говор с. Теги) и некоторые более общие и более частные заметки по сентенциальным актантам в нем же. Отчет по результатам экспедиции. Неопубликованные материалы. 2012.
- Cinque 2004 — G. Cinque. Restructuring and functional structure // A. Belletti (comp.). *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*. Vol. 3. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 132–191.
- Grano 2015 — T. Grano. *Control and restructuring*. (Oxford studies in theoretical linguistics 56). Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Wurmbrand 1998 — S. Wurmbrand. *Infinitives*. PhD thesis. Cambridge: MIT, 1998.

References

- Cinque 2004 — G. Cinque. Restructuring and functional structure. A. Belletti (comp.). *Structures and beyond: The cartography of syntactic structures*. Vol. 3. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 132–191.
- Grano 2015 — T. Grano. *Control and restructuring*. (Oxford studies in theoretical linguistics 56). Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Kholodilova 2012 — M. A. Kholodilova. *Soyuz klauz v khantyyskom yazyke (govor s. Tegi) i nekotoryye boleye obshchiye i boleye chastnyye zametki po sententsialnym aktantam v nem zhe* [Clause union in the Khanty language (dialect of Tegi) and some more general and more specific notes on its complement clauses]. Report on the expedition results. Unpublished materials. 2012.
- Potseluev 2020 — V. A. Potseluev. Yavleniya soyuza klauz na materiale kazym-skogo dialekta khantyyskogo yazyka [Clause union in Kazym Khanty]. *Typology of morphosyntactic parameters*. 2020. Vol. 3. Is. 1. P. 114–130.
- Wurmbrand 1998 — S. Wurmbrand. *Infinitives*. PhD thesis. Cambridge: MIT, 1998.

Е. А. Ренковская

ИЯз РАН, Москва

**«ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН»:
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ГОНОРИФИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ**

В докладе¹ предполагается обсудить гипотезу о происхождении такого типологически широко распространенного явления, как гонорифическая множественность — использование форм множественного числа вместо единственного при вежливом обращении, а также при уважительном упоминании третьего лица. На данный момент наиболее подробно исследованы такие аспекты выражения гонорифической множественности, как употребление местоимения 2PL применительно к одному лицу (T/V-distinction [Brown, Gilman 1960; Agha 1994; Helmbrecht 2005 и др.]), а также различные типы согласования, при которых субъект выступает в единственном числе, а предикат (и, реже, зависимые ИГ субъекта) — во множественном [Comrie 1975; Corbett 2006, 2010; Houtzagers 2018 и др.].

В классической работе по теории вежливости [Brown, Levinson 1987: 198–200] осуществляется попытка проанализировать причины появления множественного числа в гонорифическом значении. Одной из возможных причин (наряду с избеганием прямого обращения к адресату — имперсонализации) называется следующая: в обществах, где социальный статус индивидуума изначально был непосредственно связан с его принадлежностью к социальной группе, обозначение человека как представителя группы апеллировало к его социальному положению и поддержке, которую он получает от нее. Рассматривая такую гипотезу с грамматической точки зрения, следует ожидать, что в основе гонорифической мно-

¹ Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00355 (2019–2021).

жественности лежит ассоциативная множественность. В пользу такого предположения говорят, в частности, следующие факты:

1) согласно [Даниэль 2000: 121–123], местоимения 2PL в языках мира в основном соотносятся именно с репрезентативной множественностью (в прототипическом коммуникативном акте два лица — говорящий и слушающий);

2) в ряде языков изначальный показатель ассоциативной множественности преобразовался в гонорифическую частицу / показатель (новоиндийские: зап. марвари, панджаби, диалекты лахнда, куллуи, бхадравахи; некоторые тюркские; отдельные дравидийские: тамильский, телугу и каннада; некоторые банту) (1), (2а–б)² [Ренковская 2021]. Данное явление ранее не исследовалось. В некоторых языках наблюдается совпадение согласовательных моделей у ассоциативных и гонорифических форм, см. рус. устар. *Барин приехали* и диалектное *Маша приехали* (= Маша с семьей) [Скитова 1989];

3) в ряде языков, которые различают род во множественном числе, согласование с «уважаемым» субъектом независимо от его рода происходит по дефолтной форме множественного числа, характерной для согласования с сочиненной группой, включающей участников разного рода, см. (1), (3):

(1) Марвари	
<i>buā bja</i>	<i>a-yara</i>
тетя HON=APL (< ‘другие’)	прийти-PFV.M.PL
‘Пришли тетя и ее семья’	/ ‘Пришла (уважаемая) тетя’
(2а) Турецкий	(2б) Узбекский [Türker 2019: 14]
<i>abla-m-lar</i>	<i>opa-m-lar</i>
сестра-1SG.POSS-APL	сестра-1SG.POSS-APL=HON
‘Моя сестра и ее родные’	‘Моя (уважаемая) сестра’

² Согласно [Görgülü 2011: 72–73; Türker 2019: 13–14], в турецком и узбекском языках следует выделять два омонимичных плюралных аффикса *-lar*: аддитивный и ассоциативный, поскольку они различаются порядком следования морфем: в аддитивном значении плюралный аффикс предшествует посессивному показателю, тогда как в ассоциативном значении — следует за ним.

- (3) Чешский [Bělič 1972: 205]
naší stařenka só hodňi
наш.М.РЛ бабушка быть.РР.3РЛ милый.М.РЛ
'Наша бабушка милая'.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; АРЛ — ассоциативная множественность; НОН — гоно-
рифическая частица; М — мужской род; РР — перфектив; РЛ — множе-
ственное число; РРР — показатель принадлежности; РР — настоящее
время.

Литература

- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000.
- Ренковская 2021 — Е. А. Ренковская. Потомки древнеиндийского *apara* в роли показателей ассоциативной множественности в новоиндийских языках: распространение и грамматическое развитие // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 80–96.
- Скитова 1989 — Ф. Л. Скитова. Об одной синтаксической особенности городского просторечия. (Конструкция типа *Мама приехали*) // Ф. Л. Скитова (гл. ред.). Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь: Издательство Пермского университета, 1989. С. 127–138.
- Agha 1994 — A. Agha. Honorification // Annual Review of Anthropology. 1994. № 23. P. 277–302.
- Brown, Gilman 1960 — R. Brown, A. Gilman. The pronouns of power and solidarity // T. A. Sebeok. Style in Language. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 253–276.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. C. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Bělič 1972 — J. Bělič. Nástin české dialektologie: Vysokošk. učebnice. Praha: SPN, t. Tisk 1, Brno, 1972.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite plurals and predicate agreement // Language. 1975. Vol. 51. No. 2. P. 406–418.
- Corbett 2006 — G. C. Corbett. Agreement. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

- Corbett 2010 — G. C. Corbett. Agreement in Slavic. SMG conference papers, 2010. URL: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/10corbett.original.pdf (дата обращения 11.10.2021).
- Görgülü 2011 — E. Görgülü. Plural marking in Turkish: Additive or associative? // Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. 2011. Vol. 21(1). P. 70–80.
- Helmbrecht 2005 — J. Helmbrecht. Politeness distinctions in pronouns // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 186–190.
- Houtzagers 2018 — P. Houtzagers. The honorific third person plural in Slavic // *Russian Linguistics*. 2018. Vol. 42. P. 1–26.
- Türker 2019 — L. Türker. Noun phrases in article-less languages: Uzbek and beyond. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

References

- Agha 1994 — A. Agha. Honorification. *Annual Review of Anthropology*. 1994. № 23. P. 277–302.
- Brown, Gilman 1960 — R. Brown, A. Gilman. The pronouns of power and solidarity. T. A. Sebeok. *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 253–276.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. C. Levinson. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Bělič 1972 — J. Bělič. *Nástin české dialektologie: Vysokošk. učebnice*. Praha: SPN, t. Tisk 1, Brno, 1972.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite plurals and predicate agreement. *Language*. 1975. Vol. 51. No. 2. P. 406–418.
- Corbett 2006 — G. C. Corbett. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Corbett 2010 — G. C. Corbett. Agreement in Slavic. *SMG conference papers, 2010*. Available at: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/10corbett.original.pdf (accessed on 11.10.2021).
- Daniel 2000 — M. A. Daniel. *Tipologiya assotsiativnoy mnozhestvennosti* [Typology of associative plurality]. PhD thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000.

- Görgülü 2011 — E. Görgülü. Plural marking in Turkish: Additive or associative?. *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*. 2011. Vol. 21(1). P. 70–80.
- Helmbrecht 2005 — J. Helmbrecht. Politeness distinctions in pronouns. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 186–190.
- Houtzagers 2018 — P. Houtzagers. The honorific third person plural in Slavic. *Russian Linguistics*. 2018. Vol. 42. P. 1–26.
- Renkovskaya 2021 — E. A. Renkovskaya. Potomki drevneindiyskogo *apara* v roli pokazatelye assotsiativnoy mnozhestvennosti v novoindiyskikh yazykakh: rasprostraneniye i grammaticheskoye razvitiye [Descendants of Old Indo-Aryan *apara* ‘other’ as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages: Distribution and grammatical development]. *Voprosy yazykoznaneya*. 2021. No. 2. P. 80–96.
- Skitova 1989 — F. L. Skitova. Ob odnoy sintaksicheskoy osobennosti gorodskogo prostorechiya. (Konstruktsiya tipa *Masha priekhali*) [On a certain syntactic feature of urban vernacular. (Constructions like *Masha priekhali*)]. F. L. Skitova (ed.). *Zhivoye slovo v russkoy rechi Prikamya* [A living word in the Russian speech of the Kama region]. Perm: Perm University Press, 1989. P. 127–138.
- Türker 2019 — L. Türker. *Noun phrases in article-less languages: Uzbek and beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.

П. О. Россяйкин, Д. М. Зеленский

МГУ, Москва

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ БЕЗ ЛИЦЕНЗОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема

Отрицательные местоимения на *ни-* в русском языке относятся к классу единиц с отрицательным согласованием / конкордом (negative concord items; NCI), которые лицензируются только отрицанием в той же финитной клаузе (2), см. [Brown 1999] среди прочих. В этой работе мы рассмотрим варианты анализа NCI с предложениями, грамматичных без выраженного лицензора (1).

- (1) а. *С чем вы обычно пьете чай? Я ни с чем или с маленьким десертом* [Polina Gagarina on Instagram (<https://www.instagram.com/p/CKQgowwHZ72/>)]
- б. *Отдать ни ради чего; просто так — пусть просто скажет спасибо* [НКРЯ; Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]
- в. *В очередной раз в прессе ни из чего раздули статью* [<https://tass.ru/politika/7570951>]

Принятая теория NCI

Мы используем анализ [Abels 2002, 2005; Giannakidou 2006; Bošković 2008; Paperno 2015], а точнее его недавнюю версию [Rossyaikin 2020], в которой NCI — семантически неотрицательные единицы, в которых показатель *н-* является согласовательным, а *и-* привносит универсальную квантификацию¹. NCI (а точнее *н-*) обладают неинтерпретируемым отрицательным признаком

¹ По соображениям краткости мы не приводим многочисленные аргументы в пользу этого анализа и отсылаем читателя к указанным работам.

[uNeg], который должен быть удален после согласования с интерпретируемым отрицанием [iNeg]. При этом используется стандартная операция (Downward) Agree, требующая, чтобы NCI (зонд) находился **над** отрицанием (целью) [Chomsky 2000, 2001; Bošković 2007]:

- (2) a. *Петя ничего*_[uNeg] [_{NegP} *не*_[iNeg] *сделал ~~ничего~~*]
 b. *Петя [ни с кем]*_[uNeg] [_{NegP} *не*_[iNeg] *разговаривает ~~ни с кем~~*]

NCI без лицензора

Как видно из (2b), этот анализ тривиальным образом распространяется на стандартные случаи, когда NCI с предлогом лицензируются клаузальным отрицанием. Примеры без лицензора типа (3) в [Fitzgibbons 2010] предлагается анализировать через «скрытое» (фонологически невыраженное) отрицание.

- (3) a. *Петя пришел ни с чем.*
 b. *Дорога вела из ниоткуда в никуда.* [Fitzgibbons 2010: 70]

Однако теория лицензирования NCI над отрицанием позволяет обойтись без этого допущения, которое не нужно и в других случаях [Rosasyaukin 2020: 141–142].

Случаи, когда NCI не разрывается предлогом (3b), мы предлагаем анализировать как лексикализацию NCI как существительных, не требующих лицензора. В пользу этого свидетельствует то, что в некоторых случаях такое сочетание предлога с *wh*-словом само по себе неграмматично (4a), NCI можно модифицировать прилагательным или местоимением (4b) и интерпретация таких предложений (4c).

- (4) a. **Из откуда вела дорога? *В куда вела дорога?*
 b. *Из черного ниоткуда появились факельщики.* [НКРЯ; Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]
 c. *Маша сделала салат из ничего.*
 *‘Нет такой вещи, из которой Маша сделала салат’.

Этот же анализ можно распространить на конструкции с разорванными NCI (1). С другой стороны, мы предполагаем, что (по крайней мере, диахронически) их можно анализировать компози-

ционально, дабы избежать постулирования массовой лексикализации.

Во всех случаях присутствует лицензирующее *не*, но оно удаляется по независимым фонологическим соображениям. В (5a) NCI *ничем* передвигается в позицию над отрицанием. Во избежание зависания предлога произносится нижняя копия *wh*-местоимения. Далее в результате синтаксической гаплогонии [Neeleman, van de Koot 2006; Hiraiwa 2010] удаляется *не*, что позволяет избежать неграмматичного сочетания *ни не*, ср. схожее явление в африкаанс [Biberauer 2007]. В (5b) в позицию над отрицанием передвигается составляющая *ни с чем*, отрицание удаляется во избежание запрещенного зависания. Наконец, в деривации (5c) происходит только гаплогония *ни не* → *ни*.

- (5) а. *ничем* [_{NegP} *не* [_{PP} с [*ни*-[*чем*]]]] → ~~*ничем*~~ *не* с ~~*ничем*~~ → *ни не* с *чем* → *ни* с *чем*
б. *не* [*ни* с *чем*] → [*ни* с *чем*] ~~*не*~~ ~~*ничем*~~ → *ни* с *чем* ~~*не*~~ → *ни* с *чем*
в. *ни не* с *чем* → *ни* с *чем*

Каждый из этих анализов композиционален и основан на независимых допущениях, однако для каждого из них есть проблемные данные, которые мы подробнее рассмотрим в докладе.

Литература

- Abels 2002 — K. Abels. Expletive (?) negation // J. Toman (ed.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second Ann Arbor Meeting 2001. (Michigan Slavic materials 47; Formal approaches to Slavic linguistics 10). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2002. P. 1–20.
- Abels 2005 — K. Abels. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // Journal of Slavic Linguistics. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 5–74.
- Biberauer 2007 — T. Biberauer. A closer look at Negative Concord in Afrikaans // Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 1–51.
- Bošković 2007 — Ž. Bošković. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory // Linguistic Inquiry. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 589–644.

- Bošković 2008 — Ž. Bošković. On two types of negative constituents and negative concord // F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 9–35.
- Brown 1999 — S. Brown. *The syntax of negation in Russian: A Minimalist approach*. Stanford: CSLI Publications, 1999.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. *Minimalist inquiries: The framework* // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). *Step by step: Essays on minimalism in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Chomsky 2001 — N. Chomsky. *Derivation by phase* // M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A life in language*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Fitzgibbons 2010 — N. Fitzgibbons. *Free-standing n-words in Russian: A syntactic account* // *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. Vol. 18. No. 1, 2010. P. 55–99.
- Giannakidou 2006 — A. Giannakidou. *N-words and negative concord* // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 327–391.
- Hiraiwa 2010 — K. Hiraiwa. *The Syntactic OCP* // Y. Otsu (ed.). *The proceedings of the Eleventh Tokyo Conference on Psycholinguistics*. Tokyo: Hituzi Shobo, 2010. P. 35–56.
- Neeleman, van de Koot 2006 — A. Neeleman, H. van de Koot. *Syntactic haplology* // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. Malden, MA: Blackwell, 2010. P. 685–710.
- Paperno 2015 — D. Paperno. *An Alternative semantics for Negative Conjunction in Russian* // M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 23: The first Berkeley meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015. P. 418–435.
- Rossyaykin 2020 — P. Rossyaykin. *Existential modals and negation in Russian: Evidence for universal functional hierarchy* // A. Van Alem, M. De Sisto, E. J. Kerr, J. Wall (eds.). *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2020. P. 136–155.

References

- Abels 2002 — K. Abels. *Expletive (?) negation*. J. Toman (ed.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second Ann*

- Arbor Meeting 2001*. (Michigan Slavic materials 47; Formal approaches to Slavic linguistics 10). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 202. P. 1–20.
- Abels 2005 — K. Abels. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. P. 5–74.
- Biberauer 2007 — T. Biberauer. A closer look at Negative Concord in Afrikaans. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 1–51.
- Bošković 2007 — Ž. Bošković. On the locality and motivation of move and agree: An even more Minimal Theory. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 589–644.
- Bošković 2008 — Ž. Bošković. On two types of negative constituents and negative concord. F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 9–35.
- Brown 1999 — S. Brown. *The syntax of negation in Russian: A Minimalist approach*. Stanford: CSLI Publications, 1999.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist inquiries: The framework. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). *Step by step: Essays on minimalism in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Chomsky 2001 — N. Chomsky. Derivation by phase. M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A life in language*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Fitzgibbons 2010 — N. Fitzgibbons. Free-standing n-Words in Russian: A Syntactic Account. *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. Vol. 18. No. 1, 2010. P. 55–99.
- Giannakidou 2006 — A. Giannakidou. N-words and negative concord. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 327–391.
- Hiraiwa 2010 — K. Hiraiwa. The Syntactic OCP. Y. Otsu (ed.). *The proceedings of the Eleventh Tokyo Conference on Psycholinguistics*. Tokyo: Hituzi Shobo, 2010. P. 35–56.
- Neeleman, van de Koot 2006 — A. Neeleman, H. van de Koot. Syntactic hapology. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Blackwell companion to syntax*. Malden, MA: Blackwell, 2010. P. 685–710.
- Paperno 2015 — D. Paperno. An Alternative semantics for negative conjunction in Russian. M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). *Formal*

Approaches to Slavic Linguistics 23: The first Berkeley meeting. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015. P. 418–435.

Rosyaykin 2020 — P. Rosyaykin. Existential modals and negation in Russian: Evidence for universal functional hierarchy. A. Van Alem, M. De Sisto, E. J. Kerr, J. Wall (eds.). *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe.* Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2020. P. 136–155.

А. А. Русских

НИУ ВШЭ, Москва; ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПРИИМЕННЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ¹

Доклад посвящен выражению приименной посессивности в урмийском новоарамейском. На основе данных, собранных в 2021 г. в с. Урмия (Краснодарский край), описываются возможные приименные посессивные конструкции и рассматриваются факторы, влияющие на выбор между ними.

Для семитских языков в целом и для урмийского новоарамейского в частности характерно маркирование посессивных отношений в том числе на вершине (в семитологической терминологии ‘статус’ или ‘состояние’). В рассматриваемом идиоме зависимое, выраженное существительным, не маркируется и всегда располагается справа от вершины, в то время как существительное в позиции вершины может быть оформлено тремя способами:

i. с помощью частицы *ət* (т. н. релятор), восходящей к показателю генитива *d* [Khan 2016: 534] и имеющий в настоящий момент также варианты *t* и *d*;

- (1) *báb=ət bráta*
отец(М)=REL девочка(Ф)
‘отец девочки’

ii. с помощью апокопы;

- (2) *bét +rábi*
дом(М) учитель(М)
‘дом учителя’

¹ Это исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

iii. с невыраженным показателем;

- (3) *isakyáyə dáva*
 кольцо(F).PL золото(M)
 ‘золотые кольца’

Конструкция с релятором (i) является основным способом выражения как прототипических значений посессивной зоны [Langacker 1993] — терминов родства (1), частей тела (4a), обладаемых объектов (4b), так и типологически периферийных — например, локативных (5a), временных отношения (5b), материала (5c).

- (4) a. *riš=ət yála súra*
 голова(M)=REL мальчик(M) маленький
 ‘голова ребенка’

- b. *bét=ət +rábi*
 дом(M)=REL учитель(M)
 ‘дом учителя’

- (5) a. *madrás=ət Úrmiya*
 школа(F)=REL Урмия
 ‘школа Урмии’

- b. *+zád=ət kúdmə*
 суп(F)=REL вчера(M)
 ‘вчерашний суп’

- c. *isákt=ət dáva*
 кольцо(F)=REL золото(M)
 ‘золотое кольцо’

В [Gutman 2018: 191] вслед за [Khan 2008: 175] новоарамейские конструкции с вершиной, оформленной с помощью апокопы (ii), рассматриваются как свободно чередующиеся с конструкциями с релятором *ət* (i). Важно отметить, что на месте вершины с апокопой не может появляться вершина с невыраженным показателем (iii), однако может появляться вершина с частицей *ət* (iii):

- (6) *bét / bét=ət / *béta késa*
 дом(M) дом(M)=REL дом(M) дерево(M)
 ‘деревянный дом’

В связи с тем, что во всех случаях на месте вершины с апокопой возможна и вершина с релятором, в [Khan 2016: 542] предлагается рассматривать такие конструкции как содержащие частицу *ət* на более глубоком уровне. В урмийском новоарамейском конструкции с вершиной, оформленной с помощью апокопы, встречаются с ограниченным набором лексем, преимущественно с терминами родства и объектами, часто выступающими в роли обладаемых, как, например, ‘дом’.

Появление посессивной конструкции с невыраженным посессивным показателем (iii) возникает только в особом фонетическом контексте: фонетический комплекс на стыке между вершиной и зависимым должен быть близким или идентичным релятору *ət*. Так, в (7) показано, что невыраженный показатель после существительного во множественном числе на *-ə* приемлем для большего числа носителей перед словом, начинающимся со звука *d* — *dava* ‘золото’, чем со звука *s* — *síma* ‘серебро’.

- (7) a. *isakyáyə* / *isakyáy=ət* *dáva*
 кольцо(F).PL кольцо(F).PL=REL золото(M)
 ‘золотые кольца’
 b. ^{??}*isakyáyə* / *isakyáy=ət* *síma*
 кольцо(F).PL кольцо(F).PL=REL серебро(M)
 ‘серебряные кольца’

При этом полное совпадение фонетического комплекса на конце слова, выражающего вершину, с частицей *ət* приводит к запрету выражения релятора, даже если он возможен при таких же семантических отношениях в других примерах, ср. (8) и (9).

- (8) *šábbət* / **šábbət=ət* *ášur*
 укроп(F) укроп(F)=REL Ашур
 ‘укроп Ашура’
 (9) *gáll=ət* / **gálla* *ášur*
 трава(M)=REL трава(M) Ашур
 ‘зелень Ашура’

Появление вершины с невыраженным показателем и запрет на него в фонетических контекстах, идентичных фонетическому

комплексу релятора, впервые отмечается для урмийского новоарамейского. В докладе будут проведены параллели между вершиной с невыраженным посессивным показателем и другими невыраженными показателями в урмийском новоарамейском, а также будет рассмотрено влияние фонетического окружения на выбор между разными вариантами релятора – *ət*, *t* и *d*.

Список условных сокращений

F — женский род; M — мужской род; PL — множественное число; REL — релятор.

Литература

- Gutman 2018 — A. Gutman. *Attributive constructions in North-Eastern Neo-Aramaic*. (Studies in diversity linguistics 15). Berlin: Language Science Press, 2018.
- Khan 2008 — G. Khan. *The Jewish Neo-Aramaic dialect of Urmi*. (Gorgias Neo-Aramaic Studies 2). Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2008.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Langacker 1993 — R. Langacker. Reference-point constructions // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4. P. 1–38.

References

- Gutman 2018 — A. Gutman. *Attributive constructions in North-Eastern Neo-Aramaic*. (Studies in diversity linguistics 15). Berlin: Language Science Press, 2018.
- Khan 2008 — G. Khan. *The Jewish Neo-Aramaic dialect of Urmi*. (Gorgias Neo-Aramaic Studies 2). Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2008.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. (Studies in Semitic languages and linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Langacker 1993 — R. Langacker. Reference-point constructions. *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4. P. 1–38.

А. А. Русских, А. А. Цызова, М. С. Свистунов

НИУ ВШЭ, Москва / НИУ ВШЭ Москва /

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
АДДИТИВНОЙ ЧАСТИЦЫ *ta* В РАЗНЫХ ФУНКЦИЯХ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹**

В настоящем докладе рассматривается взаимосвязь между значением аддитивной частицы *ta* и ее фонетическими свойствами в малокарачкинском говоре чувашского языка. Разница в стратегиях ударения и наличии / отсутствии паузы между аддитивной клитикой и предшествующим словом анализируется как различная степень ее грамматикализации, зависящая от выполняемой функции. Подробное обсуждение функций аддитивной частицы в малокарачкинском говоре чувашского языка представлено в [Русских 2020]. Данные для исследования были собраны в ходе экспедиции в с. Малое Карачкино в 2021 г.

Согласно правилам чувашского языка, ударение в слове должно падать на самый правый полный гласный или на первый краткий, если в слове нет полных гласных. В [Павлов (отв. ред.) 1957: 325] чувашский союз *ta* описывается как энклитика, которая не может принимать на себя ударение и образует одно фонетическое целое с предшествующим словом. Однако в малокарачкинском говоре чувашского языка носители допускают постановку ударения на предшествующее частице слово *ate'a=da* [ребенок=ADD], на саму клитику *ate'a=da'* [ребенок=ADD] и в некоторых случаях на слово и аддитивную частицу одновременно — *ate'a' // da'* [ребенок // ADD].

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-312-70009.

В настоящем исследовании взаимосвязь ударения в фонетическом слове с аддитивной частицей и выполняемой ей функцией проверялась с помощью опроса носителей и фонетического эксперимента. Опрос носителей позволяет сделать вывод о том, что выбор между перечисленными выше положениями ударения зависит от функции аддитивной частицы, см. Таблицу 1. Первая группа функций допускает ударение либо на корне, либо на аддитивной частице (1), вторая группа — только на частице (2), в третьей группе ударение располагается только на корне (3a) или на корне и аддитивной частице (3b).

- (1) АДДИТИВНОСТЬ
^{OK} *ateə=da'* / ^{OK} *ateə'=da* *gi-ze*
 ребенок=ADD ребенок=ADD прийти-CV_SIM
 {Папа с мамой пришли.} 'Ребенок тоже пришел'.
- (2) СКАЛЯРНАЯ АДДИТИВНОСТЬ
^{OK} *toda=da'* / **toda'=da* *siε-sa* *lar-tε-ə*
 губа=ADD губа=ADD пухнуть-CV_SIM садиться-PST-3SG
 {Пчела ужалила.} 'Даже губы опухли'.
- (3) СОЧИНЕНИЕ
 a. *ol'ə* ^{OK} *xitre'=de* / **xitre=de'* *əslə*
 Оля красивая=ADD красивая=ADD умный
xěr *ateə*
 девушка ребенок
 'Оля красивая и умная девочка'.
- b. *ol'ə* *xitre'* // *de'* *əslə* *xěr* *ateə*
 Оля красивая ADD умный девушка ребенок
 'Оля красивая и умная девочка'.

Обобщения, представленные в Таблице 1, были проверены с помощью фонетического эксперимента. От каждой из групп 1–3 была выбрана одна функция: аддитивность, скалярная аддитивность и сочинение составляющих. Выбранные функции сравнивались между собой по длительности двух последних гласных и их качеству (главным образом по подъёму, за который отвечает первая форманта F1). В качестве контрольной группы использовались слова, заканчивающиеся на *-da* и не содержащие аддитив-

ную частицу, такие как *cabada* ‘лапоть’. Фонетический эксперимент показал разницу в фонетических свойствах аддитивной частицы в различных функциях, а также позволил выделить сочинение как единственную функцию, допускающую паузацию между аддитивной частицей и предшествующим словом.

Таблица 1. Распределение стратегий ударения с аддитивной частицей
 Table 1. Distribution of stress strategies in combinations with additive particle

Функция	Группа	Ударение		
		На корне	На частице	На корне и на частице
Аддитивность	Группа 1	+	+	–
Уступительность				
Универсальные кванторы (неконтактное следование частицы)				
Числительные со значением полного охвата				
Неопределенные местоимения	Группа 2	–	+	–
Скалярная аддитивность				
Миративность				
Универсальные кванторы (контактное следование частицы)				
Сочинение	Группа 3	+	–	+

Проведенное исследование, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, что фонетические свойства аддитивной частицы зависят от ее значения, а с другой стороны, дает возможность предположить, что эти фонетические различия — способность клитики нести самостоятельное ударение и наличие/отсутствие паузации — указывают на разную степень клитикализации *ta* в разных функциях.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADD — аддитивная частица; CV_SIM — деепричастие одновременности; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.), Н. А. Андреев, Н. С. Павлов (ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957.
- Русских 2020 — А. А. Русских. Чувашская аддитивная частица *ta* в ареально-типологической перспективе. Курсовая работа. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

References

- Pavlov (ed.-in-chief) 1957 — I. P. Pavlov (ed.-in-chief), N. A. Andreyev, N. S. Pavlov (eds.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Materials on the grammar of modern Chuvash]. Part 1: *Morfologiya* [Morphology]. Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1957.
- Russkikh 2020 — A. A. Russkikh. *Chuvashskaya additivnaya chastitsa ta v arealno-tipologicheskoy perspektive* [Chuvash additive particle *ta* in areal-typological perspective]. Term paper. Moscow: NRU HSE, 2020.

Ю. В. Сеницына

МГУ, Москва

ЭКВАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ СТАНДАРТА В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ: МОРФОСИНТАКСИС И СЕМАНТИКА¹

Объектом исследования, выполненного на материале татышлинского говора удмуртского языка, являются маркеры стандарта сравнения в эквативных конструкциях *kad'* 'как' и *s'äjin* 'по'. Материал собран в ходе экспедиции Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова в 2021 г. в Татышлинском р-не Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы и др.) методом анкетирования.

Эквативные конструкции предполагают сравнение двух объектов (эталона и стандарта) с одинаковой степенью проявления признака: *я (эталон) такой же высокий (параметр), как ты (стандарт)*. В известной нам типологической литературе, посвященной эквативным конструкциям [Haspelmath, Buchholz 1998; Henkelmann 2006; Fortescue 2010; Treis, Vanhove (eds.) 2017], данные удмуртского языка не встречаются. Грамматики литературного удмуртского языка кратко упоминают анализируемые маркеры, см., например, [ГСУЯ 1970: 182–183]. Удмуртские эквативные конструкции рассмотрены в [Яшина 1963]. Наше исследование опирается на такие типологические параметры, как семантика параметра сравнения, иерархия синтаксических позиций и иерархия одушевленности, не проанализированные системно в работах предшественников.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

С точки зрения семантики, *kad'* имеет более широкую сферу употребления, являясь одинаково грамматичным как в конструкциях, где параметром сравнения является признак, так и в конструкциях, где сравнивается образ действия. Напротив, не все опрошенные носители допускают маркер *s'äjın* в конструкциях первого типа, ср. (1)–(2):

- (1) *mon pet'a kad' / 's'äjın d'užât.*
 я Петя как по высокий
 'Я такой же высокий, как Петя'.
- (2) *mon pet'a kad' / s'äjın každoj šukna biz'â-l-is'ko-∅.*
 я Петя как по каждый утро бежать-ITER-PRS-1SG
 'Я бегаю каждое утро, как Петя'.

С точки зрения морфосинтаксиса, мы прежде всего рассмотрим способность маркеров употребляться со стандартами в зависимости от синтаксической позиции связанного с ними эталона сравнения. За основу мы возьмем иерархию доступности именных групп [Comrie, Keenan 1979]. Мы основывались на предположении о том, что синтаксическая позиция эталона сравнения может влиять на выбор маркера стандарта сравнения, ср. [Холодилова 2015] о компаративных конструкциях в мокшанском и бесермянском удмуртском.

В исследуемом говоре все позиции в иерархии оказались доступными и для маркера *kad'*, и для маркера *s'äjın*, см., например, позицию косвенного дополнения (3). При этом важно сохранение маркирования стандарта тем же падежом или послелогом, что и эталона сравнения. Если стандарт сравнения не маркирован и группа стандарта с маркером *kad'* находится в препозиции к эталону сравнения, то вся конструкция приобретает атрибутивную интерпретацию 'похожий на N' (4). Напротив, конструкции с маркером *s'äjın* имеют только обстоятельственную интерпретацию и могут быть только адьюнктом к глагольной группе.

- (3) *mon gorod-e kad' / gorod-e s'äjın gurt-e*
 я город-ILL как город-ILL по деревня-ILL
mân-i-∅.
 ийти-PST-1SG
 'Я поехала в деревню так, как в город'.

- (4) *mon gorod kad' gurt-e mân-i-∅.*
я город как деревня-ILL идти-PST-1SG
'Я поехала в деревню, похожую на город'.

Кроме того, мы обсудим конструкции вида N *kad'-jos* (как-PL), см. (5). Они также упоминаются в [Яшина 1963: 47–49; ГСУЯ 1970: 88–89], однако не сформулировано четких критериев грамматичности подобного сочетания. Взяв за основу иерархию одушевленности², мы выяснили, что в данном случае зависимым *kad'* не может быть неодушевленное имя (6). Также в докладе будет подробнее рассмотрен вопрос о грамматичности конструкции с единственным числом маркера (N *kad'*).

- (5) *mânâm pet'a kad'-jos kule.*
я.DAT Петя как-PL нужно
'Мне нужны такие же, как Петя'.
- (6) **mânâm ta kn'iga kad'-jos kule.*
я.DAT этот книга как-PL нужно
Ожид.: 'Мне нужны такие же, как эта книга'.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; DAT — датив; ILL — иллатив; ITER — итератив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

ГСУЯ 1970 — В. И. Алатырев (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970.
Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. Доклад, прочитанный на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 15–16 октября 2015 г.

² 1st person > 2nd person > 3rd person > proper name > humans > non-human animates > inanimate [Silverstein 1976: 122]

- Яшина 1963 — Р. И. Яшина. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963.
- Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun Phrase accessibility revisited // *Language*. 1979. Vol. 55. P. 649–664.
- Fortesque 2010 — M. Fortescue. Similitude: A conceptual category // *Acta Linguistica Hafniensia*. 2010. Vol. 42. № 2. P. 117–142.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical approaches to language typology 20–3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.
- Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. № 4. P. 370–398.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
- Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.) *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017.

References

- Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun Phrase accessibility revisited. *Language*. 1979. Vol. 55. P. 649–664.
- Fortesque 2010 — M. Fortescue. Similitude: A conceptual category. *Acta Linguistica Hafniensia*. 2010. Vol. 42. No. 2. P. 117–142.
- GSUYa 1970 — V. I. Alatyrev (ed.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya* [Grammar of modern Udmurt. Syntax of simple sentence]. Izhevsk: Udmurtiya, 1970.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical approaches to language typology 20–3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.
- Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 370–398.
- Kholodilova 2015 — M. A. Kholodilova. *Sravnitelnyye konstruksii i iyerarkhiya dostupnosti imennykh grupp v besermyanskom udmurtskom i mok-*

- shanskom* [Comparative constructions and noun phrase accessibility hierarchy in Besermyan Udmurt and Moksha]. Paper presented at the conference “Uralic languages: Synchrony and diachrony”, Institute for Linguistic Studies RAS, Saint Petersburg, October 15–16, 2015.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity. R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.
- Treis, Vanhove (eds.) 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.) *Similative and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017.
- Yashina 1963 — R. I. Yashina. *Sravnitelnyye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Comparative constructions in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1963.

А. М. Старченко
НИУ ВШЭ, Москва

**В ИМЯ ИЛИ В ГЛАГОЛ:
ИНКОРПОРАЦИЯ В НОМИНАЛИЗАЦИЮ
В АМГУЭМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА¹**

В настоящем исследовании рассматривается статус инкорпорации в номинализацию в амгуэмском диалекте чукотского языка. Материал для исследования получен в результате полевой работы автора в с. Амгуэма Чукотского автономного округа в 2018–2021 гг.

Основной способ выразить прямое дополнение номинализации (1) или единственный аргумент номинализации от неаккузативного глагола (2) в чукотском — инкорпорация.

(1) *yəm-nan tə-lʔu-rkən atʔ-en*
я-ERG 1SG.S/A-видеть-IPFV мать-GEN
awerʔə-nne-yəryə-n
одежда-шить-NMLZ-ABS.SG
‘Я вижу, как мать шьет одежду’.

(2) *tə-ntəjaatə-n*
1SG.S/A-забывать-3SG.O
ratam-were-yəryə-n
покрышка_для_яранги-сползать-NMLZ-ABS.SG
‘Я забыл, что сползла покрышки для яранги’.

Сходным образом функционирует инкорпорация в глагол: инкорпоративный слот в нем занимает наиболее затронутый участник [Vinuyag 2021: 72], т. е. в большинстве простых случаев, подлежащее неаккузативного глагола или дополнение.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

- (3) *ereqej* *ənn-əpat-γʔ-e*
бабушка[ABS.SG] [2/3.S/A]рыба-варить-ТН-2/3SG.S
'Бабушка сварила рыбу'. [Vinuar 2021: 59]

С другой стороны, номинализации с инкорпорацией демонстрируют ряд отличий в поведении от глагольных инкорпоративных комплексов. При простой инкорпорации дополнения в переходный глагол клауза становится непереходной: А-участник получает абсолютное маркирование, глагол имеет субъектное согласование (3), а эргативное маркирование А-участника невозможно (4а). При номинализации, напротив, А-участник может выражаться соответствующей формой.

- (4) а. **ətʔa-ta* *ənn-əpat-γʔ-e*
мать-ERG [2/3.S/A]рыба-варить-ТН-2/3SG.S
'Мать варит рыбу'.
- б. *ʔətm-nan n-ine-ʔu-juəm* *ətʔa-ta*
я-ERG ST-INV-видеть-NP.1SG мать-ERG/INS²
ənn-əpat-γəγə-n
рыба-варить-NMLZ-ABS.SG
'Я вижу, как мама варит рыбу'.

Инкорпорация в глагол может сопровождаться подъемом косвенного дополнения или посессора в позицию прямого дополнения (5а), что невозможно при инкорпорации в номинализацию (5б).

- (5) а. *ətʔa-ta ekək*
мать-ERG сын[ABS.SG]
ənn-əpan-ne-n
[2/3.S/A]рыба-варить-3SG.A.3.O-3SG.O
'Мама варит рыбу для сына'.
- б. **ʔətm-nan n-ine-ʔu-juəm* *ətʔa-ta*
я-ERG ST-INV-видеть-NP.1SG мать-ERG/INS

² Заметим, что показатель эргатива в чукотском совпадает с маркером инструменталиса, выбор одного из этих лейблов для А-участника при номинализации требует отдельного обсуждения.

ekək *ənn-əpat-γəryə-n*
 сын[ABS.SG] рыба-варить-NMLZ-ABS.SG
 ‘Я вижу, как мама варит рыбу для сына’.

Помимо инкорпорации в глагол, в чукотском языке развита инкорпорация именных зависимых (6). Возможным объяснением различий в (4)–(5) может быть тот факт, что комплексы в (4б) и (5б) следует анализировать как инкорпорацию в имя.

(6) *ŋəron-ety-ʔəttʔəqaj-a* *na-jʔo-γəm*
 три-белый-собака-ERG LOW.A-настигать-1SG.O
 ‘Три белых собаки меня настигли’. [Козлов 2019: 10]

Кроме того, даже в языках, не допускающих инкорпорации существительного в глагол, возможна инкорпорация в отглагольные существительные. Интересно, что такая инкорпорация может быть похожа на ту, что мы видим в чукотском: она доступна только для внутреннего аргумента глагола, от которого образовано имя, т. е. для аргумента неаккузативного глагола или дополнения. Именно такое поведение существительных наблюдается в русском языке, где возможны *отцеубийство* и *кровотечение*, но не *человекопрыгание* [Богданов 2005, 2009], а также в английском для имен деятеля типа *truck-driver* [Roeper, Siegel 1978; Grimshaw 1990; Harley 2009].

Как следует анализировать инкорпорацию в чукотскую номинализацию? Как инкорпорацию в глагол, на которую наложены ограничения из-за отсутствия полного набора глагольных свойств, или как инкорпорацию в имя — «чисто чукотскую» или же аналогичную именной инкорпорации в русском или английском? В докладе мы с опорой на более широкий языковой материал попытаемся ответить на этот вопрос.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентивный участник; ABS — абсолютив; ERG — эргатив; GEN — генитив; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LOW — низкий; NMLZ — номинализация; NP — именная группа; O — пациентивный участник; S — подлежащее неперере-

ходной клаузы; SG — единственное число; ST — статив; TH — тематический элемент.

Литература

- Богданов 2005 — А. В. Богданов. Сложные слова в русском языке: лексические или синтаксические ограничения? // А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб.: Наука, 2005. С. 33–38.
- Богданов 2009 — А. В. Богданов. Свойства глагольной основы, влияющие на возможность эпизодической интерпретации номинализаций-композигов // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 42–64.
- Козлов 2019 — А. И. Козлов. Некоторые проблемы синтаксиса именной группы. Релятивизация // Грамматический очерк чукотского языка. 2019 (электронный ресурс). URL: <http://chuklang.ru/sketch> (дата обращения 10.09.2021).
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. Argument structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Harley 2009 — H. Harley. Compounding in distributed morphology // R. Lieber, P. Stekauer (eds). The Oxford handbook of compounding. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 129–144.
- Roeper, Siegel 1978 — Th. Roeper, M. E. A. Siegel. A lexical transformation for verbal compounds // Linguistic Inquiry. 1978. Vol. 9. № 2. P. 199–260.
- Vinyar 2021 — Vinyar, Alexey. Noun incorporation in Chukchi and beyond: a force-dynamic constructionist approach. Master thesis, HSE University, Moscow. 2021.

References

- Bogdanov 2005 — A. V. Bogdanov. Slozhnyye slova v russkom yazyke: leksicheskiye ili sintaksicheskiye ogranicheniya? [Russian compounds: Lexical or syntactic restrictions?] A. P. Vydrin, D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, S. S. Say (eds.). *Vtoraya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Materialy (Sankt-Peterburg, 3–5 noyabrya*

- 2005 г.) [Second Conference on typology and grammar for young scholars. Proceedings Saint Petersburg, November 3–5, 2005]. Saint Petersburg: Nauka, 2005. P. 33–38.
- Bogdanov 2009 — A. V. Bogdanov. Svoystva glagolnoy osnovy, vliyayushchie na vozmozh-nost epizodicheskoy interpretatsii nominalizatsiy-kompozitov [Properties of the verb stem affecting possibility of episodic interpretation of composite nominalizations]. K. L. Kiseleva, V. A. Plungian, E. V. Rakhilina, S. G. Tatevosov (eds.). *Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike* [Corpus-based studies in Russian grammar]. Moscow: Probel-2000, 2009. P. 42–64.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Harley 2009 — H. Harley. Compounding in distributed morphology. R. Lieber, P. Stekauer (eds). *The Oxford handbook of compounding*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 129–144.
- Kozlov 2019 — A. I. Kozlov. Nekotorye problemy sintaksisa imennoy gruppy. Relya-tivizatsiya [Some issues in the syntax of NPs. Relativisation]. *Grammaticheskiy ocherk chukotskogo yazyka* [A grammar sketch of Chukchi]. 2019. Available at: <http://chuklang.ru/sketch> (accessed on 10.09.2021).
- Roeper, Siegel 1978 — Th. Roeper, M. E. A. Siegel. A lexical transformation for verbal compounds. *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. No. 2. P. 199–260.
- Vinyar 2021 — Vinyar, Alexey. *Noun incorporation in Chukchi and beyond: a force-dynamic constructionist approach*. Master thesis, HSE University, Moscow. 2021.

К. А. Студеникина

МГУ, Москва

АТРИБУТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ ПРИ СОЧИНЕНИИ МОДИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При сочинении русских прилагательных ед. ч. наблюдается вариативность числа существительного [Кодзасов и др. 1987; Пекелис 2013; Shen 2019]. При дистрибутивном или морфологическом согласовании имя, обозначающее несколько сущностей, стоит в ед. ч. (1a). В случае обобщенного или семантического согласования имя стоит во мн. ч., однако зависимые прилагательные — в ед. ч. (1b).

- (1) а. *старый и новый стиль*
б. *старый и новый стили*

В данной работе исследуется атрибутивное согласование при сочинении модификаторов, не изученное ранее, в сравнении с предикативным, для которого постулируется семантическая стратегия [Belyaev et al. 2015] (2). При семантическом атрибутивном согласовании модификатор стоит во множественном числе (3). Морфологическое согласование может проходить по числу прилагательного (4) или по числу существительного (5). Для атрибутивного согласования ожидается выбор морфологической стратегии. В соответствии с Иерархией согласования Г. Корбетта [Corbett 1979] (6), типологически наблюдается предпочтение морфологического атрибутивного согласования и семантического предикативного.

- (2) а. *Старый и новый стиль будут уравнены / *будет уравнен.*
б. *Старый и новый стили будут уравнены / *будет уравнен.*
- (3) *наши [старый и новый стиль/стили]*
- (4) *[наш старый] и [~~наш~~ новый] стиль/стили*
- (5) а. *наш старый и новый стиль*
б. *наши старый и новый стили*

- (6) Атрибут — Предикат — Относительное местоимение —
 Личное местоимение
 ← Морфологическое согласование Семантическое согласование →

Для изучения атрибутивного согласования было проведено экспериментальное исследование, включавшее оценивание приемлемости по шкале Ликерта (1–7) и чтение с саморегуляцией скорости. Проверялись следующие факторы: число модификатора (ед. ч. vs. мн. ч.), число существительного (ед. ч. vs. мн. ч.), падеж именной группы (прямой vs. косвенный). Пример экспериментального блока представлен ниже (7).

- (7) а. *Вася использовал **наш** длинный и короткий **шланг** для полива собственного сада.*
 б. *Вася использовал **наш** длинный и короткий **шланги** для полива собственного сада.*
 в. *Вася использовал **наши** длинный и короткий **шланг** для полива собственного сада.*
 г. *Вася использовал **наши** длинный и короткий **шланги** для полива собственного сада.*
 е. *Вася воспользовался **нашим** длинным и коротким **шлангом** для полива собственного сада.*
 ф. *Вася воспользовался **нашим** длинным и коротким **шлангами** для полива собственного сада.*
 г. *Вася воспользовался **нашими** длинным и коротким **шлангом** для полива собственного сада.*
 г. *Вася воспользовался **нашими** длинным и коротким **шлангами** для полива собственного сада.*

Рис. 1 демонстрирует распределение оценок приемлемости. Статистический анализ выявил значимое влияние числа существительного ($p < .001$), а также взаимодействия факторов число модификатора + число существительного ($p < .001$) и число модификатора + падеж ($p < .005$)¹. Наиболее приемлемым оказывается морфологическое согласование по числу имени: модификатор и существительное стоят либо во мн. ч. (7d), (7h), либо в ед. ч. (7a), (7e).

¹ В скобках приведены значения, полученные в ходе дисперсионного анализа с повторными измерениями.

Также приемлемо морфологическое согласование модификатора с прилагательным по ед. ч. при имени во мн. ч. (7b), (7f). Следовательно, для атрибутивного согласования более приемлема морфологическая стратегия. Семантическое согласование неприемлемо, что проявляется в низких оценках для модификатора мн. ч. и существительного ед. ч. (7c), (7g). Полученные экспериментальные данные об атрибутивном числовом согласовании при сочинении модификаторов подтверждают наши типологические ожидания.

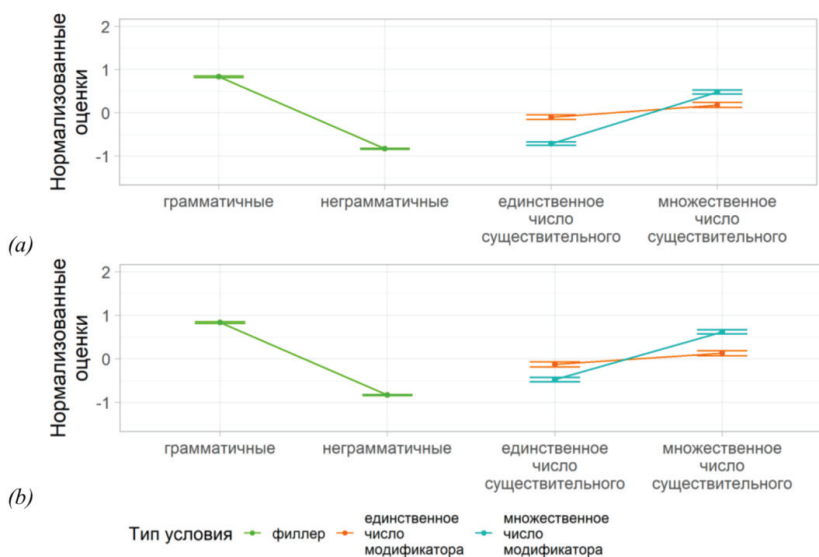

Рис. 1. График взаимодействия для средних оценок (a) в прямом падеже, (b) в косвенном падеже
 Fig. 1. Interaction for mean scores (a) in the direct case, (b) in the indirect case

Тот факт, что оценки для мн. ч. модификатора и ед. ч. имени в косвенном падеже оказались значительно выше, чем в прямом, показывает бóльшую чувствительность носителей к рассогласованию по числу при восприятии именных групп в прямом падеже по сравнению с косвенным. Это подтверждают данные чтения с саморегуляцией скорости, которые будут подробно рассмотрены в докладе.

Литература

- Кодзасов и др. 1987 — С. В. Кодзасов, Н. И. Лауфер, Е. Н. Савина. Число в сочинительных конструкциях // А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 204–219.
- Пекелис 2013 — О. Е. Пекелис. Сочинение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.
- Belyaev et al. 2015 — O. Belyaev, M. Dalrymple, J. Lowe. Number mismatches in coordination: An LFG analysis // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG15 Conference*. Stanford: CSLI Publications, 2015. P. 26–46.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. The agreement hierarchy // *Journal of linguistics*. 1979. Vol. 15. № 2. P. 203–224.
- Shen 2019 — Z. Shen. The multi-valuation agreement hierarchy // *Glossa: A journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. № 1. Article 46. P. 1–29.

References

- Belyaev et al. 2015 — O. Belyaev, M. Dalrymple, J. Lowe. Number mismatches in coordination: An LFG analysis. M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG15 Conference*. Stanford: CSLI Publications, 2015. P. 26–46.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. The agreement hierarchy. *Journal of linguistics*. 1979. Vol. 15. No. 2. P. 203–224.
- Kodzasov et al. 1987 — S. V. Kodzasov, N. I. Laufer, E. N. Savina. Chislo v sochinitelnykh konstruktsiyakh [Number in coordinating constructions]. A. Ye. Kibrik, A. S. Narinyani (eds.). *Modelirovaniye yazykovoy deyatel'nosti v intellektualnykh sistemakh* [Modeling linguistic activity in intelligent systems]. Moscow: Nauka, 1987. P. 204–219.
- Pekelis 2013 — O. E. Pekelis. Sochineniye [Coordination]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Materials for the project of the corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Manuscript. Moscow, 2013.
- Shen 2019 — Z. Shen. The multi-valuation agreement hierarchy. *Glossa: A journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. No. 1. Article 46. P. 1–29.

Д. Г. Федоров
НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВЕЩЕСТВ НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Семантическое поле перемещения веществ ранее уже становилось объектом сопоставительного изучения, см. общетипологические исследования в [Дзедзич 2016, 2017], а также работу на материале финно-угорских языков [Кашкин 2020]. В фокусе данной работы — языки славянской группы, а именно русский, белорусский, сербский, словенский, польский и чешский.

Исследование было выполнено в рамках фреймового подхода [Рахилина, Резникова 2013]. Набор прототипических ситуаций (или фреймов) и способы их лексикализации определялись на материале корпусов и словарей, а также с помощью анкетирования носителей.

Для славянских языков характерно использование приставок, но в рамках данного исследования ситуации, выражаемые однокоренными словами с различными приставками, рассматривались как колексифицированные, ср. представление о «слабой колексификации» (loose colexification) из [François 2008]. Это обусловлено тем, что приставки в рассматриваемом поле имеют только профилирующее значение, и приставочные дериваты от одного корня описывают концептуально схожие ситуации. Кроме того, объединение однокоренных дериватов позволяет получить более ясную и типологически релевантную семантическую карту.

В результате исследования были выделены типологические параметры, значимые для семантического поля перемещения веществ в славянских языках. На уровне поля в целом выбор фрейма зависит от параметров **типа вещества**, **интенсивности перемещения** и **квантованности потока**. Первый параметр определяет различие между фреймом перемещения сыпучих веществ и фрей-

мами перемещения жидкости, а остальные отвечают за противопоставления внутри подзоны перемещения жидкости:

НЕКАУЗИРОВАННО	– КВАНТОВАННОСТЬ	+ КВАНТОВАННОСТЬ
ИНТЕНСИВНОСТЬ: ВЫСОКАЯ	перемещение жидкости <i>лить(ся)</i>	перемещение брызгами <i>брызгать</i>
ИНТЕНСИВНОСТЬ: СРЕДНЯЯ/ НИЗКАЯ	самостоятельный поток <i>течь</i>	перемещение каплями <i>капать</i>

КАУЗИРОВАННО	– КВАНТОВАННОСТЬ	+ КВАНТОВАННОСТЬ
ИНТЕНСИВНОСТЬ: ВЫСОКАЯ	перемещение жидкости <i>лить</i>	перемещение брызгами <i>брызгать</i>
ИНТЕНСИВНОСТЬ: СРЕДНЯЯ/ НИЗКАЯ		перемещение каплями <i>капать</i>

Для конкретных фреймов в различных языках оказались релевантными более локальные параметры, например, количество вещества (чешск. *stříkat* ‘брызгать’ vs. *cákat* ‘брызгать малым количеством жидкости’), наличие отверстия (словенск. *brizgati* ‘брызгать (некауз.) или брызгать из отверстия (кауз.)’ vs. *škropiti* ‘брызгать (каузированно)’ и т. д.

Отдельный фрейм образуют ситуации проникновения сквозь поверхность (в русском языке выражается глаголом *сочиться*). Для него релевантен параметр целостности поверхности: так, например, чешский разделяет проникновение сквозь целостную поверхность (*Krev prosakovala přes gázu* ‘Кровь просочилась сквозь марлю’) и сквозь повреждение в поверхности (*Z rány tekla krev* ‘Из раны сочилась/текла кровь’)

Семантическая карта, получившаяся в результате исследования, дает более системное представление об устройстве семантического поля по сравнению с предшествующими работами на данном семантическом материале и одновременно включает в себя контексты и каузированного, и некаузированного перемещения:

Проведенное исследование существенно дополняет ранее известную типологическую картину для поля перемещения веществ. С учетом этих данных в дальнейшем можно как уточнить

уже изученный языковой материал, так и верифицировать полученные результаты на основе более широкой типологической выборки.

Кроме того, расширение исследования возможно за счет включения семантических зон, смежных с перемещением веществ, ср. перемещение множественных крупных объектов единой массой (например, *камни сытались с обрыва*). Наконец, отдельной исследовательской задачей остается подробный анализ семантических переходов, которые могут развивать глаголы данного семантического поля.

Литература

- Дзедзич 2016 — Е. А. Дзедзич. Глаголы перемещения веществ в типологической перспективе // А. А. Кретов (ред.). Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016.
- Дзедзич 2017 — Е. А. Дзедзич. Глаголы движения и перемещения веществ: семантика и типология. Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- Кашкин 2020 — Е. В. Кашкин. Глаголы перемещения веществ в некоторых финно-угорских языках // *Acta linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 1. С. 462–493.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3–31.
- François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in Language Companion Series 106). Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 163–215.

References

- Dzedzich 2016 — Ye. A. Dzedzich. Glagoly peremeshcheniya veshchestv v tipologicheskoy perspektive [Verbs of the displacement of substances in typological perspective] // A. A. Kretov (ed.). *Problemy leksiko-semanti-*

- cheskoy tipologii* [Problems of lexical-semantic typology]. Is. 3. Voronezh: Voronezh State University, 2016.
- Dzedzich 2017 — Ye. A. Dzedzich. *Glagoly dvizheniya i peremeshcheniya veshchestv: semantika i tipologiya* [Verbs of the motion and displacement of substances: Semantics and typology]. BA thesis. Moscow: NRU HSE, 2017.
- François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. (Studies in Language Companion Series 106). Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 163–215.
- Kashkin 2020 — E. V. Kashkin. Glagoly peremeshcheniya veshchestv v nekotorykh finno-ugorskikh yazykakh [Verbs of displacement of substances in some Finno-Ugric languages]. *Acta linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. P. 1. P. 462–493.
- Rakhilina, Reznikova 2013 — E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [A Frame-based methodology for lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. No. 2. P. 3–31.

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

О ДВУЛИЧНОЙ СУЩНОСТИ ПЕРФЕКТА

1. В докладе предпринимается попытка уточнить теоретическое описание значения перфекта — точнее, целой группы родственных перфектных значений. В первую очередь предполагается продемонстрировать, что такие значения вводят в семантику высказывания сразу два пропозициональных компонента, с каждым из которых связано своё «окно наблюдения» (= предсказуемое время).

Будут рассмотрены три традиционно различающиеся разновидности перфектных значений, выявленные у английской формы Present Perfect: результативный перфект, смежный с ним / включающий его перфект с «текущей релевантностью» и экспериенциальный перфект (значение т. н. «инклюзивного перфекта» исключается как имеющее кардинально иную семантическую природу).

Обсуждение будет в основном опираться на примеры из английского с формой Present Perfect и примеры из русского с перфектными употреблениями формам претерита глаголов СВ, с сочетанием уже + глагол СВ, а также с перфектными употреблениями бессвязочного пассива от глаголов СВ типа Дом построен в прошлом году.

2. Обратимся к перфектному значению, которое можно считать наиболее простым и прототипическим, — к **результативному** перфекту, ср. (1) и (2):

(1) *England has declared war on Germany.*

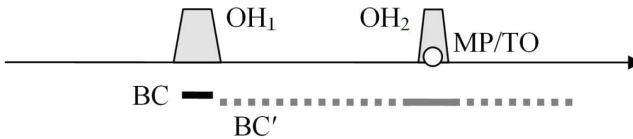
‘Англия объявила войну Германии [и сейчас они находятся в состоянии войны]’. [Dahl, Hedin 2000: 390]

На результативном перфекте легче всего продемонстрировать основную идею предлагаемого анализа, а именно — что перфект-

ные значения следует трактовать как «гибридные», «двуглавые»: вводящие в семантику высказывания сразу два пропозициональных компонента, а следовательно, и два отдельных окна наблюдения. **Первая** пропозиция и связанное с ней окно наблюдения вводят саму предшествующую ситуацию (в случае результитивного перфекта — достигающую своего предела). **Вторая** пропозиция и связанное с ней окно наблюдения вводят некоторое производное от этой ситуации состояние (в случае результитивного перфекта это результирующее состояние предшествующей ситуации).

(2) *John has left.*

[‘(результативный) перфект’ + ‘прошедшее’].

Предлагаемая конфигурация обладает еще той особенностью, что первое окно наблюдения является ретроспективным (предшествует точке отсчета), а второе является синхронным (пересекающимся с точкой отсчета). То есть взятые сами по себе, первое окно наблюдения соответствует, по сути, конфигурации перфектива, а второе — конфигурации имперфектива.

3. Основной эмпирический аргумент в пользу предложенного анализа — поведение временных обстоятельств различных типов.

Во-первых, при формах с перфектным значением принципиально возможно употребление обстоятельств, локализирующих **окно наблюдения в плане прошедшего**.

Даже английский Present Perfect, известный своими ограничениями на сочетаемость с подобными обстоятельствами, допускает *recently* ‘недавно’ и *just* ‘только что’. Русский же бессвязочный пассивный перфект допускает такие обстоятельства без ограничений:

(3) *Вчера ограблен банк на Мясницкой.* [Падучева 2010]

Использование таких обстоятельств возможно также в парцелляте или в ответных репликах — в т. ч. в английском:

- (4) *I have been to Birmingham, last week in fact.* [Comrie 1976: 54–55]

Также возможны обстоятельства срока:

- (5) *I've sold four in the last hour.*
За последний час я продала четыре штуки.
[context.reverso.net]

Во-вторых, при этом формы с перфектным значением допускают и употребление обстоятельств, модифицирующих **синхронные окна наблюдения**. Это обстоятельства *сейчас-1*, *теперь*, *в настоящий/данный момент*, англ. *now*, *at the moment*. Ср.:

- (6) *Мы сейчас[/теперь] изменили порядок оформления документов.* [Падучева 1996/2011: 271]

Что касается модификации **двух окон наблюдения одновременно**, в простом случае она неграмматична, однако некоторые более сложные конфигурации возможны. Так, наличие *сейчас-1/теперь/now* в основной части высказывания не блокирует добавление обстоятельства плана прошедшего или срока в парцелляте:

- (7) *Сейчас дом уже достроен — около месяца назад.*
(8) ^{ОК} *...But now he has left for London... About an hour ago.*

4. В докладе также будет показано, что «двухоконной» конфигурации соответствуют также и «**текуще-релевантное**» и **экспериенциальное** перфектные значения.

Литература

- Падучева 1996/2011 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011.
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Событийное и стательное значение глаголов совершенного вида в русском языке // В. Ф. Выдрин, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, С. С. Сай, Н. Р. Сумбатова, В. С. Храковский (ред.). Проблемы грамматики и типологии: Сборник статей памяти В. П. Неद्याкова (1928–2009). М.: Знак, 2010. С. 240–252.
- Comrie 1976 — В. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. New York: Cambridge University Press, 1976.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–401.

References

Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. New York: Cambridge University Press, 1976.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference. Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–401.

Paducheva 1996/2011 — E. V. Paducheva. *Semanticheskiye issledovaniya* [Studies in semantics]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Yazyki slavyan-skoj kultury, 2011.

Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Sobytiynoye i statalnoye znachenije glagolov sovershennogo vida v russkom yazyke. V. F. Vydrin, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika, S. S. Say, N. R. Sumbatova, V. S. Khrakovskiy (eds.). *Problemy grammatiki i tipologii: Sbornik statej pamyati V. P. Nedyalkova (1928–2009)* [Issues in grammar and typology: In memoriam V. P. Nedyalkov (1928–2009)]. Moscow: Znak, 2010. P. 240–252.

М. О. Черемисинова

НИУ ВШЭ, Москва

РЕАЛЬНЫЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ

Доклад посвящен реальным условным конструкциям в бесермянском наречии удмуртского языка¹.

В бесермянском удмуртском в протасисе реальных условных конструкций для референции к плану будущего возможно употребление прошедшего времени (1). Насколько нам известно, это явление типологически редко (протасис реального условного предложения, выраженный глагольной формой прошедшего времени, также возможен, как минимум, в некоторых семитских языках, например, в арабском [Alotaibi 2014: 113]).

- (1) *lež'-i-z-ə=ke* *lakt-o* *kad'*
отпустить-PST-3-PL=если приходить-FUT(1SG) кажется
šu-e *val=no*
говорить-PRS.3SG быть.PST=ADD
'Если отпустят, то сказал, что, возможно, придет'. (К)

Кроме того, настоящее и будущее времена также возможны в протасисе реальных условных конструкций².

- (2) *tod-iš'ko-d=ke* *monəš'təm malə*
знать-PRS-2(SG)=если я.EL зачем

¹ В этой работе мы опираемся на собственные полевые данные, а также на мультимедийный корпус бесермянского удмуртского (<http://multimedia-corpus.beserman.ru/search>). Примеры из корпуса отмечены при помощи (К).

² В литературном удмуртском языке в протасисе реальных условных конструкций также возможны все времена, однако их распределение в литературе не описано [Алатырев 1974: 92].

jua-š'ko-d=na?

спрашивать-PRS-2(SG)=еще

‘Если знаешь (сам), то зачем меня спрашиваешь?’

- (3) *č'aš'ja-je=ke mən-o-z-ə jər-a-ze kəšet*
лес-ILL=если идти-FUT-3-PL голова-ILL-P.3PL платок
med kert-o-z-ə
ОПТ завязать-FUT-3-PL
‘Если они идут в лес, то пусть наденут платки’.

В данном докладе мы опишем распределение времен (первого прошедшего, настоящего и будущего) в протасисе реальных условных конструкций в бесермянском удмуртском.

Выбор между прошедшим и настоящим временем зависит от перфективности глагола в протасисе условной конструкции: прошедшее время маркирует перфективный протасис (4), а настоящее — имперфективный (5).

- (4) *tənəd mɜzmət=ke lu-i-z*
ты.DAT грустно=если стать-PST-3(SG)
mənəm zvonit' kar
я.DAT звонить делать.IMP.SG
‘Если тебе станет грустно, позвони мне’.

- (5) *š'aš'ka vəle vu-d-e šer=ges*
цветок верх-ILL вода-P.2(SG)-ACC редко=COMP
kiš'ka-š'ko-d=ke soos ž'og kwaš'm-o-z-ə
лить-PRS-2(SG)=если они быстро сохнуть-FUT-3-PL
‘Если не будешь поливать цветы, то они быстро завянут’.

В отличие от настоящего и прошедшего времен, употребление будущего времени в протасисе реальных условных предложений факультативно: оно может заменять настоящее или прошедшее в некоторых контекстах.

- (6) *waž'=ke ləkt-ənə bəgat-i-d / bəgat-o-d*
рано=если приходиться-INF мочь-PST-2(SG) / мочь-FUT-2(SG)
d'eš' lu-o-z
хорошо стать-FUT-3(SG)
‘Если сможешь прийти пораньше, будет здорово’.

Однако употребление будущего времени в протасисе реальных условий возможно не во всех контекстах. В частности, предикаты, обозначающие природные явления и естественные процессы, не могут быть маркированы будущим временем.

- (7) *askə zor-i-z=ke* /
завтра идти_дождь-PST-3(SG)=если /
**zor-o-z=ke* *č'ašja-je*
*идти_дождь-FUT-3(SG)=если лес-ILL
u-m tən-e
NEG.FUT-1PL идти-PL
'Если завтра будет дождь, то в лес не пойдем'.
- (8) *jxl-əd=ke* *č'arsa-z* / **č'arsal-o-z*
молоко-P.2SG=если киснуть-3(SG.PST) / *киснуть-FUT-3(SG)
en kiš't-ə kuž'atem leš't-o-m
NEG.IMP лить-IMP творог делать-FUT-1PL
'Если молоко скиснет, не выкидывай, творог сделаем'.

В этом докладе мы опишем распределение глагольных времен в протасисе реальных условных конструкций в бесермянском удмуртском, рассмотрев большее число контекстов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; COMP — компаратив; DAT — датив; EL — элатив; FUT — будущее время; ILL — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; OPT — оптатив; P — посессив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев 1974 — В. И. Алатырев. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974.
Alotaibi 2014 — Y. Alotaibi. Conditional sentences in Modern Standard Arabic and the Taif Dialect. PhD thesis. Colchester: University of Essex, 2014.

References

- Alatyrev 1974 — V. I. Alatyrev. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [A grammar of modern Udmurt. Syntax of complex sentences]. Izhevsk: Udmurtiya, 1974.
- Alotaibi 2014 — Y. Alotaibi. *Conditional sentences in Modern Standard Arabic and the Taif Dialect*. PhD thesis. Essex: University of Essex, 2014.

Д. Г. Чистякова
НИУ ВШЭ, Москва

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВАККЕРНАГЕЛЕВСКИХ ЭНКЛИТИК В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Доклад посвящен позициям лично-числовых энклитик в прошедших временах в шугнанском языке (шугнано-рушанская группа < памирская группа < восточноиранская группа < иранские языки). В шугнанском лицо и число глагола в прошедших временах выражается при помощи энклитик, которые чаще всего занимают позицию после первой полной составляющей (см. (1)). Однако существуют дополнительные правила, согласно которым клитики могут перемещаться в другие позиции (2)–(3).

- (1) *yu čōrik =i wi markāb žīr qati*
3M.SG человек =3SG 3M.SG.OBL осел камень INS
δōđǰ
ударять.PF
‘Тот человек осла камнем ударил’. [элиц. 2020]
- (2) *id amsoyā ǰīn tarelka δod =i*
это сосед жена тарелка бить.PST =3SG
‘Это жена соседа тарелку разбила’. [элиц. 2019]
- (3) *yu dad wam =i anǰūvd=i*
3M.SG тогда 3F.SG.OBL =3SG брать.PST=3SG
‘Тогда он взял ее’. [Пахалина 1969: 50]

Материалом для исследования послужили тексты, словарные и элицитированные примеры. Тексты были записаны в 1915–1917 гг. [Зарубин 1960], 1948–1949 гг. [цит. по Пахалина 1969], примеры для словаря записаны в 1960–1968 гг. [Карамшоев 1988, 1991, 1999]. Примеры, полученные методом элицитации, были собраны во время экспедиций на Памир в 2018–2021 гг. Таким образом, на

основе данных примеров можно говорить о системе энклитик и в современном языке, и в диахронии.

Задачами исследования было описать позиции лично-числовых энклитик и проанализировать случаи с их передвижением. В ходе исследования было замечено, что как минимум три ритмико-синтаксических барьера могут влиять на позиции энклитик, смещая их вправо; при одновременном возникновении нескольких барьеров энклитика будет последовательно перемещаться дальше и дальше.

Часть барьеров отсутствует в современном языке: в текстах начала XX в. энклитика 3 л. ед. ч. не могла присоединяться к первой составляющей, если она была выражена подлежащим, однако сейчас этот барьер исчез. Часть барьеров соблюдается нерегулярно: на позиции энклитик факультативно может влиять коммуникативный барьер в виде обстоятельства в первой позиции. Обязательным коммуникативным барьером является обращение в начале клаузы.

Однако некоторые перемещения энклитик невозможно объяснить при помощи описанных барьеров: встречаются примеры, где клитика пропускает ваккернагелевскую позицию и стремится занять позицию, смежную с позицией глагола.

В нашем анализе мы использовали типологию, предложенную в [Циммерлинг 2013], где описываются четыре системы расположения клитик в клаузе, из которых нас интересует три: W-система, V-система и W*-система. В языках W-системы основным правилом становится закон Ваккернагеля. В языках V-системы клитики занимают позицию, смежную с глаголом. Языки W*-системы (разрушенная ваккернагелевская система) также ориентируются на закон Ваккернагеля, однако он «сочетается с альтернативными механизмами линеаризации» [Там же: 309].

В шугнанском языке сосуществуют две стратегии распределения клитик в клаузе. Первая и основная — закон Ваккернагеля (с учетом ритмико-синтаксических барьеров), в большинстве случаев при выборе позиции клитики следуют именно ему. Вторая стратегия характерна для языков с V-системой: клитика стремится занять позицию, смежную с позицией глагольной группы. Иногда конфликт двух стратегий приводит к размещению клитики на глагольной группе в конце клаузы, а иногда происходит ко-

пирование клитики, в результате чего первая в клаузе клитика занимает ваккернагелевскую позицию, а следующая по порядку клитика (идентичная первой) следует второй возможной стратегии и присоединяется к глагольной группе.

Подобный конфликт между двумя разными стратегиями описывается как *W**-система (разрушенная ваккернагелевская система). Согласно [Циммерлинг 2013: 79], «*W**-системы встречаются в тех же ареалах и группах языков, что и стандартные *W*-системы, что наводит на мысль о том, что они являются плодом эволюции *W*-систем». Можно предположить, что в шугнанском языке *W*-система постепенно разрушается.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; F — женский род; INS — инструменталис; M — мужской род; OBL — косвенный падеж; PF — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Зарубин 1960 — И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960.
- Карамшоев 1988 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 1. М.: Восточная литература РАН, 1988.
- Карамшоев 1991 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 2. М.: Восточная литература РАН, 1991.
- Карамшоев 1999 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 3. М.: Восточная литература РАН, 1999.
- Пахалина 1969 — Т. Н. Пахалина. Памирские языки. М.: Наука, 1969.
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

References

- Karamshoyev 1988 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1988.

- Karamshoyev 1991 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1991.
- Karamshoyev 1999 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1999.
- Pakhalina 1969 — T. N. Pakhalina. *Pamirskiye yazyki* [Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1969.
- Zarubin 1960 — I. I. Zarubin. *Shugnanskiye teksty i slovar* [Shughni: Texts and dictionary]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR, 1960.
- Zimmerling 2013 — A. V. Zimmerling. *Sistemy poryadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Word order systems of Slavic languages in a typological aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.

Е. Е. Шведова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**КАУЗАТИВНО-ИНХОАТИВНЫЕ ПАРЫ
В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ:
ТИПОЛОГИЯ И ДИАХРОНИЯ¹**

Каузативно-инхоативные глаголы связаны отношением семантической деривации: инхоативный член пары («некаузативный глагол», ИГ) обозначает спонтанное возникновение свойства, состояния или процесса, а каузативный (КГ) — ту же ситуацию, но возникающую под воздействием агенса или внешней силы. Типы формальных оппозиций (ФО) в таких парах в языках мира были выделены в работе [Недялков 1969], влияние семантики глагола на способ маркирования деривации изучалось в [Haspelmath 1993; Comrie 2006; Shibatani, Pardeshi 2002 и др.].

Цель нашей работы — выявить факторы, определяющие выбор словообразовательного средства для выражения каузативно-инхоативных оппозиций в христианском урмийском (северо-восточные новоарамейские < семитские), и проверить на материале конкретного языка результаты типологических исследований. Основным методом было анкетирование: в ходе экспедиции в с. Урмия (Краснодарский край) в августе 2021 г. элицитированы² урмийские соответствия для 31 пары глаголов из работы [Haspelmath 1993].

Выделяют следующие типы ФО: направленные — присоединение каузативного (С) или декаузативного (А, ср. anticausative) маркеров, и ненаправленные — супплетивные (S), эквиполент-

¹ Это исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

² Пятью носителями были даны почти идентичные ответы.

ные (E) и лабильные (L) глаголы. В урмийском встречаются все типы, кроме декаузатива. За маркирование актантных дериваций отвечают особые словообразовательные модели — «породы». Первая порода (I) является немаркированной, вторая (II) и третья (III) служат для образования каузативов, причем последняя более продуктивна [Khan 2016].

Супплетивна только одна пара из анкеты: [4] ‘умереть/убить’ *mətlə/ +ktəllə*³, что типологически ожидаемо. Из оставшихся пар в 16 маркируется КГ, а в десяти используется лабильный глагол. Для четырех пар соответствий нет.

В результате анализа материала, во-первых, подтвердилось влияние на тип ФО шкалы самопроизвольности из [Haspelmath 1993]. Все ситуации из левой части шкалы (прототипически самопроизвольные) выражаются в урмийском парами, где КГ маркируется показателем III породы, а НГ остается немаркированным: например, [18] ‘кипеть/кипятить’ *+rdəxlə/ +murdəxlə*. Исключение составляет только пара [25] ‘замерзнуть/заморозить’ — используется лабильный глагол *mugdəllə* (III). Ситуации из правого полюса шкалы выражаются лабильными глаголами I породы: например, [2] *+šmətlə* ‘сломать(-ся)’.

Во-вторых, выяснилось, что в парах, где маркирован КГ, выбор между II и III породой при первой реакции может зависеть от степени агентивности субъекта:

- (1) *məšxa pšər-rə*
масло(M) таять.I.PST-LS.3M
‘Масло растопилось’.
- (2) *šəmša pušər-ra* / ^{OK} *mupšər-ra*
солнце(F) растопить.II.PST-LS.3F растопить.III.PST-LS.3F
məšxa
масло(M)
‘Солнце растопило масло’.
- (3) *brata mupšər-ra* / ^{OK} *pušər-ra*
девушка(F) растопить.III.PST-LS.3F растопить.II.PST-LS.3F

³ Все глаголы даны в форме PST.3M.SG, т. к. презентные основы глаголов I и II пород не различаются.

tāḫḫa

масло(М)

‘Девушка растопила масло’.

Наконец, на основе анализа пар [7] ‘начать(-ся)’ +*šurilā* (L, II поро-
рода) и [22] ‘кончить(-ся)’ *prākla/purākla* (C, I и II породы) видно,
что на тип ФО влияет лексический класс глагола. Как отмечается
в [Летучий 2013], фазовые глаголы в целом склонны к лабильно-
сти «в силу отклонений от прототипа переходности».

Диахронически интересно сравнение с классическим сирийским
(восточный среднеарамейский), где сохранился древний семит-
ский показатель декаузатива — инфикс *-t-*. По таблице сопряжен-
ности (Таблица 1) можно увидеть, что большинство лабильных
глаголов в урмийском имеют декаузативное происхождение.

Таблица 1. Соотношение типов ФО в урмийском и сирийском языках

Table 1. Types of formal opposition in Urmi and Syriac

Урмий- ский	Сирийский				Всего
	A	L	C	S	
A	0	0	0	0	0
L	6	3	1	0	10
C	3	1	12	0	16
S	0	0	0	1	1
Всего	9	4	13	1	27

Таким образом, на тип ФО в каузативно-инхоативных парах в
урмийском влияют такие семантические параметры, как прототи-
пичность ситуации, степень агентивности субъекта и степень пе-
реходности. Диахронически в урмийском сильно расширился
класс лабильных глаголов за счет утраты декаузативного маркера
(возможно, влияние иранских языков).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; I — первая порода; II — вторая порода; III — третья порода;
F — женский род; LS — суффиксы L-серии; M — мужской род; PST —
прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Летучий 2013 — А. Б. Летучий. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Недялков 1969 — В. П. Недялков. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // И. Ф. Вардуль (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 106–114.
- Comrie 2006 — B. Comrie. Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability // *Linguistics*. 2006. Vol. 44. № 2 (Special issue: Operations on Argument Structure, ed. by D. Hole and P. Siemund). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 303–318.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity studies*. (Studies in Language Companion Series 23). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–120.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden, Boston: Brill, 2016.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum // M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. (Typological Studies in Language 48). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2002. P. 85–126.

References

- Comrie 2006 — B. Comrie. Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability. *Linguistics*. 2006. Vol. 44. No. 2 (Special issue: Operations on Argument Structure, ed. by D. Hole and P. Siemund). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 303–318.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity studies*. (Studies in Language Companion Series 23). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–120.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.

- Letuchiy 2013 — A. B. Letuchiy. *Tipologiya labilnykh glagolov* [Typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Nedyalkov 1969 — V. P. Nedyalkov. Nekotoryye veroyatnostnyye universalii v glagolnom slovoobrazovanii [Some probabilistic universals in verbal word formation]. I. F. Vardul (ed.). *Yazykovyye universalii i lingvisticheskaya tipologiya* [Language universals and linguistic typology]. Moscow: Nauka, 1969. P. 106–114.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum. M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. (Typological Studies in Language 48). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2002. P. 85–126.

В. П. Шувалова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ
ОБЪЕКТА В ХРИСТИАНСКОМ УРМИЙСКОМ ИДИОМЕ
СЕЛА УРМИЯ (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)¹**

В семитских языках дифференцированное маркирование объекта [Aissen 2003; de Swart 2007; Iemmolo 2011] встречается крайне часто (см. обзор в [Mulder 2014]). В христианском урмийском идиоме (северовосточные новоарамейские идиомы < восточная ветвь арамейских языков < семитская группа [Лявданский 2009: 663]) существует два типа маркеров прямого дополнения, каждый из которых не является обязательным: суффиксация на глаголе (*indexing*) и маркирование предложной группой (*flagging* [Haspelmath 2019]). Таким образом, в идиоме представлены одновременно два явления: дифференцированное маркирование индексом (*differential object indexing*) и дифференцированное маркирование предлогом (*differential object flagging*). Можно выделить три стратегии оформления переходной конструкции: маркирование объекта с помощью предлога *ka* (1), вершинное маркирование объекта (2), отсутствие маркирования (3). В отличие от близкородственного идиома тель-кепе, где возможно одновременное маркирование обоими типами маркеров [Coghill 2014], в христианском урмийском не встречается одновременное маркирование объекта суффиксом и предложной конструкцией, то есть примеры типа (4) являются аграмматичными.

- (1) *diva +bəkʔal=əl ka tavərta*
волк(М) убить.PROG=3М к корова(F)
'Волк убивает корову'.

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

- (2) *diva +bəkʰal-o=l tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-**P.3F**=3М корова(Ф)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’.
- (3) *yala +bəkʰal=əl katu*
 ребенок(М) убить.PROG=3М кошка(Ф)
 ‘Ребенок убивает кошку’.
- (4) **diva +bəkʰal-o=l ka tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-**P.3F**=3М **к** корова(Ф)-P.1SG
 Ожид.: ‘Волк убивает мою корову’.

Целью данного исследования является анализ факторов, влияющих на появление или отсутствие двух типов объектных маркеров: индексов и предлогов.

Материал для исследования был собран в с. Урмия в августе 2019 и 2021 гг. Он представлен корпусом устных текстов и элицитированными примерами. Выборка на основе текстов содержит 132 примера, на основе элицитации — 543 примера. Все вхождения размечены вручную по наличию или отсутствию маркирования объекта, его типу и следующим параметрам, типологически влияющим на объектную индексацию: время глагола, одушевленность и референциальный статус объекта, лицо и число объекта, лицо и число подлежащего, топикальность. Анализ полученных данных показывает следующие закономерности:

- 1) на маркирование предложной конструкцией (flagging) первостепенное влияние оказывает иерархия одушевленности: *ka*-конструкцией никогда не кодируется неодушевленный объект см. (5), при этом может кодироваться как одушевленный определенный объект, так и одушевленный неопределенный (в отличие от написанного в грамматике христианского урмийского [Khan 2016 2: 256]):
- (5) **baxta +xalul=əla ka šallakta*
 женщина(Ф) мыть.PROG=3F DAT дыня(Ф)
 ‘Женщина моет дыню’.
- 2) маркирование индексом на глаголе в первую очередь зависит от определенности: суффиксы (indexing) маркируют определенные объекты, неопределенные — крайне редко;

- 3) при одушевленных объектах какой-то из способов морфологического маркирования объекта используется почти всегда, для личных объектов чаще используется *ka*-конструкция (flagging), а для объектов-животных чаще используются суффиксы (indexing);
- 4) при отнесенности события к прошлому гораздо чаще наблюдается кодирование *ka*-конструкцией, чем при отнесенности к настоящему и будущему, где чаще появляется индексация;
- 5) суффиксы 1 и 2 л. используются крайне редко, но все же опознаются носителями как существующие.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; F — женский род; M — мужской род; P — посессивная серия личных показателей; PROG — прогрессив; SG — единственное число.

Литература

- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking. Iconicity vs. economy // Natural Language & Linguistic Theory. 2003. Vol. 21. № 3. P. 435–483.
- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // Linguistics. 2014. Vol. 52. № 2. P. 335–364.
- de Swart 2007 — P. de Swart. Cross-linguistic variation in object marking. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Haspelmath 2019 — M. Haspelmath. Indexing and flagging, and head and dependent marking // Te Reo. 2019. Vol. 62. № 1 (Issue in honour of Frantisek Lichtenberk). P. 93–115.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. Differential object marking. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Mulder 2014 — M. Mulder. Differential object marking in Semitic. Master's thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2014.

References

- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential object marking. Iconicity vs. economy. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. No. 3. P. 435–483.
- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 335–364.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic variation in object marking*. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Haspelmath 2019 — M. Haspelmath. Indexing and flagging, and head and dependent marking. *Te Reo*. 2019. Vol. 62. No. 1 (Issue in honour of Frantisek Lichtenberk). P. 93–115.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. *Differential object marking*. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. (Studies in Semitic languages and linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Lyavdanskiy 2009 — A. K. Lyavdanskiy. Novoarameyskiye yazyki [Neo-Aramaic languages]. *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.
- Mulder 2014 — M. Mulder. *Differential object marking in Semitic*. Master thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2014.

Daria Alfimova

Kiel University; Cluster of Excellence ROOTS, Kiel

CIRCUM-BALTIC OBJECT MARKING AGAINST A BROADER AREAL PERSPECTIVE

The problem of cross-linguistic comparison of argument coding has been attracting the attention of linguists at least since the seminal work by [Jakobson 1936]. Today, there are plenty of studies dedicated to it as well as such indispensable typological tools as ValPal [Hartmann et al. (eds.) 2013], BivalTyp [Say (ed.) 2020], the Slavic flagging database [Seržant et al. 2021]. The current study deals with the clustering of argument coding patterns in the Eurasian macroarea with a focus on the languages of the Circum-Baltic (CB) area. The study aims to find out whether the languages within the CB area have more coding patterns in common compared to the languages that are genealogically or areally related to them but do not belong to the area. In terms of the number of examined languages, my approach to coding patterns is broader than the one presented by Koptjevskaja-Tamm and Wälchli [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001] but less comprehensive than in recent works by Say [2014, 2018].

Method. My data is subsampled from the overall sample published in BivalTyp (accessed on July 14, 2021). I consider 105 predicates in 31 languages of Eurasia with ≥ 500000 speakers according to Ethnologue. Only 2% of the patterns missing in the overall sample are filled by me (considering all available sources including consultations with native speakers). To make coding patterns comparable, I suggest abstract concepts for the second arguments (P-arguments) of all predicates in the subsample, following the main ideas from [Levinson, Meira 2003; Haspelmath 2010]. For example, the Russian pattern *iz/s* + genitive and German *aus* + dative are getting labeled as FROM since in both languages these patterns are mostly used with motion verbs and denote the starting point of movement. The total amount of obtained labels for P-arguments is 21; the first arguments of the predi-

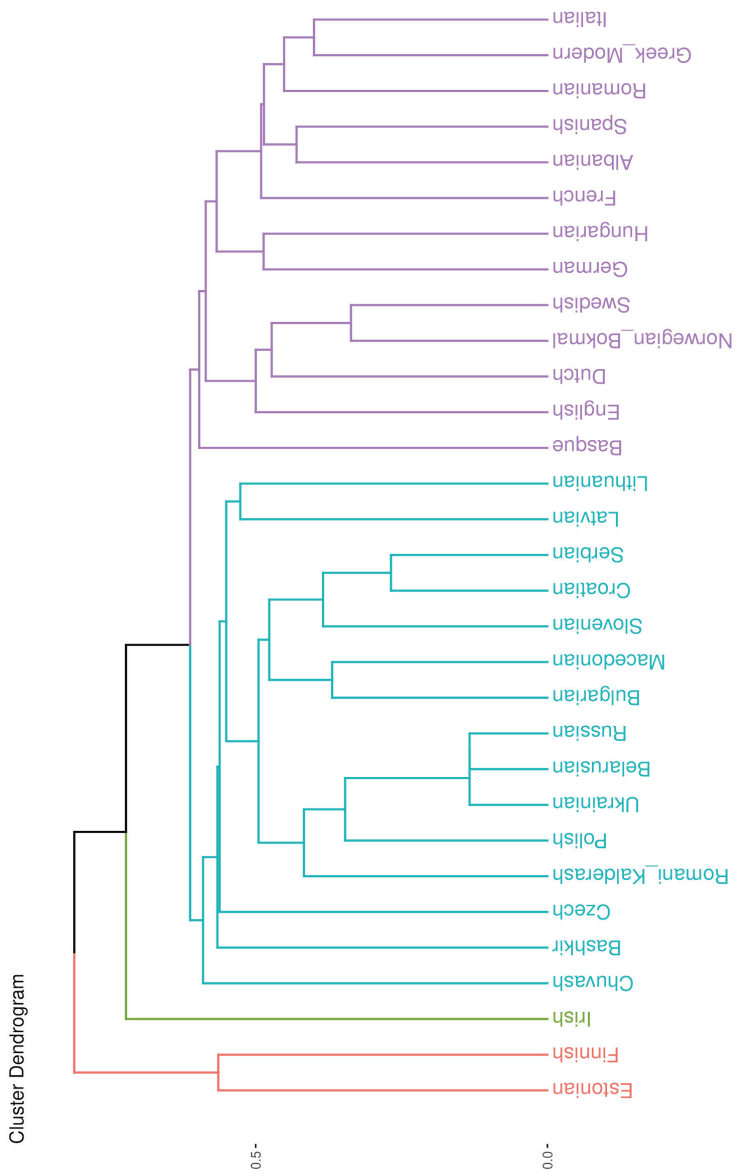

Figure 1. Cluster dendrogram for all languages of the subsample

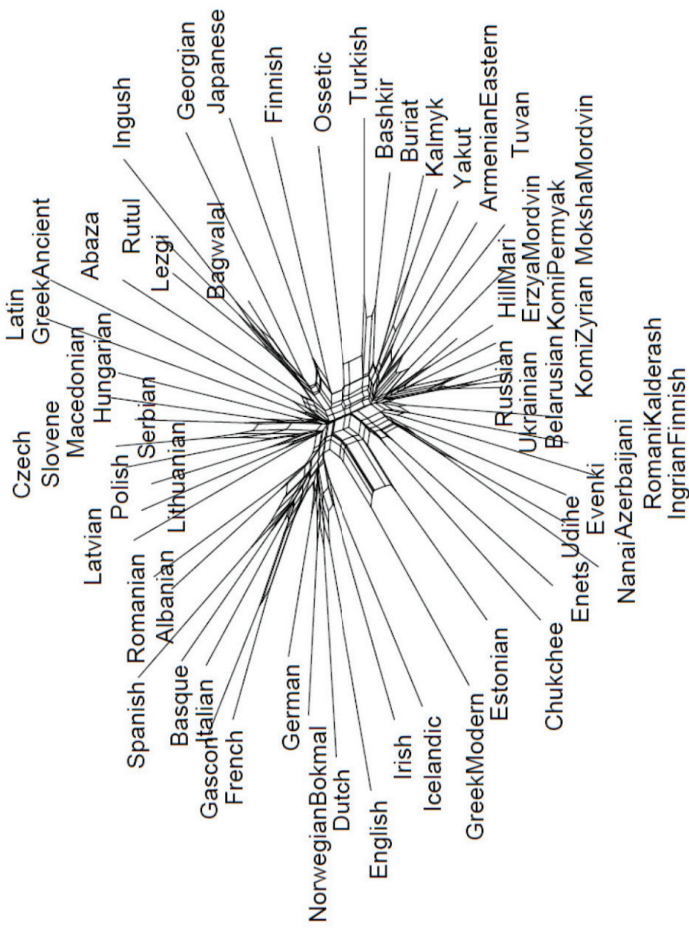

Figure 2. Visualization from Figure 8 from [Say 2018]

cates are not taken into account. The hierarchical clustering analysis is applied to the data drawing on the *hclust* function [R Core Team 2020]. The result is plotted in Figure 1 using the *factoextra* package [Kassambara, Mundt 2020].

Results and discussion. As Figure 1 shows, there is no solid opposition of CB languages vs. non-CB languages. Four clusters can be distinguished: 1) Northern-European Cluster (uniting Finnish and Estonian); 2) Insular Cluster (Irish only); 3) Central / Eastern-European Cluster (Balto-Slavic languages and some of the indigenous languages of Russia as well as Kalderash Romani; 15 in total); 4) Southern / Western-European Cluster (13 in total). This split has to be explained from both genealogical and areal perspectives. Genealogical clusters are clearly visible: Slavic and Germanic subclusters are essential parts of two separate larger clusters. It is noteworthy that the obtained distribution of Slavic languages corresponds to one from [Seržant et al. (to appear)]. Areal explanations apply to the node connecting the Balto-Slavic and two Turkic (Bashkir, Chuvash) languages, the German-Hungarian subcluster, and the “Balkanoic” subcluster consisting of Romance languages, Modern Greek and Albanian. As expected, this clustering partially overlaps with the result published by S. Say [Say 2018], cf. Figure 2 and Figure 1. In further research, more predicates should be examined (preferably with cross-linguistically diverse P-arguments coding).

References

- Hartmann et al. (eds.) 2013 — I. Hartmann, M. Haspelmath, B. Taylor (eds.). *Valency Patterns Leipzig*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at <http://valpal.info> (accessed on 03.09.2021).
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 3. P. 663–687.
- Jakobson 1936 — R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. 2: *Word and Language*. 1936. S. 23–71.
- Kassambara, Mundt 2020 — A. Kassambara, F. Mundt. *factoextra: Extract and Visualize the Results of Multivariate Data Analyses*. R package version

- 1.0.7. 2020. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=factextra> (accessed on 03.09.2021).
- Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm, B. Wälchli. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic languages*. Vol. 2: *Grammar and typology*. (Studies in Language Companion Series 55). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub., 2001. P. 615–750.
- Levinson, Meira 2003 — S. Levinson, S. Meira, The Language and Cognition Group. ‘Natural concepts’ in the spatial topological domain — Adpositional meanings in crosslinguistic perspective: An exercise in semantic typology. *Language*. 2003. Vol. 79. No. 3. P. 485–516.
- R Core Team 2020 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2020. Available at: <https://www.R-project.org/> (accessed on 03.09.2021).
- Say 2014 — S. Say. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language dynamics and change*. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 116–166.
- Say 2018 — S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov: Predvaritelnyye itogi tipologicheskogo issledovaniya [Bivalent predicates’ argument encoding: Preliminary results of a typological study]. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Valency classes of two-place predicates]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2018. P. 116–166.
- Say (ed.) 2020 — S. Say (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2020. Available at: <https://www.bivaltyp.info> (accessed on 03.09.2021).
- Seržant et al. 2021 — I. A. Seržant, B. Wiemer, E. Bužarovska, M. Ivanová, M. Makartsev, S. Savić, D. Sitchinava, K. Skwarska, M. Uhlik. Dataset for the paper “Areal and diachronic trends in argument flagging across Slavic”. Available at <https://zenodo.org/record/4749564#.YTLZ5I4zaUm> (accessed on 03.09.2021).
- Seržant et al. (to appear) — I. A. Seržant, B. Wiemer, E. Bužarovska, M. Ivanová, M. Makartsev, S. Savić, D. Sitchinava, K. Skwarska, M. Uhlik. Areal and diachronic trends in argument flagging across Slavic. Alignment and Alignment Change in the Indo-European Family. To appear.

Consuelo Sandoval Browne

University of Lisbon, Lisbon

**CODING STRATEGIES OF SEMANTIC FEATURES
IN DEMONSTRATIVE SYSTEMS:
CROSS-LINGUISTIC PATTERNS**

Demonstrative systems have motivated multiple typological studies both because of their universality across the world's languages and because of their wide variation [Anderson, Keenan 1985; Dixon 2003; Imai 2003]. In the major cross-linguistic study on this topic, [Diessel 1999] points out that, from a semantic perspective, demonstrative systems can code two types of features. On one side, they can code deictic features, such as spatial distance, movement, visibility, elevation, and geography. On the other side, demonstrative systems can code qualitative features, such as animacy, sex, ontology, number, and boundedness. Based on South American data, [Krasnoukhova 2014] adds four additional features: physical properties, posture, possession, and temporal distinctions.

However, there are no studies that specifically address the coding strategy of these semantic features in the demonstrative systems of the world's languages. Furthermore, there are no studies that address a hypothetical relation between the semantic nature of the features and their coding strategy. The present work aims to do so by describing the coding strategies of semantic features in a 100-language sample, considering the world's five macro-regions. The study analyzed secondary data taken from bibliographical sources of the considered languages.

The data show that there seems to be a relation between the semantic nature of the features and the morphological strategy used to code them, as shown in the following pattern. The more deictic the feature, the more deictic is the morpheme that codes it, which can be a demonstrative root or a deictic affix (an affix that only attaches to deictic roots). As shown in (1), the features of spatial distance in (1a) and geo-

metry in (1b) are coded in the demonstrative roots, while geography in (1c) is coded by the suffix *-wi*, which only attaches to demonstratives.

(1)	a. <i>nua</i>	b. <i>wini</i>	c. <i>neH-wi</i>
	DEM:proximal	DEM:up	DEM-uphill
	‘this’	‘this up’	‘this uphill’
	Hmong Njua	Lezgi	Miwok
	[Kunyot 1984: 74]	[Haspelmath 1993: 190]	[Broadbent 1964: 94]

Consequently, the more qualitative the feature, the more non-deictic, and therefore inflectional, is the morpheme that codes it. This is the case of (2a–c) where the features of number, shape, and animacy are coded by the suffixes *-naka*, *-lù*, and *-ha*, respectively, all belonging to the nominal inflectional morphology of the respective languages.

(2)	a. <i>uka-naka</i>	b. <i>á-lù</i>	c. <i>ne-ha</i>
	DEM:medial-PL	DEM:proximal-CL:long	DEM-CL:inanimate
	‘those’	‘this long’	‘this inanimate’
	Muylaq’ Aymara	Lucazi	Yuchi
	[Coler 2014: 103]	[Fleisch 2000: 90]	[Linn 2001: 400]

Regarding half-way features, whose determination depends on properties of both the deictic situation and the referent, the data show that they are coded either by deictic affixes, as the feature of visibility, coded by *-pe* in (3a), or by inflectional-like affixes. In fact, these kinds of features are often coded by deictic classifiers, i.e. morphemes that characterize the referents but are not part of the nominal inflectional morphology of the languages. This is the case of features like posture and movement in (3b-c), coded by *da’-* and *han-*, respectively.

(3)	a. <i>ame-pe</i>	b. <i>da’-m’e</i>	c. <i>han-na</i>
	DEM:distal-INV	CL:vertical-	CL:movement-
		DEM:proximal	DEM:proximal
	‘this non visible	‘this standing’	‘this coming’
	Daga	Pilaga	Selk’nam
	[Murane 1974: 39]	[Vidal 2001: 122]	[Rojas Berscia 2014: 78]

Finally, there seems to be another general pattern: languages whose demonstrative systems code multiple qualitative features also tend not to code many deictic features. Likewise, languages whose demonstrative systems code multiple deictic features tend not to code qualitative features.

Abbreviations

CL — classifier; DEM — demonstrative; INV — invisible; PL — plural.

References

- Anderson, Keenan 1985 — J. Anderson, E. Keenan. Deixis. T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 3: *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 259–308.
- Broadbent 1964 — S. M. Broadbent. *The Southern Sierra Miwok language*. (University of California Publications in Linguistics 38). Berkeley: University of California Press, 1964.
- Coler 2014 — M. Coler. *A grammar of Muylaq' Aymara: Aymara as spoken in Southern Peru*. Leiden: Brill, 2014.
- Diessel 1999 — H. Diessel. *Demonstratives: Form, function, and grammaticalization*. (Typological Studies in Language 42). Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Dixon 2003 — R. M. W. Dixon. Demonstratives. A cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. No. 1. P. 61–112.
- Fleisch 2000 — A. Fleisch. *Lucazi Grammar. A Morphosemantic Analysis*. Köln: Rüdiger Köppe, 2000.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. (Mouton Grammar Library 9). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Imai 2003 — Sh. Imai, Shingo. *Spatial deixis*. PhD thesis. Buffalo, NY: State University of New York at Buffalo, 2003.
- Krasnoukhova 2014 — O. Krasnoukhova. The Noun Phrase: Focus on demonstratives, redrawing the semantic map. L. O'Connor, P. Muysken (eds.). *The native languages of South America: Origins, development, typology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 250–273.
- Kunyot 1984 — T. Kunyot. *General characteristics of Hmong Njua grammar*. Master's thesis. [Nakhon Pathom]: Mahidol University, 1984.
- Linn 2001 — M. S. Linn. *A Grammar of Euchee (Yuchi)*. PhD thesis. S. I.: University of Kansas, 2001.
- Murane 1974 — E. Murane. *Daga grammar: From morpheme to discourse*. (Summer Institute of Linguistics Publications in Linguistics and related Fields 43). Norman: Summer Institute of Linguistics, 1974.

- Rojas Berscia 2014 — L. M. Rojas Berscia. *A heritage reference grammar of Selk'nam*. Master's thesis. Nijmegen: Radboud University, 2014.
- Vidal 2001 — A. Vidal. *Pilagá grammar (Guaykuruan family, Argentina)*. PhD thesis. Eugene, OR: University of Oregon, 2001.

Matteo Greco

University School for Advanced Studies IUSS Pavia, Pavia

**THE ITALIAN NEGATIVE SYSTEM:
FROM LATIN TO CONTEMPORARY USES**

In this paper, I will focus on the system of Modern Italian negative structures showing that most of its negative polarity phenomena are consequences of a crucial change that occurred in Archaic Latin: the Latin negative morpheme *nōn* ('not'), which initially displayed a maximal projection status [Gianollo 2016, 2017], became a syntactic (negative) head ('*Spec-to-head principle / Head Preference Principle*', cf. [van Gelderen 2004]). I will argue that such a change caused the shift from a double negation system (1a) to a negative concord one (1b), which affects the colloquial Latin and many Romance languages (and their dialects) [Ledgeway 2012].

- (1) a. *nemo non videt*
nobody not sees
'Everyone sees'. (Cic., Laelius de Amicitia 99.6)
- b. *Iura te non nociturum esse*
swear.IMP.2SG you.CL not to_hurt.FUT to_be
homini (...) *nemini*...
human_being.DAT nobody.DAT
'Swear that you won't harm anyone...' (Plauto, Miles Gloriosus, 1411)

Moreover, I will also propose that the shifting in the syntactic nature of the morpheme *nōn* also determines the availability of the expletive reading of negation in Italian, as well as in other Romance languages (ex. French). More specifically, I will suggest a new generalization: only languages (and structures) displaying a negative head can allow the expletive interpretation of negation. Consider, for example, Italian, English and French:

- (2) a. *Rimarrò alla festa finché non arriva Gianni*
 stay.1SG.FUT to-the party until neg arrives John
 ‘I will stay at the party until John arrives’.
- b. *I will stay at the party until John (*not) arrives*
- c. *Je ne nie pas [que je n’ aie été bien reçu]*
 I NEG den NEG that I neg have been well received
 ‘I do not deny that I was received well’.

As is well known [Merchant 2001; Zeijlstra 2004], Italian *non* (‘not’) is the head of a NegP and it allows expletive negation. On the other hand, English *not* is a maximal projection and, therefore, it does not allow expletive negation. French displays both a negative head (*ne*) and a maximal projection (*pas*), both constituting a single instance of negation by being generated in the same NegP [Kayne 1989]. Crucially, expletive negation in the subordinate clause ‘*je n’aie été bien reçu*’ only displays the negative head *ne*, excluding the element with the maximal projection status *pas* [Greco 2020].

Finally, I will also discuss some of the new uses of negative constructions in the spirit of Horn’s approach [Horn 1989]. More specifically, I will shed light on the rearrangement of the Italian negative system which shows some phenomena that are typical of double negation languages:

- (3) a. *Nessuno non possiede un televisore!*
 nobody not owns a television
 ‘Everybody owns a television!’
- b. *Metti un po’ di musica leggera*
 put a little of music light
perché ho voglia di niente
 because I.have desire of nothing
 ‘Put on some easy listening songs because I feel like nothing’. (*Musica leggerissima*, Colapesce e Dimartino’s song, Sanremo Music Festival 2021)

Sentences in (3) are not grammatical in Standard Italian, but they can be used in oral forms. They instantiate cases of double negation interpretation, since in (3a) two negative objects give an affirmative meaning and in (3b) the negative word *niente* (‘nothing’) occurs in

isolation to deny a sentence. Both the cases are usually forbidden in Standard Italian (4a–c) [Zanutini 1997], which requires a negative concord configuration, where the negative morpheme *non* ('not') precedes the neg-word (4b–d):

- (4) a. **Nessuno non viene*
nobody not comes
'Nobody comes'.
b. *Non viene nessuno*
not comes nobody
'Nobody comes'.
c. **Ho voglia di niente*
I.have desire of nothing
d. *Non ho voglia di niente*
NEG I.have desire of nothing
'I don't want anything'.

I will show that such changes are syntactically guided and they closed the Jespersen's cycle, turning back to the original form of negation as maximal projection status.

Abbreviations

1, 2 — 1st, 2nd person; CL — clitic; DAT — dative; FUT — future; IMP — imperative; SG — singular.

References

- van Gelderen 2014 — E. van Gelderen. Economy, Innovation, and Prescriptivism: From Spec to Head and Head to Head. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 2014. Vol. 7. P. 59–98.
Gianollo 2016 — Ch. Gianollo. Negation and indefinites in Late Latin. *Pallas*. 2016. Vol. 102. P. 277–286.
Gianollo 2017 — Ch. Gianollo. Focus-sensitive negation in Latin. *Catalan Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 16. P. 51–77.
Greco 2020 — M. Greco. On the syntax of Surprise Negation Sentences: A case study on Expletive Negation. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2020. Vol. 38. No. 3. P. 775–825.

- Horn 1989 — L. R. Horn. *A natural history of negation*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Kayne 1989 — R. S. Kayne. Null Subjects and Clitic Climbing. O. A. Jaeggli, K. J. Safir (eds.). *The Null Subject Parameter*. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 239–269.
- Ledgeway 2012 — A. Ledgeway. *From Latin to Romance: Morphosyntactic typology and change*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Merchant 2001 — J. Merchant. *Why no(t)*. University of Chicago, 2001. Manuscript. Available at: http://home.uchicago.edu/merchant/pubs/why_not.pdf (accessed on 15.04.2021).
- Zanuttini 1997 — R. Zanuttini. *Negation and clausal structure: A comparative study of Romance languages*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Zeijlstra 2004 — H. Zeijlstra. *Sentential negation and negative concord*. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2004.

Daniar Kasenov

HSE University, Moscow

INDEXICAL SHIFT AND MONSTROUS AGREEMENT IN BALKAR¹

Indexical shift is a phenomenon of indexicals referring to parameters of embedded speech act: in (1)–(2) pronouns *men* ‘I’ and *sen* ‘you’ refer to Alim and Rosa, which are not the participants of the discourse, in which the sentences are uttered, but rather the embedded one. In this talk, I will provide a description of this phenomenon in Balkar (< Turkic).²

(1) *Alim men xicin aša-kan-ma de-gen-di*
Alim.NOM I.NOM khicin eat-PF-1SG say-PF-3SG
‘Alim_i said that he_i ate a khicin’.

(2) *Alim Rosa-ka sen aurkan ete-se*
Alim.NOM Rosa-DAT you.NOM sick COP-2SG
dep ayt-xan-di
COMP say-PF-3SG
‘Alim told Rosa_i that she_i was sick’.

As noted for other languages [Deal 2020], shifted indexicals in Balkar are obligatorily interpreted *de se*: for the shift to be felicitous conscious ascription of property should take place.

(3) *Alim men aurup tur-a-ma de-gen-di*
Alim.NOM I.NOM sick be-IPFV-1SG say-PF-3SG
#^c‘Alim said that he was sick’.

Context: Alim is a doctor. He looks at anonymized exam results and says, ‘This person is sick’, but, unbeknownst to him, it’s his own results.

¹ Linguistic data was collected with the support of the grant 19-012-00627a provided by RFBR.

² The data was gathered via author’s fieldwork.

- (4) *Alim Rosa-ka sen aurkan ete-se*
Alim.NOM Rosa-DAT you.NOM sick COP-2SG
dep ayt-xan-di
COMP say-PF-3SG
#‘Alim told Rosa_i that she_i were sick’.

Context: Alim and Fatima are doctors. Alim looks at anonymized exam results and says to Fatima, ‘This person is sick’, but, unbeknownst to him, it’s her own results.

Indexical shift in Balkar is also not obligatory and is subject to the SHIFT TOGETHER generalization [Anand 2006]: all indexicals in a domain should be either shifted or not.

- (5) *Alim men-i ana-m maya uruř-xan-di*
Alim.NOM I-GEN mom-POSS.1SG me.DAT scold-PF-3SG
dep ajt-xan-di
COMP say-PF-3SG
‘Alim_i said that his_i mother scolds him_i’.
*‘Alim_i said that my_j mother scolds him_i’.
*‘Alim_i said that his_i mother scolds me_j’.
‘Alim_i said that my_j mother scolds me_j’.

Like in Mishar Tatar [Podobryaev 2014], Balkar allows for agreement shift, independent of indexical shift [Sundaesan 2011] dubs this phenomenon ‘monstrous agreement’). Example (6) shows that agreement may shift without indexicals shifting: it cannot be agreement with shifted silent *pro* because of the SHIFT TOGETHER generalization.

- (6) *Alim men-i sü-e-me de-gen-di*
Alim.NOM I-ACC love-IPFV-1SG say-PF-3SG
‘Alim_i said that he_i loves me_j’.

Balkar also behaves like Tamil [Sundaesan 2011] in allowing monstrous agreement with a logophoric element, in this case a long-distance reflexive *kesi*. Also note that (7) is obligatorily read *de se*, being illicit in context from (3).

- (7) *Alim kesi aurup tur-a-ma de-gen-di*
Alim.NOM SELF.NOM sick be-IPFV-1SG say-PF-3SG
‘Alim said that he was sick’.

[#]Context: Alim is a doctor. He looks at anonymized exam results and says, ‘This person is sick’, but, unbeknownst to him, it’s his own results.

This behavior shows that separate analyses are needed for these two phenomena, albeit similar ones. Following [Anand, Nevins 2004], I assume an operator-based analysis of indexical shift: there is an operator in the syntactic-semantic structure that overwrites the context, changing the referents of indexicals to the participants of the embedded speech act.

(8) $OP_{\text{SHIFT}}: \{\text{Speaker, Addressee}\} \rightarrow \{\text{Alim, Rosa}\}$ (simplified)

As for the agreement shift, I follow Messick [2020] and propose that Balkar 1st person agreement marker may spell out the $\langle +\text{Author}, -\text{C} \rangle$ feature, which, when present on DPs, should be bound by a left periphery operator OP_{COMP} (giving rise to a *de se* interpretation, cf. [Anand 2006]).

This is also supported by the example (9): it shows that 1st person agreement is available when the speaker uses 3rd person DPs to self-ascribe.

(9) *teli qart zanzil-di-m*
 dumb old.NOM make_mistake-PST-1SG
 ‘The old idiot (= the speaker) made a mistake’.

Importantly, this gives us a reason to pursue a uniform analysis of both imposters and monstrous agreement phenomena. As [Podobryaev 2014] has shown, imposters are unable to c-command any 1st person DP, which results in a ban of 1st person DPs in the c-command domain of an imposter operator [Ibid.]:

(10) **Yours faithfully sees myself as a linguist*

The monstrous agreement phenomena are similar in some respect: they allow 3rd person DPs (namely, reflexives) to refer to the current speaker, while making 1st and 2nd person DPs refer to something else (namely, the participant of the main speech act). To account for that I propose that the imposter operator is the same operator that licenses the $\langle +\text{Author}, -\text{C} \rangle$ feature. The ban on 1st and 2nd person DPs in c-

command domain follows from their inability to spell out their feature together with the (+Author, -C) feature.

In my talk I will elaborate on this analysis and put Balkar shifty phenomena into a wider typological perspective.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ACC — accusative case; COMP — complementizer; COP — copula; DAT — dative case; GEN — genitive case; IPFV — imperfective; NOM — nominative case; PF — perfective; POSS — possessive; PST — past; SELF — anaphor; SG — singular.

References

- Anand 2006 — P. Anand. *De de se*. PhD thesis. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2006.
- Anand, Nevins 2004 — P. Anand, A. Nevins. Shifty operators in changing contexts. *Semantics and linguistic theory*. 2004. Vol. 14. P. 20–37.
- Deal 2020 — A. R. Deal. *A theory of indexical shift: Meaning, grammar, and crosslinguistic variation*. (Linguistic inquiry monographs 82). Cambridge: MIT Press, 2020.
- Messick 2020 — T. Messick. *On apparent pronominal feature contradictions: Shifty agreement in Telugu and beyond*. Manuscript. S. l.: Rutgers University, 2020.
- Podobryaev 2014 — A. Podobryaev. *Persons, imposters, and monsters*. PhD thesis. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2014.
- Sundaresan 2011 — S. Sundaresan. A plea for syntax and a return to first principles: monstrous agreement in Tamil. *Semantics and Linguistic Theory*. 2011. Vol. 21. P. 674–693.

Luis Filipe Lima e Silva, Veronique Douzaka Pahimi

*Federal University of Espírito Santo, Vitória /
Federal University of Minas Gerais, Belo Horizonte*

GRAMMATICALIZATION OF THE REFLEXIVE AND MIDDLE VOICE MARKERS IN MUNDANG (NIGER-CONGO)

Mundang is a language from the Niger-Congo family, group Adamawa-Ubangi, subgroup Mbum. Adamawa-Ubangi languages are still less described by linguists, especially Mundang [Elders 2000, 2006; Mairama 2012]. Mundang is spoken in Chad and Cameroon by a total of 395,700 speakers [Eberhard, Simons, Fennig (eds.) 2021]. In this work, we analyse a grammaticalization phenomenon in this language, i.e., the development of the reflexive and middle voice markers from the body-part construction [*sùù* + POSS], where *sùù* literally means ‘body’. Reflexive voice conceptualizes two identical participants equaling both of them in the same structure. For instance, in (1) both who saw and who has been seen has the same referent, i.e., Mary. On the other hand, middle voice is understood as the structure in which there is a verb denoting a situation where the subject acts on itself, being associated both to the the actor and to the undergoer of the action the verb expresses (cf. [Kemmer, 1993; Zúñiga, Kittilä 2019]). The example (2) illustrates this assumption, where the subject John is both the actor and the undergoer at the same time of the action of getting up.

- (1) *Mary saw herself in the mirror.*
- (2) *John got up from his chair.*

In Mundang, reflexivity is expressed by the body-part construction [*sùù* + POSS]. In some cases, it can exhibit a literal meaning as in (3). We hypothesized that this context could have triggered the reanalysis of this construction into a reflexive marker, since in (4), for instance, just a reflexive interpretation is available:

- (3) *Mè kò sùù bè*
1.SG see:VN body POSS.1.SG
'I see my body / I see myself'.
- (4) *Elena goN sùù ahe*
E. cut body POSS.3.SG
'Elena cut herself'.

It is worth mentioning that this is something presupposed in the course of grammaticalization process. According to [Heine 2000: 11], "there will be a phase of overlap between the earlier stage and the later stage, which means that during this phase exists ambiguity between the two meanings concerned". It is possible to check that the possessive must agree with the subject of the sentence, which demonstrates that it is the construction [*sùù* + POSS] that grammaticalizes and not the lexical items separately [Traugott, Trousdale 2013]. This construction grammaticalizes also into a middle voice marker occurring in the following middle domain situation types [Kemmer 1993]:

(i) Body care

- (5) *Maria bu fa sùù ahe*
M. put thing body POSS.3.SG
'Maria got dressed'.

(ii) Non-translational motion

- (6) *Bébé cee sùù ahe*
child turn body POSS.3.SG
'The child turned around'.

(iii) Spontaneous events (including anticausative uses)

- (7) *Zafaa cUo sùù ahe*
door close body POSS.3.SG
'The door closed'.
- (8) *guó cie sùù ahe*
dog curl body POSS.3.SG
'The dog curled up'.

In what regards the example (7), the evolution of a reflexive marker into an anticausative marker is common across some lan-

guages, as states [Kuteva et al. 2019: 61]: “Reflexive markers constitute one common source for anticausative markers”. Other situation types identified by [Kemmer 1993] as pertaining to the middle domain aren’t marked in Mundang with the construction [*sùù* + POSS], such as change in body posture, translational motion, and emotion middle. It is important to say that this construction hasn’t grammaticalized (yet) as a reciprocal marker, as occurs in other languages, possibly because there is already a morpheme that acts exclusively as a reciprocal marker.

Finally, this research shows the cline of grammaticalization of the construction [*sùù* + POSS] in Mundang follows the path similar to other African languages [Kuteva et al. 2019; Heine 2000]: reflexive > middle > anticausative.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; POSS — possessive; SG — singular; VN — verbal noun.

References

- Eberhard, Simons, Fennig (eds.) 2021 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). 2021. *Ethnologue: Languages of the World*. 24th ed. Dallas, TX: SIL International. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed on 01.10.2021).
- Elders 2000 — S. Elders. *Grammaire Mundang*. Leiden: Research School CNWS, 2000.
- Elders 2006 — S. Elders. Issues in comparative Kebi-Benue (Adamawa). *Africana Linguistica*. 2006. Vol. 12. P. 37–88.
- Heine 2000 — B. Heine. Polysemy involving reflexive and reciprocal markers in African languages. Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). *Reciprocals: Forms and functions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 1–30.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The middle voice*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Ree. *World Lexicon of Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

- Mairama 2012 — R. Mairama. *Étude comparée des systèmes linguistiques du français et du mundang: implications didactiques et pédagogiques*. PhD thesis. Ngaoundéré: Université de Ngaoundéré, 2012.
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and constructional changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Zúñiga, Kittilä 2019 — F. Zúñiga, S. Kittilä. *Grammatical voice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Natalia Logvinova

ILS RAS, Saint Petersburg

COPULA AGREEMENT HIERARCHY IN URMI NORTH EASTERN NEO-ARAMAIC DIALECT

1. Introduction

In the Urmi Northeastern Neo-Aramaic dialect, the copula basically agrees with the subject NP. Where there is no overt controller (*kárt=əla* ‘it is cold’), agreement is feminine singular [Khan 2016].

As this study will show, the rule of subject agreement does not always apply in constructions with defective controllers [Corbett 2006], e.g., controllers lacking a grammatical gender and person (like clauses etc.), as well as in constructions with number incongruency. Rather, the agreement rules can be formulated as a hierarchy of features not taking into account the syntactic roles.

The data were collected in the village Urmiya (Krasnodar Krai, Russia) in August 2021¹.

2. Copula agreement with defective controllers

2.1. Type “PP—NP”

The first type of the defective controller is prepositional phrase. This type of construction is exemplified in (1):

- (1) *dápn=ət duccána madrás=əla*
side(F)=REL shop(M) school(F)=3F
‘{What is next to the shop?}
Next to the shop is the school’.

¹ This study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research: “Documentation of Northeastern Neo-Aramaic spoken in Russia”, grant No. 20-012-00312.

Table 1. Agreement in the “PP—NP” type

Gender of the NP within subject PP	Gender of the predicate NP	Agreement	
		M	F
F	M	7	6
M	F	3	9

There are no clear agreement rules if the subject-like PP contains a feminine noun, while the NP in the predicate position is masculine. The majority of examples with the opposite gender distribution show feminine copula, which can be most probably regarded as the case of default agreement.

2.2. Type “NP—CLAUSE”

In this type of construction, the copula is either attached to the NP in the S position (conversely to the basic rule for copula to follow the P constituent) or omitted:

- (2) *mən culla yaccə xadıyt=əla*
 from all enormous.F pleasure(F)=3F
kat at tıyy=ət
 CMPL you come.RES.M=2M
 ‘The greatest joy is that you came’.

Table 2. Agreement in “NP—CLAUSE” type

Tense	Gender of the noun in S	Agreement		
		M	F	0
present	F	0	7	3
	M	3	0	3
future	F	0	8	0
	M	4	3	0

In the present tense, the copula either agrees with the S constituent, or is omitted. If the copula is replaced with a form of the verb *avə* ‘to be’ in the future tense, this form can have both feminine and masculine agreement if an NP in the S position is masculine.

2.3. Type “CLAUSE—NP”

- (3) *mán áha víd=ələ áha yácca*
 who DEM1.SG do.RES=3M DEM1.SG enormous.M
⁺*bukár=ələ*
 question(M)=3M
 ‘Who has done it is a big question’.

Table 3. Agreement in “CLAUSE—NP” type

Tense	Gender of the NP in P	Agreement	
		M	F
present	M	7	2
	F	1	8
future	M	7	1
	F	2	6

In constructions of this type, the copula predominantly (15 cases out of 18) agrees with the predicate NP in the present tense. The same is true for the future form of the verb *avə* ‘to be’.

2.4. Other constructions with S constituent deprived of agreement features

In (4), the S does not have any agreement features in principle:

- (4) *smúka mən cúllə šapíra ráng=əl*
 red.M from all beautiful.M colour(M)=3M
 ‘Red is the most beautiful colour’.

Table 4. Agreement in other cases

Type of the S	Gender of the predicate NP	Agreement		
		F	M	0
Adjective	M	2	5	1
Numeral	M	1	5	2
Adverb	F	4	0	3
	M	2	0	4

With adjectives and numerals in the S position, there is a strong tendency for the copula to agree with the predicate NP, while with adverbial subjects, the copula is either omitted or feminine.

2.5. Copula agreement with number incongruence

In constructions with a plural predicate NP and a singular subject NP, the agreement is predominantly (11 cases out of 15) with the predicate NP:

- (5) *mən cúllə yáccə davólt-i*
from all enormous.F wealth(F)-P.1SG
áyya ⁺xorovát=əna
DEM2.F friend(M).PL=3PL
'My greatest treasure are my friends'.

3. Conclusion

To complete the picture, the following rule should be added: if a predicate NP is a 1st or 2nd person pronoun, it attracts agreement [Logvinova 2020]. Thus, the agreement rules for Urmi NENA can be formulated as follows:

- (6) 1/2SG > 3PL > 3F > 3M

As was shown above, these rules apply regardless of what constituent is a subject or complement of the copula. So, if the subject constituent lacks agreement features altogether, copula can well agree with the predicate constituent or can be default feminine singular.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; CMPL — complementizer; DEM1 — demonstrative of the first type; F — feminine; M — masculine; P — possession; PL — plural; REL — relator; RES — resultative; SG — singular.

References

Corbett 2006 — G. Corbett. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Logvinova 2020 — N. N. Logvinova. Neglagolnaya predikatsiya v urmiyskom novoarameyskom dialekte [Non-verbal predication in the Urmi North-eastern Neo-Aramaic dialect]. E. A. Zabelina, N. N. Logvinova (eds.). *XVII Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Sbornik tezisov (Sankt-Peterburg, 19–21 noyabrya 2020 g.)* [The 17th Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 19–21, 2020)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2020. P. 77–80.

Chiara Naccarato

HSE University, Moscow

PREDICATIVE POSSESSION IN EAST CAUCASIAN LANGUAGES

Predicative possession in East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages is expressed by syntactically intransitive constructions in which the possessed noun phrase is the morphosyntactic subject of an existential verb, while the possessor noun phrase is marked by an oblique case form, as in (1).

- (1) Standard Lezgian (Lezgić)

i q'üzek.a-qb qhsan xzan awa
DEM old_man.OBL-POST good family be_in

'This old man has a good family'. [Haspelmath 1993: 93]

Within the typological classification of predicative possession by [Stassen 2009, 2013], East Caucasian languages fall into the "Oblique Possessive" group, and both subtypes, i.e. the "Locational Possessive" and the "Genitive Possessive", are represented, cf. (1) and (2).

- (2) Mehweb (Dargwa)

musa-la le-b qali
Musa-GEN COP-N house

'Musa has a house'. [Chechuro 2019: 61]

In most cases two strategies are available for the expression of predicative possession in one and the same language. In some languages a locative form is used alongside the genitive to mark the possessor, while in other languages the choice is between two locative forms. Daniel & Ganenkov [2009: 684] detect an areal and genealogical distribution of the available options: a) genitive only for Dargwa and Archi (Lezgić); b) genitive vs. locative marking for Andic and Tsezic; and c) two different locative forms for Lezgić. For cases like

b) and c), the authors explain the occurring variation in terms of a permanent vs. temporary possession contrast, cf. (3).

(3) Bagvalal (Andic)

di-b / *di-č'* *tup ek'wa*

I.OBL-N(GEN) / I.OBL-CONT gun COP

'I have a gun (I possess a gun) / I have got a gun (someone else's) with me'. [Daniel 2001: 227]

Although similar explanations are adduced by several scholars with respect to different groups of the East Caucasian family, in some cases this contrast does not seem so clear-cut. According to [Pasquereau 2010: 31], in Karata (Andic) one and the same locative form (contesive *-č'o*) is used to mark both permanent and temporary possession. In addition, another locative form (apudessive *-q:*) is reported to mark the possessor [Ibid.: 47]. All examples of possessive usages of such locative forms in [Pasquereau 2010] include contexts in which a locative reading of the event is still possible in principle (4), whereas examples of prototypical permanent possession from [Magomedbekova 1971; Magomedova, Khalidova 2001] show that the possessor noun phrase is consistently marked by the genitive.

(4) Karata (Andic)

di-č'o *ɣarse b-ik'-o-χoror*

I.OBL-CONT money N-be-PFV.PTCP-COND

den-a ha-b x:wane b-ah-as b-ik'wa

I-ERG DEM-N horse N-buy-FUT N-be(PFV)

'If I had money, I would buy this horse'. [Pasquereau 2010: 31]

In this study, I classify East Caucasian languages according to the strategy(ies) they employ to mark predicative possession based on data from available grammars and dictionaries. The main goals are: a) to verify the areal and genealogical clusters identified by [Daniel, Ganenkov 2009: 684], and b) for languages with a supposedly permanent vs. temporary possession contrast, to check whether the data confirm this distribution. Preliminary results suggest that, at least in some of the languages, this contrast is quite blurred, and what is usually classified as temporary possession might be more appropriately described in terms of a spatial perspective on the possessive relation [Daniel 2020].

Abbreviations

COND — conditional; CONT — concessive; COP — copula; DEM — demonstrative; ERG — ergative; FUT — future; GEN — genitive; N — neuter; OBL — oblique stem; PFV — perfective; POST — postessive; PTCP — participle.

References

- Chechuro 2019 — I. Chechuro. Nominal morphology of Mehweb. M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). *The Mehweb language. Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, 2019.
- Daniel 2001 — M. Daniel. Padezh i lokalizatsiya [Case and localization]. Aleksandr Kibrik et al. (eds.). *Bagvalinskiy yazyk. Grammatika, teksty, slovari* [The Bagvalal language. Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Naslediye, 2001. P. 203–230.
- Daniel 2020 — M. Daniel. *Nominal spatial morphology in East Caucasian languages*. Lecture given at the Online Course on East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages. Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow, 28.10.2020.
- Daniel, Ganenkov 2009 — M. Daniel, D. Ganenkov. Case marking in Daghestanian: Limits of elaboration. A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. P. 668–685.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- Magomedbekova 1971 — Z. M. Magomedbekova. *Karatinskiy yazyk* [The Karata language]. Tbilisi: Mecniereba, 1971.
- Magomedova, Khalidova 2001 — P. T. Magomedova, R. Sh. Khalidova. *Karatinsko-russkiy slovar* [Karata-Russian dictionary]. Makhachkala: IJaLI, 2001.
- Pasquereau 2010 — J. Pasquereau. *Formes spatiales des noms en karata: emplois spatiaux et non-spatiaux*. MA thesis. Lyon: Université Lumière Lyon II, 2010.
- Stassen 2009 — L. Stassen. *Predicative possession*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.
- Stassen 2013 — L. Stassen. Predicative Possession. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/117> (accessed on 26.08.2021).

Anastasia Panova

HSE University, Moscow

TOWARDS A TYPOLOGY OF CONTINUATIVE EXPRESSIONS

The term *continuative expressions* refers to linguistic elements which indicate that a situation denoted by the predicate started to hold before reference point and holds at reference point. Introductory examples of such expressions are given in (1)–(3).

- (1) Spanish (Indo-European [van der Auwera 1998: 30])
Juan duerme todavía.
Juan sleeps **still**
'Juan is still asleep'.
- (2) Balanta-Ganja (North-Central Atlantic [Creissels, Biaye 2016: 201])
bá-n-tígtà-nà *yâaθ.*
INCL-INACP-AUX_{CONT}-INCL work
'Nous (incl.) continuons de travailler'. ('We keep working'.)
- (3) Yine (Arawakan [Hanson 2010: 245]; glosses adapted)
r-halna-wa
3-fly-IPF
'He is still flying' / 'He continues flying'.

In this paper, continuative expressions are analyzed according to several parameters in a balanced sample of 120 languages. To find information concerning each individual continuative expression I used grammatical descriptions, dictionaries and parallel texts. The research questions, addressed in the paper, deal with the problem of structural diversity and, in Dryer's terms [Dryer 1989], linguistic preferences. Specifically, I try to find out what natural classes of continuative expressions can be distinguished cross-linguistically in terms of their

synchronic properties and diachronic origin and what classes of continuative expressions are preferable in language. Some of the observations which I made based on the analysis of the collected data are listed below.

- 1) In terms of morphosyntactic properties of continuative expressions, I suggest that in most languages it is possible to encode continuative semantics by an adverbial phrase. However, many languages also develop continuative auxiliaries and/or continuative affixes; this is more typical of languages which have an elaborate system of auxiliaries and/or affixes.
- 2) Continuative expressions vary in degree of grammaticalization (in terms of frequency and obligatoriness). A preliminary analysis of parallel texts (translations of the Gospel of Luke) confirms that, while some continuative expressions appear one time in the text, others may appear in the same text up to 12 times.
- 3) Continuative expressions are possible only with stative predicates (including resultatives) and dynamic predicates in the imperfective aspect. However, some languages have further restrictions on the use of continuative expressions. For example, continuative markers may be possible only in the progressive but not in the habitual aspect or the continuative marker can be not compatible with future tense.
- 4) In addition to the continuative meaning, continuative expressions occur in various non-continuative meanings. The most frequent meanings are related to pluractionality ('again', 'also', 'continuously'); other possible meanings are nondum ('not yet'), iamitive ('already'), restrictive ('only'), concessive ('despite'), temporal (non-)simultaneity ('while', 'before'), etc. The rich polysemy of continuative markers is especially common in languages of Australia and Papunesia.
- 5) When combined with negation, continuative expressions most frequently have the meaning 'not yet' (~ 'still not'), less frequently — the meaning 'no longer'. Sometimes continuative expressions can be used to derive both 'not yet' and 'no longer' meanings in different negative constructions. Finally, they can be ungrammatical in the negative contexts.

In general, two “clusters” of typological profiles of the continuative expressions can be distinguished: predicative and adverbial. A prototypical predicative continuative expression originates as a verb, may have actional restrictions on the dependent predicate, can also function as an aspectual marker and, if possible at all in the negative context, in combination with negation means ‘no longer’. A prototypical adverbial continuative expression originates as an adverbial phrase, is often also used in the additive and repetitive meanings and, in the negative context, conveys the meaning ‘not yet’.

Abbreviations

AUX — auxiliary; CONT — continuative; INACP — incompletive; INCL — inclusive; IPF — imperfective.

References

- Creissels, Biaye 2016 — D. Creissels, S. Biaye. *Le Balant Ganja*. Dakar: IFAN Cheikh Anta Diop, 2016.
- Dryer 1989 — M. S. Dryer. Large linguistic areas and language sampling. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. P. 257–292.
- Hanson 2010 — R. Hanson. *A grammar of Yine (Piro)*. PhD thesis. Bundoora, Victoria: La Trobe University, 2010.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical approaches to language typology 20–3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145.

Roman Tarasov

HSE University, Moscow

**TROPATIVE, CAUSATIVE AND APPARETIVE
IN DIFFERENT TYPES OF CONSTRUCTED LANGUAGES:
A TYPOLOGICAL APPROACH¹**

This research is dedicated to three lexical derivations — tropative, causative and apparetive — in constructed languages. As it was stated in [Tarasov 2019], “tropative is a lexical derivation having a meaning ‘X considers Y to be Z’” [Ibid.: 1]. Apparetive is a lexical derivation having a meaning ‘X seems to be Y’.

In my report, I consider four categories of constructed languages, or conlangs:

- auxiliary languages (auxlangs), which were designed to serve as a lingua franca,
- zonal languages (zonlangs), an auxlang for a particular language family,
- artistic languages (artlangs), being designed with a recreational purpose,
- engineered languages (englangs), being designed to check linguistic hypotheses.

Grammatical typology of conlangs is scarcely explored in comparison with that of natural languages (NLs). However, some papers still exist: [Libert 2010] about comparatives in auxlangs, [Windsor, Stewart 2017] about stress patterns in Klingon, etc. Having said that, no research on derivations is known.

In [Tarasov 2019] about tropative and [Tarasov 2020] about negative concord, conlangs are mentioned as a detached part of research.

¹ The research was carried out with the support of Language Creation Society. I appreciate the LCS President, Dr. Joseph Windsor for being an advisor of my thesis.

It is necessary to emphasize that while most of conlang-related papers concern cultural or psychological aspects of language construction, I present an attempt of studying conlangs with purely linguistic methods, i.e., the same way that NLs are usually treated.

The main research questions are:

- 1) Which models are used in conlangs of different types?
- 2) Which factors influence a choice of a model for a conlang?

The research was performed using two methods:

- 1) grammar descriptions analysis — for causatives;
- 2) cross-sectional method — for tropatives and apparetives. This method was thoroughly discussed in [Tarasov 2019], and it involves translating six sentences from Russian or English language.

This discrepancy is explained by the fact, that, on the one hand, tropative and apparetive are poorly explored even in NLs, therefore, they are rarely mentioned in grammar descriptions. On the other hand, proper cross-sectional study of causatives would require an excessively large questionnaire, which would decrease the number of informants. During the research, 20 conlangs were processed.

The following conclusions were made:

- the aim of a conlang is the most important factor having an influence on its derivational model. Englangs show the highest degree of variation, since the aims of these languages are various, sometimes opposite to each other;
- tropative, apparetive and causative show different rates of grammaticalization. This discrepancy could be explained by the fact that different methods were applied, but tropative and apparetive still show different results. Explanation through a level of coverage also seems unsuitable, since both tropative and apparetive are equally poorly explored. The most probable explanation is that there are different ideas about structures of these derivations;
- almost all conlangs utilize a strongly grammaticalized causative, with the exception of Solresol and Volapük. These trends can be explained by the fact that a strongly grammaticalized causative is easier to implement since it requires less stems. In comparison with a weakly grammaticalized causative, it de-

- creases the number of rules and exceptions, which is desirable for both an author and users;
- it is also important that while ideally convenient derivational system can be constructed without any consideration, creating an ‘ideally inconvenient’ one requires consideration of this particular aim.

References

- Libert 2010 — A. R. Libert. Comparing comparatives in Artificial languages. *Interlingvistikaj Kajeroj*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 64–174.
- Tarasov 2019 — R. Tarasov. Towards a typology of tropative. Handout of the paper presented at the 16th Conference on typology and grammar for young scholars. Institute for Linguistic Studies RAS, Saint Petersburg, November 21–23, 2019. Available at: https://www.youngconfspb.com/application/files/2815/7532/4845/Tarasov-Towards_a_Typology_of_Tropative.pdf (accessed on 09.10.2021).
- Tarasov 2020 — R. Tarasov. Negative concord models in Slavonic languages and beyond from a typological perspective. Handout of the paper presented at the 17th Conference on typology and grammar for young scholars. Institute for Linguistic Studies RAS, Saint Petersburg, November 19–21, 2020. Available at: https://www.youngconfspb.com/application/files/7516/0600/4338/Tarasov_Negative_Concord.pdf (accessed on 09.10.2021).
- Windsor, Stewart 2017 — J. W. Windsor, R. Stewart. Can unnatural stress patterns be learned: New evidence from Klingon. A. A. Monti (ed.). *Actes du Congrès de l'ACL 2017 / 2017 CLA conference proceedings*. Available at: https://cla-acl.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/actes-2017/Windsor_J.Stewart_R.2017CLAProceedingsPaper.pdf (accessed on 09.10.2021).

Samira Verhees

HSE University, Moscow

**ANIMACY AGREEMENT IN
NON VERBAL PREDICATION IN BOTLIKH**

Gender agreement systems are considered to belong to the “more mature” elements of language, because they emerge as the result of long and complex chains of developments [Dahl 2004: 112, 200]. Botlikh, an unwritten language of Daghestan, features two independently operating gender agreement systems with a partial semantic overlap: A) a set of noun class markers common to the East Caucasian family; B) an additional paradigm of dedicated animacy markers.

Table 1. Noun class markers (A)

SG	M	F	N
	<i>w</i>	<i>j</i>	<i>b</i>
PL	AN		INAN
	<i>r</i>		<i>b</i>

Table 2. Dedicated animacy markers (B)

Form		AN	INAN
Negative copulas		<i>ti-č'i</i>	<i>χu-č'i</i>
Interrogative particles			
	Polar	<i>=ti.ma</i>	<i>=χu.ma</i>
	Content	<i>=ti.la</i>	<i>=χu.la</i>
Attributive clitics		<i>=la-CM</i>	<i>=χo-CM</i>
Participles			
	Present	<i>-la-CM</i>	<i>-χa-CM</i>
	Future	<i>-la-CM</i>	<i>-χo-CM</i>
Ordinal numerals		<i>-la-CM</i>	<i>-χo-CM</i>

Animacy is a central parameter in both systems. This distinction is unique to Botlikh and appears to be a relatively recent innovation. Other languages of the Andic branch tend to distinguish humans from non-humans in the plural domain of the noun class system. Cognates of the dedicated animacy markers are sparsely attested and fulfill a variety of different functions not related to agreement. Both systems are known to show inconsistent agreement patterns across speakers, which could be due to the semantic ambiguity of certain referents (e.g. abstract concepts that can refer to groups of people, such as a ‘grade’ in school, or certain animals or insects), the fact that animacy as a parameter is not fully grammaticalized (yet), or a combination of these two factors.

The present paper investigates how these systems operate in the context of non-verbal predication, where System A is expressed in tenses other than the general present (1), and System B is expressed in the general present under negation (2)¹. The verb form used in affirmative copular sentences with general present tense reference is unmarked (3).

- (1) a. *t'orgu mak'-il r-uk'-a udu.*
 all child-PL AN.PL-be-AOR there
 ‘All the children were there’. [Saidova, Abusov 2012: 357]
- b. *tetra-bali=la, quči-bali=la habakabaža*
 notebook-PL=ADD book-PL=ADD mixed_up
b-uk'-a.
 INAN.PL-be-AOR
 ‘The notebooks and books were mixed up’. [Saidova, Abusov 2012: 139]
- (2) a. *ila iš-qe li-č'i.*
 mother home-APUD AN.COP-NEG
 ‘Mother is not at home’. (Fieldwork 2021)
- b. *quča škafi-li (hinu) χu-č'i.*
 book closet-GEN (inside) INAN.COP-NEG
 ‘The book is not in the closet’.

¹ The term “general present” here refers to a semantically unmarked present tense as opposed to e.g. a habitual.

- (3) a. *ila iš-qe ida.*
 mother home-APUD COP
 ‘Mother is at home’. (Fieldwork 2021)
- b. *go-l buc’i di-l ida.*
 DEM-AN.PL cattle I.OBL-AN.PL[GEN] COP
 ‘Those cows are mine’. [Saidova, Abusov 2012: 121]

The main question I will address is to what extent these systems overlap semantically, or whether they show some significant idiosyncrasies in their agreement patterns. Based on examples from the available literature and elicited data, I conclude that the systems do indeed overlap semantically. Their agreement patterns as well as inconsistencies therein largely align. Importantly, both favor humans as more consistently agreeing for animate. This suggests that Botlikh has some latent tendencies towards clustering human referents together in contrast with non-human referents. An interesting problem for future research will be uncovering the opposing tendencies that prevent Botlikh from developing this more common human / non-human distinction.

Abbreviations

ADD — additive; AN — animate; AOR — aorist; APUD — apudessive; CM — noun class marker; COP — copula; DEM — demonstrative; F — noun class for female humans; GEN — genitive; INAN — inanimate; M — noun class for male humans; N — neuter; NEG — negative; OBL — oblique; PL — plural; SG — singular.

References

- Dahl 2004 — Ö. Dahl. *The growth and maintenance of linguistic complexity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004.
- Saidova, Abusov 2012 — P. A. Saidova, M. G. Abusov. *Botlikhsko-russkiy slovar* [Botlikh-Russian dictionary]. Makhachkala: S. n., 2012.

Alexey Vinyar

HSE University, Moscow

**NEITHER LEXICALIST, NOR “SYNTACTIC”:
EVIDENCE FOR A FORCE-DYNAMIC ACCOUNT
OF NOUN INCORPORATION IN AMGUEMA CHUKCHI**

Noun Incorporation (NI), a construction in which a noun is compounded with its verbal head, has received much theoretical discussion (see the recent overview in [Johns 2017]). One of central questions is about the nature of the rules governing the (im)possibility of some types of event’s participants to incorporate. Without the few exceptions (see [Tuggy 1981; Velázquez-Castillo 1996; Evans 2003]), analyses of the incorporability restrictions can be divided into two broad types. Some researches argue that it is the semantic structure of the verb’s lexical entry that determines which type of a participant can be incorporated; e.g. see [Mithun 1984; Rosen 1989; Spencer 1995]. Such types of analyses are often called lexicalist. Other linguists advocated a phrase-structure-centered approach to NI: such theorists argued that there are certain types of “global” syntactic configurations (most commonly, the relations between the verbal head and its direct internal object) which can “trigger” NI. Among such studies [Baker 1988, 1996; Baker et al. 2005; Muro 2009; Barrie 2011] can be mentioned.

In this study, I present evidence¹ from Amguema Chukchi (Chukotka-Kamchatkan, North-Eastern Russia) which speaks for a rather different approach to the (im)possibility of a given participant to be incorporated. Advancing the ideas discussed in [Croft 2012], I argue that incorporability rules cannot be reduced neither to the nature of a verb’s lexical entry (see [Spencer 1995] on Chukchi), nor to global syntactic relations (see [Baker 1996] on a variety of languages). In-

¹ The data I use in this paper was collected by the Author with the generous help of speakers of Amguema variety of Chukchi (Chukotka AO, Iultinskij district, Amguema village) during the fieldtrips in 2016, 2017, 2018 and 2021.

stead, rules of incorporation are governed by the event structure itself, modeled as a chain of force-dynamic interactions between participants (not only so-called “arguments”, but “adjuncts”, too), see [Croft 2012].

Previous studies of other Chukchi varieties (e.g. [Skorik 1948; Nedjalkov 1976, 1977, 1982; Polinsky 1990; Kurebito 2001]) indicate that a wide range of different types of participants can be incorporated in Chukchi: P- and S-arguments, Instruments and other “adjuncts” and even Cause-like participants. Summarizing this data for Amguema variety, I also observe constructions with double noun incorporation (1d) and constructions in which the presence of an “indirect object” prevents the “direct object” from being incorporated (3b).

- (1) a. *ɲewəsqet-e lʔulqət-∅ ∅-keli-ni-n*
 girl-INS face-NOM.SG 2/3.S/A-draw-3SG.A.3.O-3SG.O
pujʔe-te
 soot-INS
- b. *ɲewəsqet-∅ ∅-lʔulqət-pujʔe-keti-γʔ-i*
 girl-NOM.SG 2/3.S/A-face-soot-draw-TH-2/3SG.S
- c. **ɲewəsqet-∅ ∅-pujʔe-lʔulqət-keli-γʔ-i*
 girl-NOM.SG 2/3.S/A-soot-face-draw-TH-2/3SG.S
 ‘The girl painted her face with soot’.
- (2) *aʔasek-a ɲarkir-e*
 young_man-INS old_clothes_bag-INS
∅-te-jəŋe-ɲə-ni-n *orw~oor*
 2/3.S/A-MAKE-load-MAKE-3SG.A.3.O-3SG.O sledge~RDP.NOM.SG
 ‘The father loaded the sledge with the bags for old clothes’.
- (3) a. *∅-ewirʔə-te-jəŋe-ɲə-ni-n*
 2/3.S/A-clothes-MAKE-load-MAKE-3SG.A.3.O-3SG.O
orw~oor
 sledge~RDP.NOM.SG
- b. **∅-orwə-ta-jəŋa-ɲə-γʔ-e* *ewirʔ-e*
 2/3.S/A-sledge-MAKE-load-MAKE-TH-2/3SG.S clothes-INS
 ‘(The father) loaded the sledge with clothes’.
- (4) *∅-orwə-ta-jəŋa-ɲə-γʔ-e*
 2/3.S/A-sledge-MAKE-load-MAKE-TH-2/3SG.S
 ‘The father loaded the sledge’.

On the basis of such constructions, I argue that the incorporated participant in Amguema Chukchi should conform to two principles of force-dynamic organization of event structure:

- i. the incorporated participant cannot follow the Direct Object in the chain of force-dynamic interaction;
- ii. the incorporated participant is the first participant two which the force is transmitted and/or which measures out an event.

Abbreviations

2, 3 — 2nd, 3rd person; A — A-like participant indexation; INS — instrumental case (for A participants and Instruments); MAKE — make-verbalizer; NOM — nominative case (for S- and P-participants); O — P-like participant indexation; RDP — reduplication; S — S-participant; SG — singular; TH — thematic suffix (part of polypersonal indexation paradigm).

References

- Baker 1988 — M. C. Baker. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Baker 1996 — M. C. Baker. *The polysynthesis parameter*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Baker et al. 2005 — M. C. Baker, R. Aranovich, L. A. Golluscio. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*. 2005. Vol. 81. P. 138–176.
- Barrie 2011 — M. Barrie. *Dynamic antisymmetry and the syntax of noun incorporation*. (Studies in natural language and linguistic theory 84). Dordrecht; New York: Springer, 2011.
- Croft 2012 — W. Croft. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Evans 2003 — N. Evans. *Bininj Gun-Wok: A Pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. In 2 vols. (Pacific linguistics 541). Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 2003.
- Johns 2017 — A. Johns. Noun Incorporation. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *The Wiley Blackwell companion to syntax*. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2017. P. 1–27.

- Kurebito 2001 — M. Kurebito. Noun incorporation in Koryak. *Languages of the North Pacific Rim*. 2001. Vol. 6. P. 29–58.
- Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation. *Language*. 1984. Vol. 60. No. 4. P. 847–894.
- Muro 2009 — A. Muro. *Noun incorporation: A new theoretical perspective*. PhD thesis. Padua: Università degli Studi di Padova, 2009.
- Nedjalkov 1976 — V. P. Nedjalkov. Diathesen und Satzstruktur im Tschuktschischen. R. Lötsch, R. Růžička (Hrsg.). *Satzstruktur und Genus Verbi*. (Studia grammatica XIII). Berlin: Akademie Verlag, 1976. S. 181–211.
- Nedjalkov 1977 — V. P. Nedjalkov. Possessivnost i inkorporatsiya v chukotskom yazyke (inkorporatsiya podlezhashchego) [Possession and incorporation in Chukchi (subject incorporation)]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Problemy lingvisticheskoy tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and language structure]. Lenindrad: Nauka, 1977. P. 108–138.
- Nedjalkov 1982 — V. P. Nedjalkov. Chukotskiye glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi verbs with incorporated subject]. S. D. Katsnelson (ed.). *Kategoriya subyekta i obyekta v yazykakh razlichnykh tipov* [The subject and object categories in the languages of various types]. Leningrad: Nauka, 1982. P. 135–153.
- Polinsky 1990 — M. Polinsky. Subject incorporation: Evidence from Chukchee. K. Dziwirek, P. Farrell, E. Mejias-Bikandi (eds.). *Grammatical relations: A cross-theoretical perspective*. Stanford: Stanford Linguistics Association, CSLI, 1990. P. 349–364.
- Rosen 1989 — S. Rosen. Two types of noun incorporation: A lexical analysis. *Language*. 1989. Vol. 65. No. 2. P. 294–317.
- Skorik 1948 — P. Ya. Skorik. *Ocherk po sintaksisu chukotskogo yazyka: inkorporatsiya* [A sketch of Chukchi syntax: Incorporation]. Leningrad: Uchpedgiz, 1948.
- Spencer 1995 — A. Spencer. Incorporation in Chukchi. *Language*. 1995. Vol. 71. No. 3. P. 439–489.
- Tuggy 1981 — D. H. Tuggy. The transitivity-related morphology of Tetelcingo Nahuatl: An exploration in space grammar. PhD thesis. San Diego: University of California, 1981.
- Velázquez-Castillo 1996 — M. Velázquez-Castillo. *The grammar of possession: Inalienability, incorporation and possessor ascension in Guaraní*. (Studies in Language Companion Series 33). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1996.

*Alexey Vinyar, Tatiana Kazakova,
Varvara Popova, Anna Postnikova*

HSE University, Moscow

**MOTION-CUM-PURPOSE AND ASPECT VIA APOPHONY
IN EVEN VERBAL DERIVATION:
A TENTATIVE DIACHRONIC PROPOSAL¹**

Even (Northern Tungusic < Tungusic) exhibits at least three pairs of verbal derivational suffixes (four denominal verbalizers and one deverbal derivational suffix) the semantic and formal correspondences in which can be analyzed as a case of apophony:

- /ma/ ‘go to hunt N’ (1); /mi/ ‘to hunt N’ (2)
- /la/ ‘go to gather/fetch N’ (3); /li/ ‘gather N’ (4)
- /na:/ ‘go to V (perfective)’ (5); /ni/ ‘go to V (imperfective)’ (6)

- (1) *olla-ma-ri-n*²
fish-GO.HUNT-PST-3SG
‘He went fishing’.
- (2) *olla-mi-ri-n*
fish-HUNT-PST-3SG
‘He was fishing’.
- (3) *ašatkan mø:-la-ri-n*
girl water-GO.GATHER-PST-3SG
‘Girl went to fetch water’.

¹ This paper was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program in 2021.

² The Even data is given for the Bistraja variety spoken in Kamchatka (obtained by the authors during summer 2021). We use the transcription reflecting the features specific to Bystraja variety. Note that Even suffixes are subject to vowel harmony rules (see (3)).

- (4) *ašatkan mø:-li-ri-n*
 girl water-GATHER-PST-3SG
 ‘Girl fetched water’.
- (5) *maša nime:γ-ne-ri-n pet'a-tki*
 M. visit-MCP-PST-3SG P.-DIR
 ‘Masha went to visit Petya’.
- (6) *mašha nime:γ-ni-ri-n pet'a-tki*
 M. visit-MCP.ATL-PST-3SG P.-DIR
 ‘Masha used to go to visit Petya’.

While the peculiar similarity between these pairs of suffixes was noted at least as early as by [Cincius 1947], the exact meanings of these morphemes were not thoroughly studied previously. On the basis of the fieldwork data collected with the help of speakers of Bystraja Even (Kamchatka, Bystrinsky District), we provide a detailed description of the semantics of constructions involving the morphemes in question and prove that semantic differences reflected in their translations are indeed the part of the suffixes’ lexical entry. Additionally, we claim that the semantic correspondences highlighted above can be analyzed as a case of apophony: /i:/ vowel indicates an imperfective event while /a:/ vowel signalizes a perfective event additionally containing a motion-cum-purpose component.

While the exact diachronic scenario for the development of such apophony requires additional research in Tungusic diachronic verb morphology, we provide a tentative development pathway for this apophony pattern in Even. We base our research on the comparative survey of available descriptive materials on other Tungusic languages and previous comparative [Sunik 1962; Robbek 1982; Nedjalkov 1992] as well as diachronic [Cincius 1949, 1975–1977] studies of the language family in question.

As our comparative study shows, the similar apophony exists in Northern Tungusic while in Central Tungusic and Manchu-Jurchen only the variants cognate to some ‘*/a/’ morphemes are present. We provide the following diachronic scenario for the development of apophony-sensitive suffixes. Firstly, at the level of Proto-Northern Tungusic, the verb **wa*: ‘to kill, to hunt’ (see [Cincius 1975–1977]) was grammaticalized into the verbalizer **ma*: ‘to hunt N’ which was neu-

tral to perfective / imperfective distinction. Later, this verbalizer was borrowed into Proto-Central Tungusic (which can be proved by the sound correspondences as reconstructed by [Cincius 1949: 180–181]). The next step involved the development of suffix *-*ma:či* ‘to hunt N_{IPFV}’ via the coalescence of *-*ma:* with the general Proto-Tungusic imperfectivizer *-*či*. Later in Northern Tungusic the *-*ma:či* was truncated to *-*mi* while *-*ma:* acquired strictly perfective semantics associated with additional motion-cum-purpose component (probably due to the tendency of verbal stems in Northern Tungusic to be perfective without additional aspectual elaborations, see [Nedjalkov 1992]). Later, the correspondence between *-*ma:* and *-*mi:* lead to the development of *-li:* from *-la:* in Even and Evenki and Even-specific further establishment of *-ni:* as an imperfective variant of a Tungusic-common *-*na:* motion-cum-purpose marker.

Abbreviations

3 — 3rd person; DIR — directive; GATHER — verbalization ‘to gather x’; GO.GATHER — verbalization ‘go to gather x’; GO.HUNT — verbalization ‘go to hunt x’; HUNT — verbalization ‘to hunt x’; MCP — motion cum purpose; MCP.ATL — motion cum purpose atelic; NFUT — nonfuture tense; PST — past tense; SG — singular.

References

- Cincius 1947 — V. I. Cincius. *Očerki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even language (Lamut)]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.
- Cincius 1949 — V. I. Cincius. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-mančžurskikh yazykov* [Comparative phonetics of Tungusic languages]. Leningrad: Uchpedgiz, 1949.
- Cincius 1975–1977 — V. I. Cincius. *Sravnitel'nyy slovar tunguso-mančžurskikh yazykov. Materialy k etimologičeskomu slovarju* [Comparative dictionary of the Tungusic languages. Materials for the etymological dictionary]. In 2 vols. Leningrad: Nauka, 1975, 1977.
- Nedjalkov 1992 — I. V. Nedjalkov. *Zalog, vid, vremya v tunguso-mančžurskikh yazykakh (formalno-smyslovye svyazi obščikh pokazateley)*

[Voice, aspect and tense in Tungusic languages (form-function relations of cognates)]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1992.

Robbek 1982 — V. A. Robbek. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Aspect in Even]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1982.

Sunik 1962 — O. P. Sunik. *Glagol v tunguso-manchzhurskikh yazykakh: Morfologicheskaya struktura i sistema form glagolnogo slova* [Verb in Tungusic languages: Morphological structure and system of forms of verbal words]. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Алхазова (Москва)</i> К описанию хабитуальной интерпретации деепричастной формы на <i>-гъан-лай</i> в балкарском языке	3
<i>А. О. Бадеев, А. А. Сергиенко (Москва)</i> Одна серия неопределенных местоимений шугнанского языка	7
<i>А. Е. Бакланов (Москва)</i> О семантике эвенского дестинатива	11
<i>Д. Д. Белова (Москва)</i> Морфологический каузатив в татышлинском говоре удмуртского языка	15
<i>А. О. Бузанов (Москва)</i> Конкуренция русских приименных посессивов в диахронической перспективе	19
<i>Ф. Ю. Бурлаков (Москва)</i> Концептуально тождественное анафорическое местоимение в хантыйском языке	22
<i>Д. А. Буров (Москва)</i> Морфосинтаксис послелогов и реляционных имен в хантыйском языке	26
<i>А. А. Бызова, Т. И. Давидюк (Москва)</i> Морфосинтаксические свойства именной и послеложной групп в татышлинском говоре удмуртского языка	31
<i>А. А. Вебер (Москва)</i> Видовременная система керекского языка в сравнении с другими языками чукотско-камчатской семьи	36

<i>Е. С. Володина, Я. А. Кокорева, Я. Л. Раскин</i> (Москва) Доклад сегодня, во вторник, по пятницам: обстоятельства времени при номинализациях в русском языке.....	40
<i>А. Р. Гильманова</i> (Санкт-Петербург) Редупликация со значением интенсификации в русском языке ...	45
<i>Ф. В. Голосов</i> (Москва) Грамматикализация глагола <i>porəp</i> 'жить' в малокарачклинском говоре чувашского языка	49
<i>Ф. В. Голосов, Д. Ю. Писаренко</i> (Москва) Дуалис в хантыйском языке и формальная семантика числа	54
<i>М. И. Голубева</i> (Москва) Посессивная конструкция с <i>друг друга</i> как пример свободного анафора	59
<i>В. Д. Гребнева</i> (Москва) К описанию проспективной зоны в шугнанском языке.....	62
<i>А. Д. Гревцова</i> (Санкт-Петербург) Корпусное исследование каритивных прилагательных в русском языке	66
<i>А. И. Груздева, Д. А. Пармонова</i> (Москва) Система значений реципрокального суффикса <i>-и</i> в балкарском языке	70
<i>А. А. Данилова, Ю. Н. Кузнецова</i> (Москва) Таксисные свойства деепричастий с показателями <i>-sa, -kə, -č'ož</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	74
<i>А. Ербаланов</i> (Нур-Султан) Фреквентатив в казымском хантыйском.....	79
<i>Д. А. Ермакова</i> (Санкт-Петербург) Глагольная акциональность в новоарамейских идиомах с. Урмия (Краснодарский край)	84
<i>А. Н. Закирова</i> (Москва) Оптатив в марийских языках: особенности грамматикализации....	88

<i>А. Н. Закирова (Москва), Д. А. Сапарова (Москва, Санкт-Петербург)</i> Неглагольная предикация в чувашском и горномарийском языках	93
<i>Д. И. Игнатенко (Москва)</i> Инхоативные показатели в быстринском говоре эвенского языка	99
<i>Э. К. Кожевникова, И. А. Хомченкова (Москва)</i> Особенности употребления каритивных и эксцептивных конструкций с послелогом <i>baška</i> в татышлинском удмуртском	104
<i>А. А. Козлов, М. О. Бажуков, Д. Е. Касенов, А. С. Коновалова (Москва)</i> К истории русского слова именно	109
<i>А. И. Крюкова (Москва)</i> (Анти-)ассоциативная множественность в татышлинском удмуртском	113
<i>Ю. Н. Кузнецова (Москва)</i> Семантика глагольных комплексов <i>V+guo+le</i> в современном китайском языке	118
<i>Т. А. Леонтьева (Санкт-Петербург)</i> <i>Ta</i> и <i>tada</i> : семантика сочинительных средств в малокарачкинском говоре чувашского языка	122
<i>А. А. Мельник (Москва)</i> Дериваты с суффиксом <i>-(i)s'k</i> в татышлинском удмуртском: особенности семантики и аргументной структуры	126
<i>С. К. Михайлов (Москва)</i> Когда можно и когда нужно использовать севернохантыйский показатель топика?	132
<i>Д. Д. Мордашова (Москва)</i> Дебитивно-эквативный тандем, или Об одной модальной конструкции в татышлинском удмуртском	137

<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Каким должен быть субъект в казымском хантыйском?.....	141
<i>Т. А. Мухин, П. Л. Наследскова (Москва)</i> Указательные местоимения в рутульском языке	144
<i>А. Д. Ногина (Москва)</i> Причастная стратегия релятивизации в быстринском диалекте эвенского языка	149
<i>В. А. Поцелуев (Москва)</i> Реструктурирование в казымском диалекте хантыйского языка	153
<i>Е. А. Ренковская (Москва)</i> «Один в поле не воин»: к вопросу о происхождении гонорифической множественности.....	157
<i>П. О. Россяйкин, Д. М. Зеленский (Москва)</i> Отрицательные местоимения без лицензора в русском языке...	162
<i>А. А. Русских (Москва, Санкт-Петербург)</i> Приименные посессивные конструкции в урмийском новоарамейском.....	168
<i>А. А. Русских, А. А. Цызова (Москва), М. С. Свистунов (Санкт-Петербург)</i> Фонетические проявления грамматикализации аддитивной частицы <i>ta</i> в разных функциях в малокарачкинском говоре чувашского языка.....	172
<i>Ю. В. Сеницына (Москва)</i> Эквативные маркеры стандарта в татышлинском удмуртском: морфосинтаксис и семантика	176
<i>А. М. Старченко (Москва)</i> В имя или в глагол: инкорпорация в номинализацию в амгуэмском диалекте чукотского языка	181
<i>К. А. Студеникина (Москва)</i> Атрибутивное согласование по числу при сочинении модификаторов в русском языке.....	186

<i>Д. Г. Федоров (Москва)</i> Семантическое поле перемещения веществ на материале славянских языков.....	190
<i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> О двуличной сущности перфекта.....	195
<i>М. О. Черемисинова (Москва)</i> Реальные условные конструкции в бесермянском удмуртском.....	199
<i>Д. Г. Чистякова (Москва)</i> Некоторые особенности ваккернагелевских энклитик в шугнанском языке	203
<i>Е. Е. Шведова (Санкт-Петербург)</i> Каузативно-инхоативные пары в урмийском новоарамейском: типология и диахрония	207
<i>В. П. Шувалова (Санкт-Петербург)</i> Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия (Краснодарский край)	212
<i>Daria Alfimova (Kiel)</i> Circum-Baltic object marking against a broader areal perspective ...	216
<i>Consuelo Sandoval Browne (Lisbon)</i> Coding strategies of semantic features in demonstrative systems: Cross-linguistic patterns.....	221
<i>Matteo Greco (Pavia)</i> The Italian negative system: from Latin to contemporary uses.....	225
<i>Daniar Kasenov (Moscow)</i> Indexical shift and monstrous agreement in Balkar	229
<i>Luis Filipe Lima e Silva (Vitória), Veronique Douzaka Pahimi (Belo Horizonte)</i> Grammaticalization of the reflexive and middle voice markers in Mundang (Niger-Congo).....	233

<i>Natalia Logvinova (Saint Petersburg)</i> Copula agreement hierarchy in Urmi North Eastern Neo-Aramaic dialect.....	237
<i>Chiara Naccarato (Moscow)</i> Predicative possession in East Caucasian languages.....	242
<i>Anastasia Panova (Moscow)</i> Towards a typology of continuative expressions.....	245
<i>Roman Tarasov (Moscow)</i> Tropative, causative and apparetive in different types of constructed languages: A typological approach.....	248
<i>Samira Verhees (Moscow)</i> Animacy agreement in non verbal predication in Botlikh.....	251
<i>Alexey Vinyar (Moscow)</i> Neither lexicalist, nor “syntactic”: Evidence for a force-dynamic account of noun incorporation in Amguema Chukchi.....	254
<i>Alexey Vinyar, Tatiana Kazakova, Varvara Popova, Anna Postnikova (Moscow)</i> Motion-cum-purpose and aspect via apophony in Even verbal derivation: A tentative diachronic proposal	258

Научное издание

ВОСЕМНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов
Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.

Подписано в печать . Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ №